

ОГОНЁК
№ 24 ИЮНЬ 1969
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 24 (2189)

Основан 1 апреля 1923 года

14 ИЮНЯ 1969

КОММУНИСТЫ ПЛАНЕТЫ В МОСКВЕ

5 июня в Москве, в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца, открылось международное Совещание коммунистических и рабочих партий.

На снимке: в зале заседаний международного Совещания коммунистических и рабочих партий.

Фото Дм. Бальтерманца.

Выступление главы делегации КПСС Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева.

КОММУНИЗМ — ЗНАМЯ ВЕКА

Николай ПАСТУХОВ

На повестке дня Московского Совещания — самый животрепещущий вопрос наших дней: задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил.

Под сводами Георгиевского зала Большого Кремлевского дворца звучат речи на многих языках мира. Они проникнуты духом пролетарского интернационализма, товарищества, сознанием глубокой ответственности перед рабочим классом, трудящимися всей планеты за судьбы общественного развития. Представители братских партий единодушно указывают в своих выступлениях, что главную характерную черту нашей эпохи составляет неуклонный, последовательный рост сил социализма, демократии, национального освобождения и мира.

Огромный интерес среди участников Совещания и во всем мире вызвала речь главы делегации КПСС Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева. Под продолжительные аплодисменты всех присутствующих в Георгиевском зале он сказал: «У нас, товарищи, есть все основания уверенно смотреть в будущее. Коммунистическое движение, верное бессмертному учению Маркса, Энгельса, Ленина, располагает сейчас гигантскими возможностями, чтобы в союзе со всеми антиимпериалистическими силами добиться новых побед в исторической борьбе за социальное и национальное освобождение народов, за мир, за светлое коммунистическое будущее всего человечества».

Эта глубокая теоретическая речь, убедительная и полная жизнеутверждающего оптимизма, так же как и яркие выступления на Совещании представителей других братских партий широко в эти дни комментируются мировой прессой. Обсуждение коммунистами узловых проблем нашего времени и коллективная выработка документов, пишет польский еженедельник «Политика», будут, бесспорно, способствовать сплочению рядов коммунистического движения и окажут значительное влияние на ход борьбы за мир, социальное и национальное освобождение на всех континентах.

Перед началом работы Совещания. На переднем плане — Генеральный секретарь ФКП Вальдек Роше (справа) **и Первый секретарь ЦК ВСРП Янош Кадар** (в центре).

Ряд участников международного Совещания коммунистических и рабочих партий совершил прогулку по каналу имени Москвы. Слева направо: **член Секретариата ЦК Компартии Кубы К. Р. Родригес, Первый секретарь ЦК Болгарской коммунистической партии, Председатель Совета Министров НРБ Т. Живков, секретарь ЦК СЕПГ Э. Хонеккер на побережье Пестовского водохранилища.**

В пресс-центре Совещания на вопросы журналистов отвечает Генеральный секретарь Компартии США Г. Холл.

Пресс-центр Совещания. Советские и иностранные журналисты получают текст речи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева.

Болгарская газета «Работническо дело», в свою очередь, отмечает провал буржуазной пропаганды. Вопреки прогнозам «ясновидцев», указывает газета, Совещание стало фактом. В лагере реакционной пропаганды появилась растерянность. Ее надежды оказались бесплодными, а предсказания — лживыми. Поэтому сейчас она прилагает все усилия, чтобы принизить политическое значение Совещания, посеять недоверие и скептицизм. Нельзя не отметить, продолжает «Работническо дело», что к общему ансамблю клеветы и фальсификации западной печати, радио и телевидения с не меньшей яростью присоединяются пекинские раскольники и предатели.

Работу Московского Совещания освещают триста советских и иностранных журналистов, аккредитованных при пресс-центре, расположившемся в доме № 9 на улице Калинина. Этот старинный особняк когда-то принадлежал князю Волконскому и был описан Львом Толстым в романе «Война и мир». И вот сегодня тема войны и мира вновь проходит лейтмотивом в корреспонденциях, которые потоком направляются из стен этого особняка по телексам, телефону и телеграфу во все уголки земного шара.

У большинства журналистов, с которыми мне довелось встречаться в пресс-центре и беседовать, Московское Совещание вызывает энтузиазм, надежды и веру в торжество дела мира и прогресса. Однако здесь есть и такие представители буржуазной реакционной прессы, которых весьма удручает всеобщий оптимизм. И это, к сожалению, находит отражение в их корреспонденциях. Такие несовместимые настроения среди журналистов довольно тонко подметил выступавший здесь на пресс-конференции Генеральный секретарь Компартии США товарищ Гэс Холл.

— Для тех из вас,— сказал он, делясь своими впечатлениями о ходе Совещания,— кто выступает против империализма, за национальное освобождение, социализм и мир во всем мире, у меня хорошие вести. Для тех же, кто стоит на противоположных позициях, у меня нет слов утешения.

Товарищ Гэс Холл выразил уверенность, что Совещание укрепит единство коммунистических и рабочих партий и что борьба против империализма станет носить более боевой характер.

Коммунисты планеты на протяжении нашего богатого знаменательными событиями века всегда были неутомимыми борцами за прогресс и своей благородной деятельностью доказали, что поступь нашего времени необратима. Оно богато подвигами, и самые яркие из них принадлежат коммунистам. Они шли на штурм Зимнего, разгромили фашизм, были первыми покорителями космоса, они самые последовательные революционеры в странах, народы которых борются за социальную справедливость и свободу, они самые стойкие борцы за мир во всем мире.

— Где бы ты ни был,— писал Назым Хикмет,— на Красной площади, среди знамен и песен, или в тюрьме за железной решеткой, ожидаешь ли ты у порога родильного дома свою жену с младенцем на руках или томишься в тюремной камере под угрозой расстрела, но если ты трудился как коммунист, мыслил как коммунист, любил как коммунист, боролся как коммунист и жил как коммунист,— ты самый счастливый человек XX века!

Члены делегации Польской объединенной рабочей партии в гостях у космонавтов. Летчик-космонавт СССР В. Николаева-Терешкова дарит Первому секретарю ЦК ПОРП В. Гомулке памятный значок.

Первый секретарь ЦК СЕПГ Вальтер Ульбрихт (слева) и Генеральный секретарь ЦК Сирийской коммунистической партии Халед Багдаш (справа) перед началом заседания.

Делегация Коммунистической партии Чехословакии во главе с Первым секретарем ЦК КПЧ Г. Гусаком посетила Ленинград. Члены делегации в Петродворце.

Делегация Социалистической единой партии Западного Берлина, возглавляемая Председателем партии Г. Данелиусом, в Горках Ленинских.

Фото Н. Науменкова, В. Соболева, А. Стужина, В. Черединцева (Фотохроника ТАСС), А. Геринаса, А. Устинова, А. Хрупова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Венко МАРКОВСКИ

От севера и юга реки вдаль текут,
Несут к Кремлю сердца свои огнянны.
С востока, запада на Кремль курс берут,
И партии вздымают стяг багряный.

Зловещий Пентагон над миром тень занес
Ракетным адом, водородной дрожью,
Он во Вьетнаме жизнь пустил в покос,
Пытаясь Правду смертью уничтожить.

Москва! К тебе летит за вестью весть,—
Мы пульс земли в твоей груди открыли.
Москва! Ты наша гордость, сила, честь,
Ты наши руки превращаешь в крылья.

Народы по тебе в борьбе сверяют дух,
Ты нас зовешь под флаги боевые.
Сегодня вся планета — взор и слух,
И слышит все слова твои живые!

А те, кто справа, слева кто — орут,
Воздев тебя на черный крест позора,
Беснуются и грязь потоком льют,
К Москве бессильно обращая взоры.

Предатели друзей находят у врагов,
Поймавших их на жалкую приманку.
Измена ржавчиной у них съедает кровь
И выворачивает души наизнанку.
Напыщенные боги... петухи,
Сверяющие крик по Вашингтону...

Москва! С тобой печатаю шаги.
Знамена алые с тобой по небосклону!
Один ли хищник или злобный враг
Нам в спину нож отравленный готовил?!

Но мы с тобой! У нас единый флаг,
Единый стяг, он цвета нашей крови.
Москва! С тобой соединив судьбу,
Звериный класс и днем и ночью рушим.
Ты нас зовешь на подвиг, на борьбу,—
И Маркс и Ленин с нами, как оружье!

Высокий Форум! Наш тебе привет!
Когда мы все в твоих рядах едины,
Тогда идем дорогою побед
И в битвах всех мы все непобедимы!

Перевел с болгарского
Анатолий СОФРОНОВ

София. 10 июня 1969 года.

КТО ЖЕ БУДЕТ ЧЕМПИОНОМ?

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

С очень высоким накалом продолжалась спортивная борьба на восьмой неделе матча в Московском театре эстрады.

Восемнадцатая партия явилась продолжением творческого конфликта в защите Тарраша, который Б. Спасский применил уже в пятый раз. Подумайте только: в соревновании, в котором Спасский защищает диссертацию на степень чемпиона мира, у него еще есть охота защищать репутацию одной из защит ферзевого гамбита, которая не пользуется доверием у шахматистов. Но Спасский принципиально применяет именно эту защиту, а Петросян ему ничего не может доказать. В 12-й партии чемпион мира нашел усиление в этом дебюте, в 18-й, наоборот, Спасский заметно отремонтировал вариант и получил отличную позицию. Возможно, что при игре «с позиции силы» Спасский сумел бы создать даже атаку, но он, имея на очко больше, не рискнул потерять этот ценный клад, пошел на упрощения, и в результате партия кончилась вничью.

В этом матче шахматный мир уже видел многое и от Петросяна и от Спасского: тонкую стратегию, упорную и цепкую защиту, хорошие окончания, тактические удары, зевки, цейтноты и т. д. и т. п. Но что лучше может согреть душу шахматного любителя, чем красивая комбинация, жертвы, стремительная атака? И все это было продемонстрировано Спасским с необычным блеском в девятнадцатой партии.

Шахматная партия особенно ценна, когда обе стороны играют хорошо. Следует отметить, что ни один гроссмейстер так и не может определить, какую же ошибку допустил Петросян. Беды Петросяна начались уже на девятом ходу, когда Спасский вытащил из своего чемодана с вариантами ценную теоретическую новинку. Эта позиция встречалась сотни раз в международной практике, в том числе в партиях Петросяна. Но никто еще так не сыграл, как Спасский. Иными словами, Спасский поймал Петросяна на дебютном варианте.

После окончания этой замечательной партии новинка Спасского кажется такой простой, такой логичной. Но почему девятый ход раньше никому и в голову не приходил? Таль так прокомментировал ход Спасского, которым он разменял слона на коня: время дороже двух слонов.

Число 19 счастливое для Спасского. В 1966 году он выиграл 19-ю партию и сравнял счет. Теперь он увеличил разрыв на два очка. Но Спасский знает, что и у Петросяна есть счастливые числа. В 1966 году чемпион мира в двадцатой партии ответил сильным контрударом. И вот история повторилась: 20-я партия закончилась для Спасского поражением. Петросян сократил разрыв. Но чем бы ни завершился спор двух сильнейших шахматистов мира, 19-я партия будет всегда восхищать нас своим творческим содержанием. Не могу вспомнить партию в матчах на первенство мира, в которой чемпион или претендент сдались бы уже на 24-м ходу.

— Великолепно! Блестяще! Вот это партия! Игра в стиле Алехина! — такие лестные отзывы можно было слышать, а затем и читать о 19-й партии. Да, это на самом деле великолепная партия. Она навсегда войдет в золотой фонд шахматного творчества.

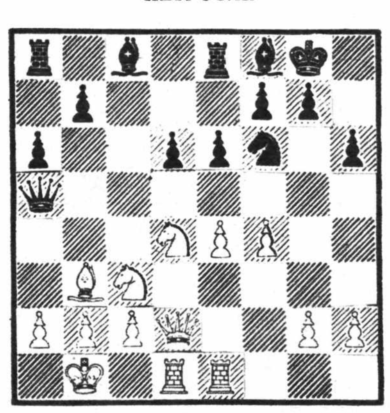
Посмотрим, как проходила 19-я партия матча.

Сицилианская защита.

Б. Спасский — Т. Петросян

После 1. e2 — e4 c7 — c5 2. Кg1 — f3 d7 — d6 3. d2 — d4 c5 : d4 4. Кf3 : d4 Кg8 — f6 5. Кb1 — c3 a7 — a6 6. Сc1 — g5 Кb8 — d7 7. Сf1 — c4 Фd8 — a5 8. Фd1 — d2 h7 — h6 9. Сg5 : f6 Кd7 : f6 10. 0 — 0 — 0 e7 — e6 11. Лh1 — e1 Сf8 — e7 12. f2 — f4 0 — 0 13. Сc4 — b3 Лf8 — e8 14. Крc1 — b1 Сe 7 — f8, получилась позиция, изображенная на диаграмме:

ПЕТРОСЯН

СПАССКИЙ

Кто мог бы подумать, что уже через 10 ходов позиция черных, внешне достаточно прочная, будет разгромлена страшным образом? Последовало:

15. g2 — g4! . . .

Первый сигнал к атаке! Спасский жертвует пешку, чтобы вскрыть линии и диагонали. Даже такой шахматист атакующего стиля, как Е. Геллер, в пресс-бюро морщился и говорил: «Что-то не видно, чего хочет Спасский». Да, пока не видно...

15... Кf6 : g4

Чемпион мира продумал 18 минут и все же взял пешку. Петросян понимал, что если он не примет жертвы, то Спасский получит атаку бесплатно. Страдать, так хоть за пешку.

16. Фd2 — g2 Кg4 — f6
17. Лe1 — g1 Сc8 — d7
18. f4 — f5! . . .

После жертвы были сделаны только три хода (отличных), и тон Геллера был уже совсем иной: у Петросяна тяжелейшая позиция — вот оценка данной им ситуации.

18... Крg8 — h8

Здесь некоторые знатоки советуют 18... e5. Но разве такой ход может считаться выходом из трудного положения? Нет, конечно.

19. Лd1 — f1 Фa5 — d8
20. f5 : e6 f7 : e6
21. e4 — e5! . . .

Каждый ход Спасского после 15. g4 заслуживает восклицательного знака. Цель второй жертвы пешки заключается в том, чтобы подключить к атаке еще и коня c3.

21... d6 : e5
22. Кc3 — e4! Кf6 — h5

Единственный ответ: пока пункт g7 защищен.

23. Фg2 — g6! e5 : d4

Проигрывает тут же. Но спасения не было. В случае 23... Кf4 24. Л : f4 ef 25. Кf3 Фb6 26. Лg5! Сс6 27. Кf6 от матовых угроз нет защиты.

24. Кe4 — g5! . . .

Заключительный эффектный удар. В случае 24... hg 25. Ф : h5 + Крg8 26. Фf7+ Крh7. 27. Лf3, и все кончено. Поэтому:

24... Черные сдались.

М. Таль сказал так: «Игра Спасского в этой партии выше всяких похвал».

15 июня — День медицинского работника

ПИСЬМА, ПИСЬМА...

Военком отказал сразу: «Нет, нет и нет! С ребенком нельзя». Галина Забугина стояла перед ним с полуторагодовалым Степкой на руках. Она была врачом и хотела работать в госпитале. Военком отказал, когда она пришла во второй раз и в третий, а потом согласился: хирурги нужны были до зарезу. И появились в эвакогоспитале новый доктор и мальчишка.

Эвакогоспиталь находился под Москвой в бывшем барском имении. Когда фронт подошел к самой столице, начались бомбежки, обстрелы. Раненых подвозили непрерывно, прямо из санбатов. Мама сутками не выходила из операционной, а сын спал в закутке у сестры-хозяйки, днем топал между коек, заводил знакомства с ранеными.

Немцев отогнали от Москвы, раненых теперь доставляли железнодорожными эшелонами с фронта, самолетами — из партизанских отрядов. И опять по целым суткам не гас свет в операционной. Должно быть, на всех фронтах тысячи и тысячи бойцов с благодарностью вспоминали «хирурга с сынишкой».

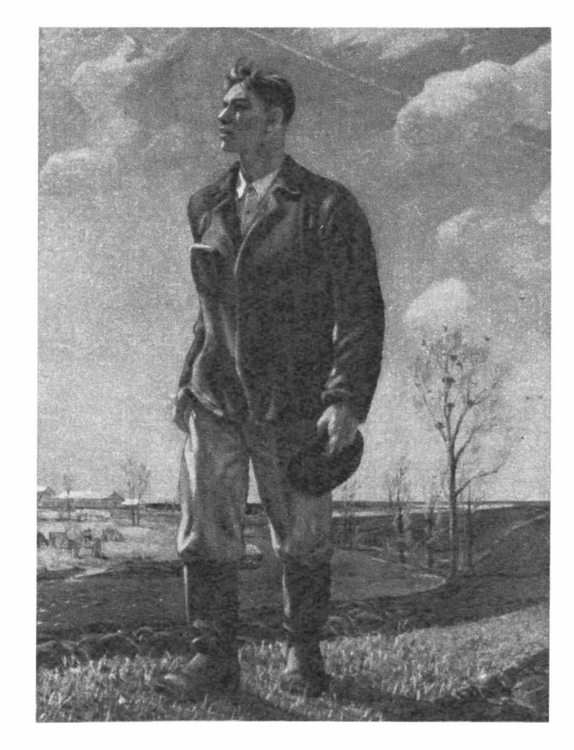
Почти ежедневно приходят письма к Г. Ф. Забугиной. Много писем и от больных, которых Забугина оперировала уже в мирное время. И во всех письмах благодарность врачу и вопрос, как поживает маленький Степка. А Степка, между прочим, уже инженер, работает на Московском станкостроительном заводе имени С. Орджоникидзе.

А. ГОЛИКОВ

На снимке: Г. Ф. Забугина.

Фото автора.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ВЫСТАВКА

В Москве в начале июня в залах Академии художеств СССР открылась выставка произведений Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии, действительного члена Академии художеств СССР, народного художника СССР Александра Александровича Дейнеки.

На этой замечательной выставке представлено более 250 работ художника — живопись, скульптура, графика, мозаика. Полвека вдохновенного труда, воспевающего красоту и величие Родины, трудовые подвиги наших современников.

В работах А. Дейнеки словно слышишь пульс века. В них ощущаешь ритм нашей жизни, видишь то новое, что отличает нашу эпоху.

На снимке: картина А. А. Дейнеки «Тракторист».

Жителям Калининской области и ехать никуда не надо: под боком, в древнем русском городе Кашине, свои минеральные воды и своя целебная грязь. В прошлом году на курорте вступил в строй новый корпус.

ГЕОГРАФИЯ ОТДЫХА

И БАЙКАЛ И ФЕРГАНА

ПЯТЬ ВОПРОСОВ НАШЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ПО УПРАВЛЕНИЮ КУРОРТАМИ ПРОФСОЮЗОВ И. И. КОЗЛОВУ.

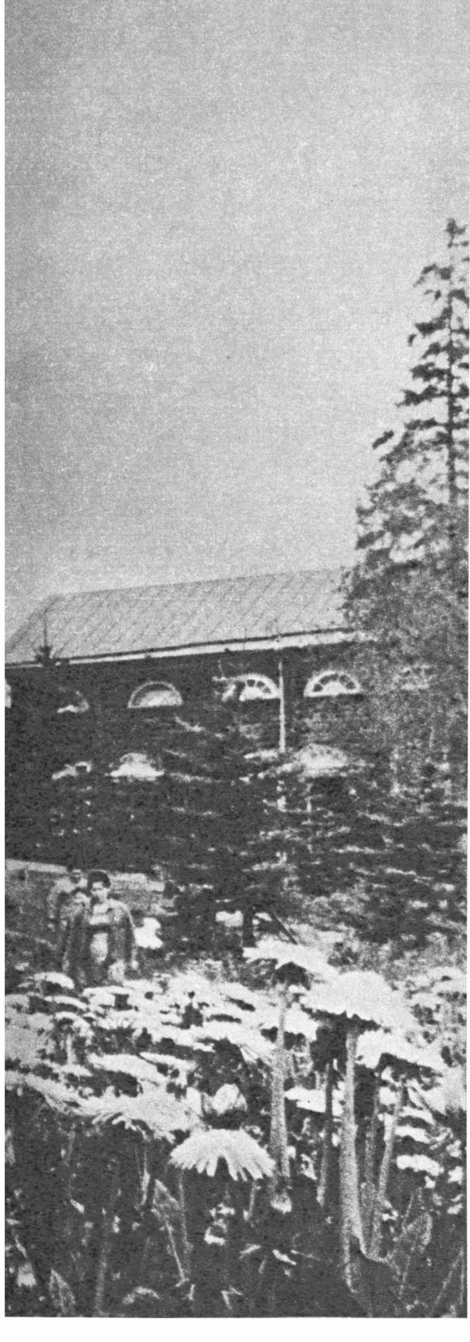
Рыбацкое счастье...

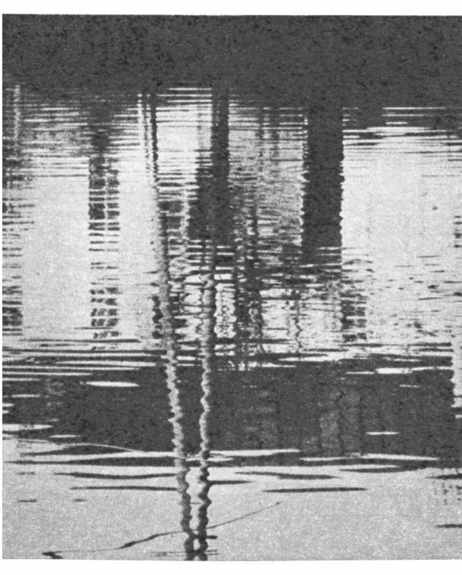
В уюте и покое...

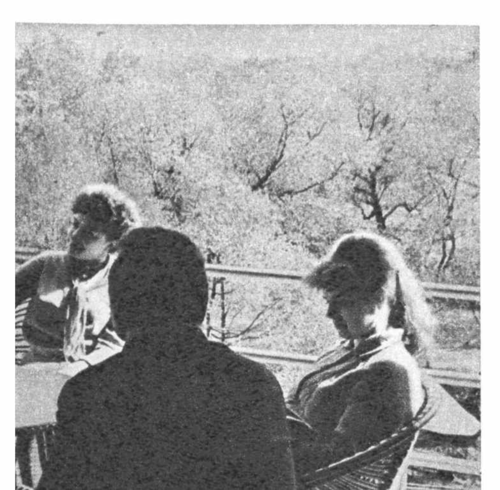

На солнечной веранде.

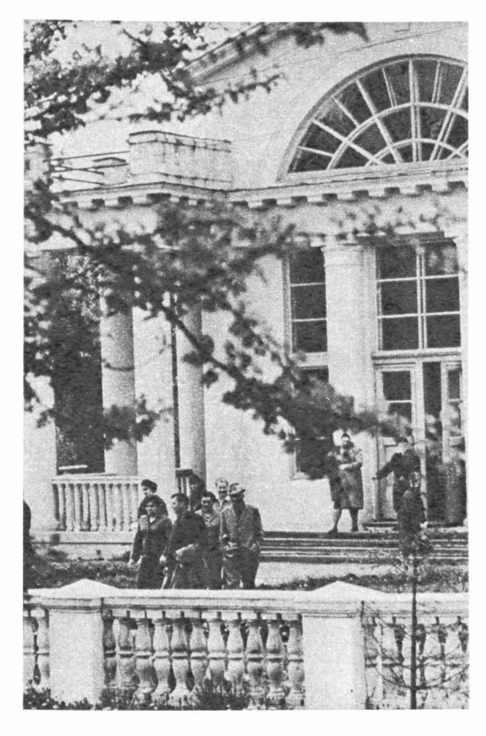

ВОПРОС. Пришло лето, время отпусков. Что нового в нашей курортной географии?

ОТВЕТ. Если я приведу цифры, говорящие о том, что в этом году общее число отдыхающих в санаториях, домах отдыха и пансионатах ВЦСПС приблизится к восьми миллионам, то это вряд ли кого удивит: за пятьдесят лет со дня подписания В. И. Лениным декрета «О лечебных местностях общегосударственного значения» в нашей стране создана огромная сеть курортных районов, которая охватывает буквально все республики и области.

Когда-то славился своими курортами юг России и прибалтийский северо-запад. И сегодня там мощные оздоровительные зоны типа всем известных «Больших Сочи», Евпатории, Рижского взморья. Не о них я хочу говорить. На карту отдыха наносятся десятки новых точек на базе местных минеральных источников и других природных богатств. Назову курортные новинки, заявившие о себе только в этом году.

Узбекистан. Долина Ферганы. Здесь на горных склонах и берегах озер возникнут здравницы и туристические лагеря, способные принять тысячи советских людей. В отрогах Тянь-Шаня создается искусственное Чарвакское море. Окрестности вокруг него уже распределены между организациями. Тут смогут лечиться и отдыхать десятки тысяч ташкентцев. Второй адрес — Ходжа-Оби-Гарм. Это в Таджикистане. Здесь, вблизи высокотермальных источников, строится большой санаторий для лечения различных нервных болезней. А в окрестностях Ашхабада в скором времени возникнет второй Байрам-Али, специально для почечных больных.

Галерея, как в Ессентуках.

Сольвычегодск. Его минеральные источники и целебные иловые грязи известны давно. Но использовались они плохо и мало. Ленинградские инженеры уже работают над проектами многоэтажных корпусов с одно- и двухместными палатами, театром, художественным и музыкальным салонами.

А какие поистине неограниченные возможности для создания курортов вокруг Байкала! Природа тут не поскупилась. Взять хотя бы горячие источники на курорте Горячинск. Он будет развиваться, запланировано создание крупного санатория на тысячу мест. Или, например, Молоковские углекислорадоновые минеральные воды, что всего в двадцати километрах от Читы. Их запасы позволяют открыть санаторий на тысячу мест. В живописных уголках тайги, у подножия покрытых снегом гор бьют десятки целебных ключей — хлоридных, сульфатных, термальных, углекислых. А солнечных дней тут больше, чем в Ялте. Значит, быть Байкалу всесоюзной здравницей!

Для всех новостроек, будь они в новых или старых курортных зонах, характерно одно — крупные, со всеми удобствами санатории, пансионаты, дома отдыха, рассчитанные на сотни и тысячи человек. Их масштабность позволит открыть прекрасно оборудованные поликлиники и лечебницы.

ВОПРОС. Какой путь строительства вы считаете наиболее перспективным? Поясню свой вопрос примером. Под Одессой, на берегу Черного моря, завершены проектно-изыскательские работы для сооружения межколхозного санатория. Московские и киевские архитекторы уже разработали его проект: восьмиэтажное здание современной архитектуры, стеклянная галерея, соединяющая лечебный корпус со столовыми. Дворец хлеборобов будет построен на средства колхозов. Как вы оцениваете подобную инициативу?

ОТВЕТ. Мы за кооперирование, но против самодеятельности. Она в этом деле очень вредна. Иногда какая-нибудь организация облюбует себе уютное местечко, а потом обнаруживается, что нет там подъездных путей, природных источников. И тогда обращаются к нам за помощью: «Дайте нам минеральные ресурсы, подведите инженерные коммуникации, организуйте лечебную базу». Вот и оказывается, что в этом месте и вовсе не надо было располагаться. Хорошо, что вступил в силу Закон о земле. Он положит конец подобным инициативам. В этом Законе есть специальная статья о курортных землях и их использовании. Строиться надо — пожалуйста, мы «за»! Кооперируйтесь! Центральный совет по управлению курортами принимает в долевое участие всех желающих совместно строить здравницы.

Сейчас проектируется комплекс санаторного пансионата на четыре тысячи мест в поселке Лазаревское, Краснодарского края. В его сооружении примут участие Куйбышевский металлургический завод имени Ленина, Управление Октябрьской железной дороги, Волгоградский химический комбинат имени 50-летия Октября, Тюменский обком профсоюза рабочих и служащих сельского хозяйства... Им будут предоставляться путевки сверх установленных норм.

Санаторные пансионаты подобного типа на долевых началах уже возводятся в Одессе, Бердянске, Кобулети, Нальчике и в других местах. Но такое строительство нужно вести разумно и целесообразно, строго придерживаясь единого генерального плана развития курортов. И уже вовсе нельзя мириться с тем, когда курортные земли используются неправильно. В Пятигорске, например, построили машиностроительный завод. Как будто нигде не нашлось больше места, чтоб делать инкубаторы.

ВОПРОС. В прошлом году серьезная критика была направлена в адрес некоторых строительных трестов, ведущих работы по сооружению новых здравниц. Как сейчас выполняется график пусковых строек?

ОТВЕТ. Подрядчики по-прежнему нас подводят. Очень плохи дела на площадках одесских пансионатов «Каролино-Бугаз» и «Куяльник» и в Трускавце. Срываются сроки введения в эксплуатацию пионерского лагеря санаторного типа в Евпатории. Министерство промышленного строительства Украинской ССР только наполовину освоило капитальные вложения. Крайне медленно подвигается дело в пансионате «Горьковское море». Недопустимо затянулось сооружение санаторного комплекса «Большой Тараскуль» в Тюменской области. За пять лет здесь освоено всего шестнадцать процентов сметной стоимости этой крупнейшей здравницы Сибири. До сих пор не открыт дом отдыха «Котокель» в Бурятии, а заложен он был три года назад.

А вот в Литве, Башкирии, Костромской области планы строительных работ выполняются из года в год. Тут руководители умеют болеть за свои здравницы.

К финишу пришли наконец пансионат «Светлана» в Сочи, санаторий «Черная речка» и дом отдыха имени А. М. Горького под Ленинградом, пансионат в Нальчике. К услугам отдыхающих корпуса со всеми удобствами, при каждой комнате свой санузел с душем и умывальником.

ВОПРОС. Отдыхающие порой сетуют, что в некоторых санаториях плохо поставлено медицинское обслуживание. Что вы можете сказать по этому поводу?

ОТВЕТ. Возможно, отдельные факты и имеют место. Центральный совет по управлению курортами утвердил план специализации здравниц. Увеличивается количество мест для больных с сердечно-сосудистыми заболеваниями, болезнями органов пищеварения, нервной системы. Уже с июля нынешнего года санаторий «Россия» в Кисловодске и отделение санатория «Сурами» в Грузии полностью предоставляются больным, страдающим бронхиальной астмой. Заболевшие сахарным диабетом смогут лечиться в санаториях имени Чкалова Московской области, «Ликани» в Грузии и «Мардакяны» в Азербайджане. Открыты специализированные отделения для лечения облитерирующего эндартериита, вибрационной болезни и других заболеваний.

Многое делается для оснащения врачебных и процедурных кабинетов самой современной медицинской техникой. На курортах Кисловодска, Анапы и Геленджика внедряется биотелеметрическая аппаратура. Она позволяет контролировать работу сердца и органов дыхания на расстоянии, когда человек ходит, принимает различные процедуры, занимается гимнастикой и даже купается в море. На Кисловодском и Одесском курортах созданы кардиоцентры. Электронно-вычислительные машины производят автоматическую расшифровку электрокардиограмм. В Трускавце, Ялте и Одессе используется радиоизотопная диагностика при обследовании почек.

Наши врачи работают в тесном контакте с научно-исследовательскими институтами Академии медицинских наук СССР и Министерством здравоохранения СССР. Свидетельство тому — недавно закончившаяся Всесоюзная научно-практическая конференция, посвященная проблемам профилактики и лечения желудочно-кишечных заболеваний на курортах.

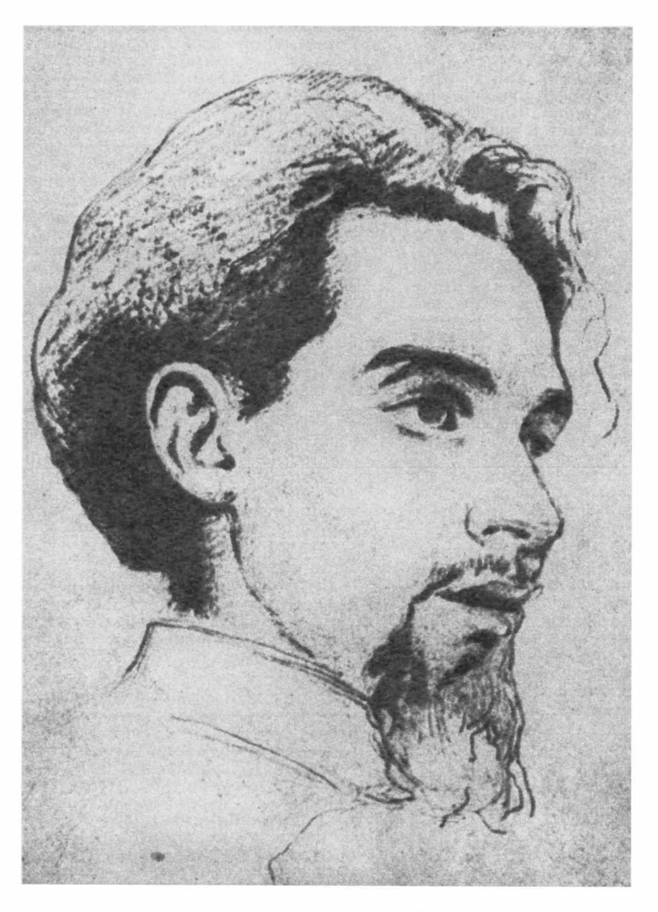
ВОПРОС. Где смогут лечиться подростки и что делается для семейного отдыха?

ОТВЕТ. Самым юным отдыхающим уделяется особое внимание. С нынешнего года вдвое увеличивается количество мест для подростков с заболеваниями верхних дыхательных путей. Президиум ВЦСПС наметил строительство новых санаториев с тем, чтобы к 1972 году полностью обеспечить всех юношей и девушек, нуждающихся в специальном лечении.

Расширяются возможности и для семейного отдыха. Впервые в этом году открылись пансионаты в Ессентуках, Пятигорске и Железноводске, куда могут поехать родители с детьми в возрасте от 7 до 14 лет.

Словом, новых адресов появилось немало. Для работников курортов лето предстоит горячее.

Продолжение рассказа о географии отдыха см. на стр. 20.

И. Н. КРАМСКОЙ. Портрет К. А. Савицкого.

Надежда СВЕТЛОВА

Верность теме

С произведениями Константина Аполлоновича Савицкого обычно знакомятся в детстве. Репродукции его картин иллюстрируют школьные учебники истории, хрестоматии по литературе. «Ремонтные работы на железной дороге», «Встреча иконы», «На войну» — судьба русского крестьянства, его беды, его горести, его заботы...

Возможно, прав был Крамской, когда писал Савицкому в тяжкие для Константина Аполлоновича дни: «В человеческом сердце рядом с горем личным часто лежат страдания за общественные несчастья; поскольку есть у каждого чуткости к страданию за общественные бедствия, настолько он человек». Горе личное Савицкий получил от судьбы рано.

Болезненного мальчика с ранних лет мучили припадки удушья, он был подолгу прикован к постели. Заботы отца-врача и матери, посвятившей себя большой семье, подняли его, поставили на ноги. Мальчик смог в десять лет начать посещать гимназию. Здоровье немного наладилось. Но вскоре одна трагическая потеря за другой. Умерла мать, через несколько лет — отец. Когда Костя осиротел, ему было пятнадцать лет.

Рисование — вот радость. И он рисует. Рисует вместо игр, недоступных ему, вместо веселых мальчишеских приключений. В восемнадцать лет, покинув пансион, успешно сдает экзамены в Академию художеств.

Когда Савицкий перешел на второй курс — осенью 1863 года,— тринадцать выпускников во главе с Крамским вышли из Академии художеств в знак протеста: им не разрешили писать дипломы на свободные темы. Надо было воплощать традиционные канонические сюжеты. А темы рвались на полотна, темы, которые ранили душу, мучили разум, разрывали сердце,— беды пореформенной России.

Репин в «Далеком близком» рассказывает, как родилась тема «Бурлаков». Однажды, когда Репин и Савицкий плыли на пароходе по Неве, среди всей красочной, нарядной, веселой дачной публики они увидели бурлаков, которые тянули баржу. Репин, впервые наблюдавший эту картину, был поражен: «Какой, однако, это ужас! Люди вместо скота впряжены!..»

Жизнь, реальная жизнь не входила, а врывалась на живописные полотна. Покинувшие Академию молодые художники объединились в Художественную артель. Во главе этого объединения — основы Товарищества передвижных выставок — стоял Крамской.

Савицкий был дружен с Крамским, с Шишкиным, с семьями этих художников. Он теперь и сам был семейный: весной 1870 года Константин Аполлонович женился на Екатерине Васильевне Митрохиной — обаятельной, образованной женщине.

Три семьи — Крамские, Шишкины, Савицкие — вместе снимают дачи под Петербургом, вместе проводят многие часы. А объединяло их служение искусству, цель которого они понимали одинаково.

В конце 1872 года Савицкий принимает участие во 2-й передвижной выставке, представив на нее две картины: «Чиновник» и «Дети». Это принесло ему большую радость, но затем имело тяжелые последствия. За близость к Товариществу его исключили из Академии художеств.

В письме к Федору Васильеву Крамской, рассказывая о печальной истории Савицкого, восклицает: «Как Вам это понравится? Когда Савицкий опроверг все возводимые на него обвинения... то Исеев в заключение сказал: «Кроме того, Вы принадлежите к такому кружку, который критикует все действия Академии». Вот оно куда пошло, не смей быть знакомым с нами. Боже, какие мы отверженные люди!»

Летом 1873 года Савицкий начинает одно из лучших своих произведений. Это было удачное время в творчестве трех художников, которые снова выехали вместе на дачу. Крамской после долгих поисков снял дом под Тулой, в местечке Козловке-Засеке. Шишкин делает здесь серьезные этюды к картине «На покосе в дубовой роще». Крамской работает одновременно над двумя портретами Толстого: недалеко Ясная Поляна. А Савицкий «нашел сюжет тут же на железной дороге и возгорелся»,— как писал Крамской Репину.

«Ремонтные работы на железной дороге». Мы видим людей разных возрастов, разных биографий и разных характеров, отмеченных единой бедой — их труд дешев. Их труд изнурителен, потому что польза от их усилий сведена к минимуму. Художник подчеркивает это, сталкивая в центре композиции рабочих, везущих тачки. Особняком на пригорке — десятник в жилете, в красной рубашке навыпуск, с тростью в руке. Вся его фигура выражает жестокость времени. Он может обругать, может ударить, может лишить куска хлеба. Люди, изображенные на картине, могли бы перевернуть горы, если бы их труд был свободным. Лица их осмысленны и выразительны. Вот рослый крестьянин в белом платке катит тяжелую тачку. Руки его сильны, его лицо—это лицо думающего человека. Ему уступает дорогу мальчик. Опущенные руки подчеркивают тяжесть груза, который он тянет на лямках. Может быть, он пришел на заработки со своим отцом из далекой деревни. Говоря словами Некрасова, людей этих согнала нужда «с разных концов государства великого». Там, откуда они пришли, и здесь, куда они собрались, тот же надсмотрщик, тот же скудный заработок.

Третьяков покупает «Ремонтные работы», которые шумно и по-разному отмечала пресса. Картину поняли и оценили. Композиция дала возможность демократически настроенным газетам в рецензиях о ее содержании высказать свои мысли и взгляды о положении трудящихся России. А реакционные газеты высмеивали ее содержание и писали больше о колорите.

В это время Крамской сообщает Репину в Париж: «Скоро, быть может, еще сотоварищ к Вам прибудет — Аполлоныч Савицкий. Кажись,

К. Савицкий. 1844—1905. РЕМОНТНЫЕ РАБОТЫ НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ. (Фрагмент). 1874.

Государственная Третьяковская галерея.

К. Савицкий. ВСТРЕЧА ИКОНЫ. 1878.

Государственная Третьяковская галерея.

ВЕСТИ ИЗ ДОМА. 1901.

Днепропетровский государственный художественный музей.

на то идет дело. Слаб он здоровьем, а ведь он не боец, как Вам известно, ему на рынке трудно найти работу, слишком много и посильнее его, да и те не особенно успевают, так что ему нужно до поры до времени еще пополнить спокойно свой арсенал. Мне очень жаль с ним расстаться — сердце у него честное, и талант есть, но... пусть едет, так лучше, я его уговариваю».

И Савицкий отправился в Париж.

Приступы астмы были жестоки. Пришлось дважды прерывать поездку. Почти месяц Константин Аполлонович с женой добирались до Парижа. Там ждали его друзья — Репин и Поленов. Здоровье наладилось. Выставки, музеи, путешествие по Франции, рыбацкий городок в Нормандии... Много работал с натуры на воздухе. Но эта радостная жизнь, наполненная работой, встречами с друзьями, вдруг оборвалась. Несчастье надолго омрачило судьбу Савицкого. Покончила с собою Екатерина Васильевна. Для всех окружающих это было трагической неожиданностью. Савицкий писал Крамскому: «Страшное, ужасное горе постигло меня, я лишился всего, что имел лучшего и дорогого в жизни».

Он в буквальном смысле слова не находит себе места. Не может жить в Париже, где все связано со счастливым временем, проведенным с Екатериной Васильевной: «При мысли о нем меня охватывает такое безысходное чувство тоски и грусти, что, право, жить не хочется». Боится возвращения в Россию, ожившие бы здесь воспоминания были слишком тяжелы... «Приехал я в Динабург, да и засел»,— пишет Крамскому в апреле 1875 года. Только через год, занявшись делами Товарищества, живописец возвращается домой. Несколько лет Савицкий живет один в небольшой квартире на Васильевском острове. Впрочем, в его холостяцкой квартире есть еще живые существа: там разместились две собаки и одиннадцать канареек. Этот милый, добрый человек всегда любил животных. Одиночество обостряет это чувство. Он прекрасно рисует зверей. Написанные им медведи до сих пор весело живут в картине Шишкина «Утро в сосновом бору». Замысел и даже первоначальная композиция этого произведения тоже принадлежат Савицкому.

Живописец много работает, его картины покупают знаменитые меценаты, собиратели великолепных коллекций русского искусства — Третьяков, Цветков, Терещенко.

Он живет в одиночестве больше десяти лет — до второй женитьбы на прелестной молодой женщине, урожденной Дюмулен. В семье появились сын и дочь. Сын Георгий стал известным советским художником-баталистом и анималистом.

...В годы русско-турецкой войны Савицкий пишет первый вариант своей картины «Проводы на войну». Однако, оставив ее на время, он создает другое полотно, которое, казалось бы, не имеет отношения к теме войны. Но это произведение подсказано войной — «Встреча иконы».

Везут чудотворную икону. Крестьяне останавливают карету и молятся перед иконой тут же, на дороге. Молятся истово. Здесь только старики, женщины и дети. Нет молодых мужчин. За их солдатскую судьбу, за их возвращение молятся эти люди. Священник, отталкивающий старик, дьячок, который помог выбраться ему из кареты, не позабыл захватить кружку для пожертвований. Другой дьячок, зайдя за карету, тайно нюхает табак. Безразличный ко всему кучер, не глядя на толпу, ждет, когда кончатся поклоны. В толпе молящихся крестьянин думает о жизни. Он понимает, что поклонами ее изменить нельзя.

Эта фигура характерна для творчества Савицкого. В разных видах она появляется на его полотнах: крестьянин с повязкой в «Ремонтных работах», мужик с трубкой в «Проводах на войну», в других композициях. Она как бы символизирует пробуждающуюся мысль.

Большая глава в жизни Савицкого — преподавание. В Петербурге — в училище Штиглица, в Московском училище, а затем последние восемь лет жизни — директор Пензенского художественного училища. У него был дар педагога. Сколько осталось нежных и восторженных отзывов учеников!

«Всегда общительный, тяготевший к студентам-беднякам, он был чужд казенного отношения к людям и этим качеством резко выделялся среди остальных профессоров училища»,— вспоминал Н. П. Ульянов.

К. Ф. Юон рассказывал студентам, что объяснения Савицкого «были настолько интересны, оставили такое сильное впечатление», что запомнились на всю жизнь.

При Савицком оживилась интеллектуальная жизнь Пензы. Приложив массу усилий, преодолев бюрократическое крючкотворство, он создал музей, стал устраивать выставки работ студентов и преподавателей, великолепные вечера, посвященные великим художникам, писателям, с живыми картинами, декорациями, чтениями. По его просьбе Передвижные выставки Товарищества стали приезжать в Пензу.

Савицкий писал Стасову: «тружусь я здесь не как член Академии... а как передвижник» — и еще: «...старики не стареются, как не стареетесь и Вы, в котором заложены хорошие дрожжи. Каждый из нас работает во всю и все в том же честном и святом для искусства направлении».

Да, старики не стареют, когда преданность творчеству, благородной идее справедливости, одержимое служение народу навсегда оставляют их молодыми.

Микола ШАПОВАЛ

А ЖИЛИ Б ВЫ?

Через века,
Через столетья
Потомки спросят:
Как же стало,
Что мало жили мы на свете,
Любили и смеялись мало?

За всех
Умерших и погибших
Лет двадцати
Иль малость больше,
Отвечу я,
Я, живший дольше
Средь одногодков,
Мало живших.

А жили б вы,
Когда бы в пекло
Судьба жестоко вас кидала,
Когда б дневное солнце
меркло
В пурге ревущего металла?

А жили б вы
В такие грозы,
Когда себя не слышно даже?
А жили б, если ваши слезы
Перемешались
С кровью вашей?

А жили б вы,
Рванувшись смело
На смертный говор пулемета?
А жили б вы, горячим телом
Упав на амбразуру дота?

А мы...
Мы жили.
Мы любили.
За двадцать лет
Прожив столетье,
Не умерли мы,
Нас убили...
Убитые, мы шли в бессмертье!

Перевел с украинского
Вас. Федоров.

Лев КОНДЫРЕВ

НАЧАЛО ПУТИ

Предрассветное небо
Над Волгой угарно,
Сосны крыльями машут
У крайнего шлюза.
В дальний рейс
На речном
Теплоходе «Комарно»
Уплывает моя
Беспокойная муза.

Сполох наземь в излуке
Упал кумачово,
Пронизал вековечные
Хвойные кроны,
Словно перстень сверкнул
На руке Пугачева,
Сотрясавшей незыблемость
Царского трона.

Ой, ты, Волга-река,
Соколиные ночи —
Паруса из полотнищ
Седого тумана.
Не во мне ль твоя кровь
Неуемно клокочет,
Богатырскую силу
Несет атамана.

Предрассветное небо
Бледнеет в зените,
Зеленеет прибоем
Деревьев и трав.
Вы за думы
О прошлом
Меня не вините.
Не приплыть нам
В коммуну,
Его не познав!

ДЕЛЬФИНЫ

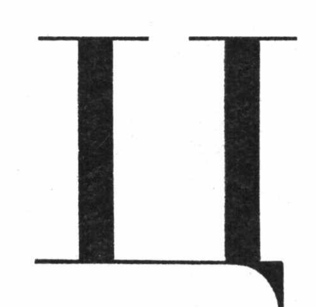
В Суэцком заливе стая дельфинов спасла утопавшего человека

Сенсация века!
Сенсация века!
Достойная мрамора,
Бронзы и глины.
В Суэцком заливе
Спасли человека
Морские гуманные
Звери — дельфины.
Норд-осты на скалах,
На каменных скулах
О подвиге этом
Начертят скрижали.
Когда к утопавшему
Крались акулы,
Дельфины беднягу
Кольцом окружали.

Они плавниками
Его обнимали,
На матовых спинах
Несли сквозь безбрежность.
Как в зеркале,
В сине-зеленой эмали
Соленой воды
Отражалась их нежность!..
А вы мне
Записок не пишете встречных,
Не шлете
Любви мне своей биотоки...
Как звери бывают
Порой человечны,
Как люди бывают
Черствы и жестоки.

Анатолий КАЛИНИН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Опять зашевелились цыгане. Не то чтобы и до этого они так и оставались сидеть там, где застал их Указ. Не в силах задержаться где-нибудь чересчур долго, томимые беспокойством, они так и пробирались от хутора к хутору, от села к селу на одиноких телегах, чаще всего ночами и по глухим проселкам, еще и ныне устланным золотом соломы. Но только теперь так сразу и высыпали на все дороги.

И опять невнятно шлепают копыта по пыльной дороге, юзжит колесо, и умная собака, спасаясь от палящего солнца, прячет сзади между колесами голову в тени брички.

Вблизи городов колеса цыганских бричек съезжают с мягкой степной дороги на асфальт. Обгоняя их, ревут и теснят их на обочины могучие самосвалы, междугородные экспрессы и легковые автомашины, набитые празднично одетыми людьми, глазеющими на них сквозь толщу стекол. Там, за этими стеклами, совсем иная жизнь. Непонятная, как и этот пластмассовый чертик, прыгающий на шнуре за козырьком шоферской кабины. А из-за тылового стекла «Волги» сонный бульдог тоже презрительно поглядывает на цыганскую собаку, неотступно бегущую у колеса брички.

На больших перекрестках и при въездах в города милиция, начавшая было отвыкать от подобного зрелища, строго останавливает цыган, спрашивая паспорта:

— Опять ударились кочевать?

Посыпавшись с бричек, цыгане и цыганки, обступая блюстителей порядка, поднимали многоголосый гомон, как грачи на весенних ветлах:

— Нет, мы не кочуем, товарищ начальник!

— Мы к сродственникам едем!

— Откуда?

— С под Мариуполя.

— А где же ваши родственники живут?

— На Кубани.

Паспорта у них оказывались в порядке, и самому придирчивому взору нельзя было придраться: еще совсем новенькие и с соответствующим штампом на соответствующем месте.

— Ну а что же вы скажете насчет ваших коней?

Цыгане с грустным достоинством поправляли:

— Это, товарищ начальник, не наши, а колхозные. У нас теперь своих собственных коней не бывает, а этих за нами колхоз на время командировки закрепил. Заместо премии за нашу работу на кукурузе.

— Все вы, конечно, врете,— с суровым восхищением заключал страж законов.

Но и придраться не было оснований: и на лошадей документы были выписаны у них

См. «Огонек» №№ 50—52 за 1960 год, 47—50 за 1968 год.

ПОВЕСТЬ

ЫГАН

по форме. За подписью председателя колхоза и с круглой печатью.

А в ногах у блюстителя порядка так и вились, шныряли черноголовые и все кудрявые, как на подбор, цыганские ребятишки. И сердце его смягчалось. Тем более что и в этом цыганском Указе нигде не было сказано, что им запрещается ездить друг к дружке в гости. И вообще он и сам теперь толком не знал, остается ли в силе этот Указ. Может быть, самим цыганам об этом лучше известно, если они все сразу так бесстрашно ринулись в дорогу. Как прорвало их.

И всемогущий жезл в руке у блюстителя порядка поднимался, открывая им дорогу. А если это было перед шлагбаумом, то, значит, он медленно вздымал перед их кибитками свою полосатую шею.

Иногда, пересекая степь кратчайшим путем, перебираясь напрямик от одного большого тракта к другому, оказывались они и поблизости от того глухого, отдаленного от людских взоров урочища, где пас свой табун Будулай. Проезжая мимо, завороженно поворачивали головы к золотистому живому облаку, прильнувшему к зеленой груди луга, и кричали Будулаю:

— Бэсчауру! Бэсчауру!!

Будулай отшучивался:

— У меня нет коня.

Его соплеменники удивлялись:

— А этот, тонконогий, под тобой чей?

— Этот чужой.

Они непритворно восхищались, ощупывая глазами Грома:

— Хороший калистрат[1]. А мы-то думали, если цыган сел на коня, значит, он уже его собственный.

— Раньше я тоже так думал. Езжайте, ромы, своей дорогой.

— Вот ты какой. Ну, тогда давай мы украдем для тебя этого коня из табуна. А заодно и для себя.

— Лучше не надо, ромы.

— Почему? Нам их всего трошки надо, а тут их тыща.

— При этом табуне сторож глазастый.

— А мы ночью.

— А он по ночам еще лучше видит.

Соплеменники Будулая белозубо скалились:

— Да ты, видать, и сурьезно поверил, будто нам твои неуки нужны. Не бойся, у нас свои одры есть. Выгуливай своих, сколько тебе влезет, может, тебе за это орден дадут. Ром у рома коня не украдет. Ты тут в глуши, должно быть, совсем от цыганских законов отвык.

Но своих одров они тем не менее принимались нахлестывать кнутами, оглядываясь на двух страшнейших серых псов, лежавших у ног его калистрата. Не дай бог, кинутся вдогон. Откуда они могли знать, что эти свирепые по их виду псы обучены были только против волков, наведывающихся в этой глухой степи к табунам не только в зимнее время. Еще не хватало, чтобы собаки рвали людей.

Увозя соплеменников Будулая, беззвучно катились брички по травянистой дороге. Молодые цыганки, выпростав из кофт груди, кормили на солнцепеке своих смуглых младенцев. А головки других их детей шляпками подсолнухов свешивались из-за бортов бричек, и прощальный блеск их глаз осыпался на сердце Будулая пеплом необъяснимой печали.

Чего они ищут? Опять серая пряжа дороги будет наматываться и наматываться на колеса их телег. И с этих черноголовых подсолнушков ветром времени будут вылущиваться семена, из которых опять будут вырастать прямо на дорогах все такие же неизлечимые бродяги. Как будто за чем-то гонятся или же кто-то гонится за ними. Как будто хотят уйти от настигающего их времени, чтобы остаться такими, какими были всегда.

И даже в самый безоблачный день, когда ничто вокруг не угрожает им и их жалким шатрам, раскинутым между оглобель бричек в тихой степи — цыганки спят, а их дети тут же кувыркаются на зеленой траве,— вдруг, по одному только слову, по знаку старшего, мгновенно снимаются, даже не затушив костров. И скрипят колеса, наматывается на них серая пряжа, которой нет конца.

Но Будулай весь этот серый клубок, который назначено было ему намотать за свою жизнь, уже намотал и теперь уже разматывать его не станет, хватит. А если и есть из всех, избороздивших эту степь, дорога, которая иногда вдруг как будто вздрогнет струной и простегнется через его сердце от того места, где она начинается, то возврата по этой дороге уже нет, не может быть. Теперь здесь и закончится его нить.

И когда начальник конезавода, генерал, объезжающий по субботам табуны, выкатываясь из своего старенького, еще фронтового «виллиса», начинал иронически допытываться у Будулая:

— Как, а ты, цыган, все еще здесь?

Будулай спокойно отвечал:

— Здесь.

— И, может быть, скажешь, не собираешься в бега?

— Не собираюсь, товарищ генерал.

Маленькому, квадратного телосложения генералу надо было изворачивать шею, чтобы снизу вверх заглянуть в лицо Будулаю.

— Какой же ты после этого цыган?

Не раз подмывало Будулая ответить на это как-нибудь порезче. Во-первых, чтобы наконец отучить его от этой привычки всем говорить «ты» и, во-вторых, чтобы он не смел вот так пренебрежительно говорить обо

[1] Верховой конь.

всех цыганах, даже если это и правда, что многие из них уже опять зашевелили ноздрями на ветер.

Но каждый раз Будулай сдерживался. Может быть, и потому, что это был не какой-нибудь тыловой, а заслуженный и к тому же кавалерийский, казачий генерал, а Будулай и сам служил в кавалерии на фронте. Но скорее всего потому, что из его слов еще не следовало, что он и вообще так относится к цыганам. Надо было войти и в его положение начальника конезавода, к столу которого в один прекрасный день соплеменники Будулая — табунщики, коневоды, ездовые — так сразу и выстроились в очередь за расчетом. Как будто их всех одна и та же бродячая собака укусила. И теперь каждому, укушенному ею, надо было срочно найти в этой табунной степи замену. Попробуй найди, когда тут и поселки разбросаны друг от друга на пятьдесят, на сто километров.

И на конезаводе место начальника он занимал не из-за одних только своих звезд, вышитых на его плечах золоченой ниткой. Не для того, чтобы слепить ими подчиненных, совершал и свои регулярные объезды табунов. Сам умел отбраковать лошадей для продажи колхозам и сам же — безошибочно отобрать из элитной массы для службы на границе, на экспорт и на племя. А нередко и, пересаживаясь со своего «виллиса» в седло, ездил из отделения на отделение, ревизуя состояние лугов, водопоев, конюшен. И нелегко при этом приходилось тому из табунщиков, кого прихватывал он с собой в сопровождающие в поездке по степи. К вечеру, к концу этого кольцевого маршрута от табуна к табуну, сопровождающий от усталости уже валился с седла, а генерал держался все так же прямо, как вырубленный вместе со своей англо-донской кобылой из одной золотистой глыбы. Не упуская при этом случая попенять: «Не верхом бы тебе ездить, парень, а волам хвосты крутить».

Но к Будулаю он, кажется, претензий не имел. А как-то даже, когда уже замыкался круг их инспекторского объезда под изнурительным солнцем, вскользь заметил:

— А у тебя, цыган, посадка казачья.

И спрыгнул с лошади так, что земля охнула под тяжестью его тела. Высшей похвалы для человека он, кажется, не знал.

Однажды Будулай, пообедав у себя в домике на отделении и тихо настраивая радиоприемник, не услышал, как подкатил за стеной «виллис», и обернулся только тогда, когда генерал уже остановился у него за спиной, тяжко дыша.

— А это у тебя откуда?—спросил он, заглядывая через его плечо. И не успел Будулай ответить, вдруг так и вонзился в расстеленную на столике карту, прочеркнутую с угла на угол красной стрелой с нанизанными на нее синими кружками: — Постой, постой, а откуда же тебе все это может быть известно?!

Будулай встал.

— Оттуда же, откуда и вам, товарищ генерал.

— Ну, это ты потише. По этому маршруту все-таки моя дивизия шла.

— Да, товарищ генерал.

— И что-то я не помню, чтобы кто-нибудь из цыган в моей дивизии служил.

— В вашей дивизии, может быть, и нет, а в соседней служили, товарищ генерал.

— В двенадцатой?

— В двенадцатой.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что ты и есть тот самый цыган, который в разведке двенадцатой служил?

Будулай бросил взгляд на золотое шитье погон на плечах его кителя и по привычке опустил руки:

— Так точно, товарищ генерал.

Начальник конезавода махнул рукой:

— Это теперь не обязательно. Хотя вообще-то я придерживаюсь другого мнения. Из-за этого, да еще из-за лошадей, и на конезавод согласие дал. Так, значит, и меня ты помнишь?

Будулай еще раз украдкой взглянул на его погоны.

— Но тогда вы были...

— Правильно, полковником. Это,— скособочив короткую шею, он тоже скосил глаза себе на плечо,— я уже вместе с приказом об отставке получил. Когда расформировывали наш пятый донской корпус. Списывали конницу в архив...— Взгляд его долго блуждал по зеленовато-бурому полю расстеленной на столе карты и с видимым усилием оторвался от нее.— Ну, а если ты и есть тот самый цыган, значит, ты должен знать, как это вам в двенадцатой удалось тогда из конюшни румынского короля Михая жеребца увести?

— Об этом мне неизвестно, товарищ генерал.

— Как же так? Я же лично присутствовал, когда командующий фронтом Федор Иванович Толбухин приказал нашему новому комкору Горшкову и его замполиту Привалову в наказание за то, что так и не разыскали королевского жеребца, по громадному бокалу спирта осушить. Дело уже старое, и теперь ты мне можешь как на духу признаться. Все равно дипломатического скандала из-за этого теперь уже не может быть. Да и самого Михая наши румынские союзники давно престола лишили.

Будулай улыбнулся.

— Мне признаваться не в чем, товарищ генерал.

— Вы же, цыгане, всегда были конокрады.

— Когда-то и меня отец хотел к этому приучить, но только не успел.

Генерал был явно разочарован:

— Получается, зря два моих хороших товарища пострадали. Горшков еще догадался тут же спирт водой запить, а Привалов чуть не задохнулся... И после войны я еще долго интересовался у знакомых начальников конезаводов, не повелось ли где-нибудь у них от этого жеребца королевское племя. Вполне могло быть, что казачки потом переправили его по тылам домой.— И он осуждающе посмотрел на Будулая, как если бы на нем и в самом деле лежала вина за то, что этого не случилось.

Не откладывал он свои инспекторские объезды и зимой, когда с соседних Черных земель налетали на табунную степь снежные бури. С шофером, который водил его «виллис» еще на фронте, будет выбираться из заносов весь день и нагрянет уже ночью с обмерзшими усами, в бурке, покрытой ледяной коркой. Возьмет фонарь и идет в конюшни, где бились в конвульсиях, освобождаясь от бремени, чистокровные донские кобылицы.

Но, пожалуй, еще чаще наезжал на отделения, нервничая и придираясь ко всему, когда на заводском ипподроме, разутюженном бульдозерами посреди сочно-зеленой майской степи, начинались ежегодные з о н а л ь н ы е скачки.

* * *

Каких только мастей лошади не вкрапливались накануне дня скачек в этот луг, волнами набегающий из степи на чашу ипподрома: и караковой, и гнедой, и вороной, и рыжей, и серой, и темно-серой. Не только местных — донской и буденновской, но и кабардинской, чистокровной верховой, терской, английской и даже арабской пород. О чем бы только ни вздохнул и чему бы, наверное, ни улыбнулся тот, кому захотелось бы получше прислушаться к их кличкам: Электрон, Радиограмма, Загадка, Гладиатор, Азимут, Пантера, Бабетта, Экран, Ангара, Интеграл, Гавана, Эпоха... И впору поверить было, что с самими тюльпанами, цветущими в эту пору по всей окрестной степи, намеревались поспорить их жокеи цветами камзолов: и зеленых с желтыми рукавами, и розовых, опоясанных красными лентами, и алых, и темно-бордовых, и иных. Как и картузами, обязательными и для спустившихся сюда с кавказских отрогов на своих скакунах карачаевцев, кабардинцев, балкарцев, адыгейцев, черкесов, чеченцев, ингушей, осетин; и для хозяев этих степей — казаков; и для непременных участников скачек — цыган.

Без них не обходились скачки.

Два года подряд как-то ухитрялся у самого финишного столба урывать у именитых наездников Весенний приз для полукровных трехлеток маленький и тщедушный Егор Романов. Скакали и другие цыгане. Но Будулая, хоть он и был табунщиком, среди них не было. Ему больше нравилось находиться в это время среди зрителей.

Должно быть, после многомесячного зимнего одиночества нравилось ему вдруг очутиться среди веселой суеты и многоцветной толпы, испещренной блестками парадных погон и фуражек заслуженных кавалеристов, которых, оказывается, так много жило в окрестных городах и станицах. Прямо в степи играет духовая музыка, и от прекрасных лошадей не оторвать взор, а вокруг майский луг. И так ли трудно поверить, если при этом взору вдруг явственно может почудиться, что это не сейчас стелется облако скачущих лошадей по разутюженной бульдозерами дорожке, а двадцать лет назад на ипподроме, расчищенном казаками саперными лопатами, когда кавкорпус после боев под Ростовом отвели на отдых в Задонье. И это не кто-нибудь иной вырывает победу у самого финишного столба, а он, Будулай, и получает из рук комкора генерала Селиванова заслуженный приз — верхового коня.

Но теперь он только стоит, смеясь и радуясь вместе с другими зрителями тому, как, стоя на седле во весь рост, совершает по ипподрому положенный круг почета счастливый Егор Романов под звуки оркестра и громкие крики не одних только цыган. Однако громче всех, конечно, кричит его разнаряженная и нарумяненная Шелоро, а рядом с нею стоит и тоже машет Егору рукой Настя.

* * *

Если не считать хутора Вербного, где он согласился бы, если б это возможно было, остаться до конца своих дней, из всего, что ему встретилось на пути, когда искал он свою семью, никакое другое место, пожалуй, не пришлось ему так по душе. И не только тем, что оно вообще было такое спокойное, затерянное среди шорохов и запахов трав, а лошади, с которыми он проводил все свое время, только говорить не умели. Иногда и это спокойствие вдруг сметалось теми же ч е р н ы м и бурями, и табуны, обезумев от ужаса, начинали метаться в пыльной мгле из края в край степи... Но больше всего тем, что с людьми, с которыми он вместе пас лошадей в этой степи, можно было жить не опасаясь, что они начнут о чем-нибудь расспрашивать или же что-нибудь советовать, прежде чем сам придешь к ним за советом. А это со временем Будулай все больше начинал ценить в людях.

И если он теперь до конца своих дней так и останется один, то все же не так будет чувствовать свое одиночество среди этих людей. Вот и «виллис» начальника конезавода уже не только по еженедельному

графику появляется на его отделении, а и в другие дни, когда генералу особенно не терпелось отвести свою душу в воспоминаниях с кем-нибудь из бывших конников.

Но от треска Настиного мотоцикла Будулай уже стал отвыкать. С той самой поры, когда так и не захотел остаться у костра в ночной степи, на чем тогда настаивала она, Настя.

* * *

Искупав перед вечером в озере табун и конвоируя его на усадьбу, он издали увидел, что у него гости. У домика, где он жил, стояла пароконная подвода, и на ступеньках крыльца сидели какие-то мужчина и женщина. Его ждали. Когда они бросились со ступенек ему навстречу, он с удивлением узнал Егора и Шелоро. Раньше они никогда его здесь не навещали.

— Здравствуй, здравствуй, Будулай,— радостно говорила Шелоро,— а мы вот с Егором надумали проведать, как ты тут живешь в глуши.

— Да,— подтвердил и Егор, по привычке шмыгнув кнутовищем за голенищем своего сапога.

Будулай поклонился, коснувшись ладонью груди:

— Спасибо.

Шелоро засмеялась:

— Это мы тебе давно собирались спасибо сказать. Вот.— И она обеими руками протянула Будулаю что-то завернутое в газету.

Взяв от нее этот сверток, он так и остался держать его на протянутых руках, не зная, что с ним делать. Шелоро еще веселее засмеялась, трепыхнув серьгами.

— Да ты разверни...— И, не дожидаясь, сама поспешила развернуть на две стороны газету у него на протянутых руках. Красная цыганская рубашка лежала на них. У него даже затрепетали веки: такой она была яркой.

— За что, Шелоро?

— Я ее еще с осени пошила, да все подходящих пуговиц не могла достать. За то, что ты не позволил тогда у нас детишек забрать.

— Их бы все равно у вас не взяли, Шелоро.

Но она серьезно покачала головой.

— Забрали бы. Раз за это Настя взялась, она бы добилась.— И Шелоро тщеславно спросила: — Правда, хорошая получилась рубашка?

Рубашка и в самом деле была хорошая, с густым рядом серебряных пуговиц на планке высокого воротника, хоть и чересчур яркая, уже не по возрасту ему. О такой он мечтал когда-то очень давно, когда еще только ухаживал за Галей, но тогда это так и осталось мечтой. Он еще раз поклонился Шелоро:

— Спасибо тебе.

— Носи до самой свадьбы,— по обычаю,— сказала Шелоро.

И Егор поддакнул:

— Носи, Будулай.

Но ему почему-то казалось, что они еще чего-то недоговаривают. И Егор все время, как в чем-то провинившийся, отводит глаза в сторону. Туда, где грелся в загоне под лучами закатного солнца только что выкупанный Будулаем табун.

Все равно он был рад им. Не так-то уж часто навещали его здесь гости. И по-цыгански он скоро уже совсем разучится говорить.

— А я-то думал, что вы тогда сразу же и уехали. Это хорошо, что вы остались.

Под его взглядом Егор опять шмыгнул кнутовищем в сапоге.

— Да...

Но Шелоро сразу же пожелала внести ясность.

— Ты его не слушай, Будулай,— чистосердечно сказала она,— мы бы и уехали, кровя давно тянут, да разве на этих наших клячах куда-нибудь далеко уедешь?!

Лошади и правда были у них ненадежные: мерин с бельмом на глазу и старушечьего возраста кобыла, у которой, как ни пестовал ее хозяин, ребра выступали из-под изношенной шкуры, как обручи бочки.

И вдруг Шелоро, зачем-то оглянувшись по сторонам и придвигаясь к Будулаю, горячо и заискивающе заговорила, переходя на полушепот, хотя ее и так никто не мог услышать здесь, в степи.

— А тебе ничего не будет стоить, Будулай, пустить их в свой табун, а нам их молодыми заменить. Никто и не узнает.

Так вот, значит, чем объяснялся их неожиданный приезд! Предчувствие не обмануло Будулая. И считая для него Шелоро рубашка тоже должна была сослужить свою службу. Будулай сочувственно развел руками:

— Этого я никак не могу сделать.

Они по-своему истолковали его сочувственный жест и наперебой заговорили, убеждая его:

— Никто и не кинется их искать в табуне.

— Ты нам как цыган цыганам уважь.

— А потом их можно будет какому-нибудь колхозу продать.

— Или же в Заготскот сдать.

Между тем мерин и кобыла, о которых шла речь, понуро дремали рядом у крыльца, не подозревая о том, какая могла быть уготована им участь.

Будулай виновато протянул рубашку:

— Возьми, Шелоро.

Она так и отпрянула от него.

— Ты что же думаешь, это мы хотели купить тебя?!

— Не сердись, но лошадей я не могу вам поменять.

— Лучше скажи, что не хочешь.

— Ты же сама знаешь, что нельзя, Шелоро.

— Нет, это ты выслуживаешься. А нам по твоей милости с детишками хоть пéши по степи иди.

— Вам, Шелоро, тоже незачем уезжать.

Она захохотала:

— Ты что же думаешь, это мы приехали к тебе советоваться, уезжать нам или нет?! Ты совсем загордился перед своими цыганами, Будулай.

Он стоял с подаренной ею рубашкой в руках и не знал, что ему на это отвечать.

— Нет, это ты сам сиди тут в глуши, стереги чужих коней. Через эту твою гордость и Настя от тебя...

Но тут даже Егор прикрикнул на Шелоро:

— Молчи!

Но ее уже нельзя было остановить:

— И правильно сделала, что она от тебя, такого, к Мишке Солдатову ушла. Ты тут сиди и дожидайся, а они уже на той неделе и свадьбу будут играть.— И гнев ее переметнулся на голову Егора: — А тебе, старому дураку, не я говорила, что его без пользы об этом просить? Дурак ты и есть.

Но тут вдруг ее маленький и тщедушный Егор выдернул из-за голенища свой кнут и занес над ее головой. Ругаясь, Шелоро прыгнула в бричку. Придремавшие под закатным солнцем лошади испуганно вздернули головы.

На минуту Егор вернулся к Будулаю с виноватым лицом.

— Ты из-за этого не обижайся на нее.

Бричка тронулась, и Шелоро, оглядываясь, еще долго что-то кричала и размахивала руками.

Он и не обижался. Он знал, что такое для цыган кони.

Продолжение следует.

Александр ХРОМОВ

Белые ведра

Ведра белые-
белые,
как молоко.
За водою я бегаю
далеко:
Где лысеет ветла
И с разгона ветра
Головой ударяются в стенки
ведра.
А в воде отражаются
облака.
Облака
Упираются ведрам в бока.
И как бык крутолобый,
что прибрел из села,
Солнце смотрится в воду
И бодает себя.
Ведра ставлю на луг.
— Эй,
Косцы-молодцы,
Намочите усов золотые концы!
Запрокинулись головы под синий
зенит.
Не по руслу —
по горлу
вода звенит.
Вытирают усы
тяжело,
не спеша,
Словно выпили небо они из ковша.
Развернулись,
как клин журавлей,
косари.
И плывут паруса
Их рубах по Руси.

Иваново.

Константин КОЗЛОВ

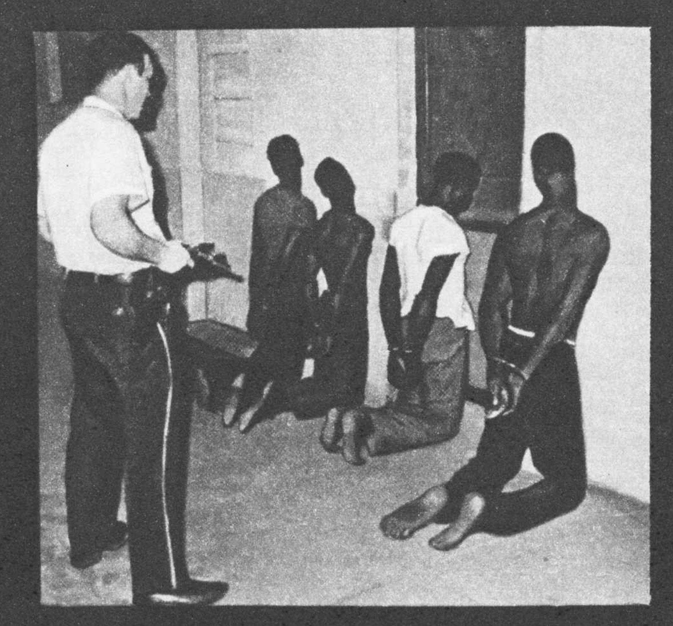
ТАЙГА В ЗОЛОТИСТЫХ НАКРАПАХ

Тайга в золотистых накрапах.
К коряге, где ветки сплелись,
Пружиня когтистые лапы,
Приникла пятнистая рысь.
Еще далеко до рассвета...
Повисла луна на сосне.
Безмолвье ночное. Лишь где-то
Бормочет ручей в полусне.
Вдруг шорох стремительно-
быстрый
На тропке таежной. И враз
Зловещие вспыхнули искры
В зрачках аметистовых глаз.
И, вздрогнув, на сучьях сосновых
Качнулась неловко луна.
Прыжок...
И тревожная снова
В распадках стоит тишина.
Лишь в сумраке сонно и глухо
Ручей свою песню поет...
А в дебрях лесных маралуха
Кого-то зовет и зовет...

Горно-Алтайск.

Юрий ЖУКОВ

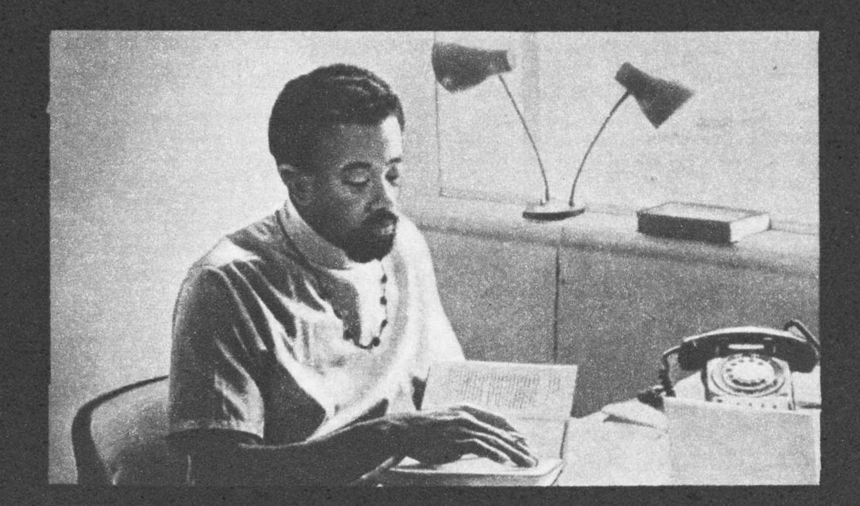
3. БРЕДНИ „АМЕРИКИ" И ПРАВДА УОТТСА

Это фото было сделано не в дебрях португальских колоний в Африке, а в США, в стране, которая так любит говорить о свободе...

«Министр обороны» партии «Черных пантер» Хью Ньютон. Сейчас Ньютон в тюрьме.

«Государственный секретарь» «Черных пантер» Элдридж Кливер. Сейчас он скрывается в подполье.

«Черные пантеры»

Я вспомнил о разговоре с преподобным Уолтером Бримондом неделю спустя в Сан-Франциско, когда приобрел на улице у одетого в кожаную куртку молодого негра с бородкой и пышными курчавыми волосами отпечатанную на ротаторе самодельную газету «Черные пантеры»—это был орган, созданный здесь крохотной воинственной партией того же названия. О ней сейчас много говорят и пишут в Америке как о сенсации, хотя, по правде говоря, ее политическое влияние крайне невелико. На первой странице газеты был напечатан портрет молодого негра, который восседал в плетеном кресле, напоминающем африканский трон, держа в одной руке ружье, а в другой — копье. Это был Хью Ньютон, один из основателей и руководителей партии «Черные пантеры»; сейчас он сидит в тюрьме по обвинению в убийстве полицейского.

«Черные пантеры» не являются сколько-нибудь значительной политической силой, но, с одной стороны, влияние их все шире распространяется в негритянских гетто, а с другой стороны, буржуазная пресса, широко публикуя рассказы об этих людях, запугивает обывателя призраком «негра с ножом в зубах».

Кто же они такие в самом деле?

Несчастье современного негритянского движения, чрезвычайно раздробленного и противоречивого, состоит в том, что у него нет ни видных лидеров, ни солидной политической программы. Усилившееся в последнее время стихийное тяготение к какому-то, еще слабо осознанному национальному самосознанию пока не увенчалось пониманием того, что же надо сделать, за что и как надо бороться. «Черное сознание», как выражаются сейчас в Америке, во многом определяется пока двумя звонкими фразами: «Быть черным — это прекрасно», и «Кричите громче: я негр и этим горжусь!» — так поет нынче популярный здесь певец Джон Браун.

И вот в том же фильме Дассэна «Тугой узел» мы видим такую, например, сцену: на тайное сборище «Черных пантер» являются белые — участники движения за предоставление неграм гражданских прав, они предлагают продолжить сотрудничество. И что же? «Черные пантеры» изгоняют их: «Вы белые, и нам с вами не о чем говорить. Если вы все же хотите помочь нам, мы просим вас только об одном: дайте нам оружие».

Преподобный Бримонд в беседе со мной сказал, что эта сцена искажает действительность. «Черные пантеры»,— сказал он,— не против союза с белыми. Лишь черные мусульмане выступают за полную сегрегацию: они предлагают создать «Новую республику Африки» в пяти южных штатах, выселив оттуда белых». И все же нельзя отрицать, что пресловутый расизм наоборот, выражающийся в стопроцентном недоверии к любому белому, в последнее время начинает распространяться в гетто, и это, конечно, не усиливает, а ослабляет борьбу негров за свои права...

Но вернемся к «Черным пантерам» и попытаемся на их примере разобраться в тех новых явлениях, какие характерны нынче для негритянского движения в США.

Кто такой Хью Ньютон, чье экстравагантное изображение печатает газета этой микропартии? Как он и его друзья организовали свое движение и почему они приняли столь вызывающее название?

Ньютону было всего 25 лет, когда его схватили полицейские после перестрелки в рабочем пригороде Сан-Франциско Оклэнде. Он был обвинен в убийстве «служителя порядка». Это было 28 октября 1967 года. К своим двадцати пяти годам он уже прошел долгий и трудный жизненный путь.

Родился Ньютон в штате Луизиана; он был седьмым ребенком в семье священника баптистской церкви. Год спустя, обремененный большой семьей и удрученный многими невзгодами, Ньютон-старший оставил свою церковь и переехал в Оклэнд, чтобы стать там служащим. Здесь жить было чуточку легче, но гетто оставалось гетто. Расовая рознь ощущалась на каждом шагу и в школе, где белые дети били черных. Маленький Хью очень рано понял, какая это трагедия — быть темнокожим. Он быстро ожесточился, на тумаки отвечал тумаками, и его не то двадцать, не то тридцать раз выгоняли из школы.

Все же кое-как Хью Ньютон окончил свою школу и с трудом поступил в юридический колледж. Там он сразу же принял участие в политической борьбе и показал себя националистом крайних взглядов. Как и многие его ровесники, он увлекался анархистскими выходками, граничащими с уголовщиной. Надо видеть и знать нравы страшных негритянских гетто, чтобы понять, как и почему там даже люди образованные с легкостью необыкновенной решаются на бандитизм, видя в нем орудие борьбы с «белой властью».

Я был в Оклэнде, бродил по парадным улицам этого пригоро-

См. «Огонек» №№ 20 и 22.

да, где все напоминает о писателе-бунтаре Джеке Лондоне, который жил и работал там. В Оклэнде на берегу океанского залива есть даже красивая площадь имени Джека Лондона, на ней вместо музея стоит дорогой ресторан для туристов, где стены увешаны фотографиями писателя. Но поблизости от этой нарядной, показной площади начинаются мрачные кварталы гетто, которые потрясли бы даже автора «Железной пяты», предвидевшего век рабства в этой стране.

Вот там, в страшном мире нищеты и безысходного отчаяния, и родилось странное и непонятное для европейца движение, в котором причудливым образом смешались мечты о справедливости и уголовные методы борьбы, когда способный студент колледжа Хью Ньютон и его приятели одновременно изучали социальные науки и занимались воровством, толковали о революции и совершали кражи со взломом.

В 1964 году двадцатидвухлетний Ньютон был приговорен к году тюрьмы за вооруженное нападение. Он доставил тюремщикам немало хлопот: организовывал бунты заключенных, устраивал голодные забастовки. Выйдя на свободу, Ньютон заявил: «Я убедился, что нет большой разницы между жизнью в тюрьме и существованием вне ее. И тут и там белые с оружием в руках угнетают черных».

Как раз в то время вспыхнули пожары и началась стрельба в Уоттсе, и Хью Ньютон со своим другом Бобби Силом решил создать партию активной борьбы против белых расистов. Они назвали ее «Партия самообороны Черных пантер». Почему было избрано такое название? Сил говорит так: «Мы узнали, что в штате Алабама одна негритянская организация выбрала в качестве своего символа изображение черной пантеры. И мы решили, что это счастливая мысль; ведь повадки черной пантеры как нельзя лучше отражают тот стиль, который мы решили усвоить в своей борьбе: черная пантера никогда не набрасывается на врага первой, но когда на нее нападут, она злобно кидается на обидчика и уничтожает его полностью, целиком, абсолютно и до конца».

В том, как создавалась и начинала действовать «Партия самообороны Черных пантер», было много похожего на детскую игру в «сыщики-разбойники», но это была мрачная, пахнущая кровью игра. Партия строится как своего рода военная организация; как я уже упоминал, ее члены носят форму — кожаные куртки и черные береты; они вооружены; у них есть свои «министры» — нечто вроде «правительства». Хью Ньютон присвоил себе ранг «министра обороны»; пост «государственного секретаря» вскоре занял другой молодой энергичный негр, по имени Элдридж Кливер, который почти полжизни провел в тюрьме,— о нем я расскажу ниже.

Одной из первых акций «Черных пантер» в Оклэнде была такая: вооруженные чернокожие парни ходили по пятам за полицейскими патрулями; когда полицейские задерживали какого-нибудь негра, они подходили и спрашивали: в чем дело? Если полицейские арестовывали негра, «Черные пантеры», как выражается Ньютон, «разъясняли ему его права». На практике это «разъяснение» частенько кончалось дракой с полицейскими, скандалом, и все попадали в участок.

Некоторое время спустя разыгрался большой скандал. Ассамблея штата Калифорния обсуждала законопроект об ограничении права ношения оружия, явно направленный против «Черных пантер». Двадцать девять членов партии Ньютона и Сила, вооруженные автоматами, винтовками и пистолетами, ворвались на галерею для публики и учинили там шумную демонстрацию протеста. Об этом написали газеты, и о «Черных пантерах» заговорила вся Америка.

В газете «Черных пантер» я прочел десять заповедей этой партии. Это было уже нечто серьезное, непохожее на игру в «сыщики-разбойники».

«Мы хотим свободы,— сказано было в этих заповедях,— мы хотим власти, которая бы определяла судьбу черного населения Америки; мы хотим полной трудовой занятости, прекращения политики ограбления, которую проводит белый человек по отношению к черному; мы требуем земли, хлеба, жилищ, образования, правосудия и мира... Мы считаем, что правительство США не имеет права заставлять черное население сражаться в вооруженных силах, защищая расистское правительство, которое не в состоянии обеспечить нам защиту. Мы не будем сражаться и убивать людей, у которых другой цвет кожи и которые, подобно неграм в США, являются жертвами американского расистского правительства».

Членам партии предписывалось заниматься политическим самообразованием. Но список литературы, которая им рекомендовалась, свидетельствовал о том, что в умах руководителей «Черных пантер» царствовала невероятная мешанина самых разных воззрений: они советовали изучать работы покойного доктора Франца Фэнона, который призывал ко всеобщему бунту всех черных против всех белых, и Че Гевары, «Отца черного сепаратизма» Маркуса Гарвей и Мао Цзэ-дуна, прогрессивного негритянского деятеля доктора Дюбуа и знаменитого бунтаря Малкольма Икс...

Партия «Черных пантер» опирается главным образом на студентов-негров, подростков и негритянский люмпен-пролетариат. Подлинной сущностью ее платформы является, по сути дела, анархизм со всеми присущими ему крайностями и эксцессами. В этом отношении одна из наиболее характерных фигур — уже упомянутый мною «государственный секретарь» «Черных пантер» Элдридж Кливер.

Кливер родился в 1935 году в Литтл-Роке (штат Арканзас) в типичной негритянской семье: в ней было шестеро детей, отец оставил их, когда Кливеру было всего семь лет, и несчастная мать одна тащила на себе бремя воспитания вечно голодных и оборванных детишек. В 1941 году она с детьми перебралась в поисках лучшей доли в Лос-Анджелес и попала в зловещий Уоттс, где жизнь оказалась еще страшнее.

Элдридж Кливер ходил в школу. Он был смышленым ребенком, но бремя расовых предрассудков быстро превратило его в озлобленного волчонка, как и многие его ровесники, он воровал, хулиганил, пытался спекулировать. В 1954 году полицейские схватили его в пустом доме; при нем были три фунта наркотика марихуаны. Элдридж попросил об одном:

— Отправьте меня в тюрьму. Там я научусь боксу...

Из последующих четырнадцати лет он одиннадцать провел за решеткой. В последний раз отсидел в заключении восемь с половиной лет по обвинению в покушении на убийство. На сей раз он, повзрослевший, много читал, думал, писал. Начал посылать из тюрьмы в журнал «Рэмпартс» статьи. Они печатались, имели успех. Издательство «Макгроу хилл» заключило с Кливером договор, и он написал книгу «Душа на льду». Эта книга стала бестселлером. 12 декабря 1966 года Элдридж Кливер был досрочно освобожден и стал работать в том же журнале «Рэмпартс», в который он посылал статьи из своей тюремной камеры.

Вскоре Кливер вступил в организацию «Черных пантер» и быстро выдвинулся — он стал ее главным идеологом. «Наша цель № 1,— говорил он,— завоевать позицию силы. Когда у нас будет солидная организационная база, мы сможем добиться уступок у власти».

Когда в октябре 1967 года его друг Хью Ньютон был арестован, Кливер заявил: «Если Ньютона не освободят, мы пойдем и освободим его сами, и мы это сделаем с оружием в руках». Но это бравирование силой, которой в действительности «Черные пантеры» не обладали, привело к провалу воинственных замыслов: полгода спустя, 6 апреля 1968 года, очередная перестрелка с полицией окончилась катастрофически — Кливер был ранен и попал снова под арест, а его друга семнадцатилетнего Бобби Хаттона полицейские убили.

В декабре 1968 года Кливера под честное слово отпустили на свободу — провести рождественский праздник в семье. Но он скрылся, и следы его затерялись. Одни говорят, что Элдридж бежал за границу, другие утверждают, что он скрывается в подполье. Во всей этой истории много неясного и загадочного; некоторые даже намекают, что Кливер, возможно, был связан с полицией,— иначе-де его не отпустили бы из тюрьмы под честное слово.

Во всяком случае, ясно одно: при всей радикальности своих программных заявлений партия «Черных пантер», лишенная прочной и четкой идеологической основы, построенная на противопоставлении всех черных всем белым — в том числе и рабочим! — и не имеющая солидной организационной базы, не в состоянии играть роль подлинно революционного течения в гетто, хотя один из ее основателей, Бобби Сил, и говорил, что «черное сообщество нуждается в революционной политической партии, которая будет защищать его интересы».

И подлинная трагедия «Черных пантер», этих отчаявшихся, посвоему мужественных и ни перед чем не останавливающихся людей, состоит в том, что у них нет умудренного опытом политической борьбы, зрелого в идейном отношении политического руководства.

— Кливер,— сказал мне один видный революционный деятель США,— одаренный от природы и смелый человек. Но его, представителя люмпен-пролетариата, воспитала и обучила тюрьма. Если бы ему встретились там подлинные революционеры, а не бандиты и воры, эта школа могла бы дать неплохие результаты. Но с настоящими революционерами он не встретился. Вот почему его книга «Душа на льду» интересна лишь ярким, талантливым описанием ужасов гетто. Кливер прошел через них. Когда же он пытается изложить программу действий, у него получается какой-то реакционный бред — это действительно расизм наоборот!

Расизм наоборот... Это звучит парадоксально, но дело обстоит именно так: необыкновенно заостренный «черный национализм» заводит иных «радикалов» из гетто в политический тупик: отказываясь от сотрудничества с белыми соотечественниками, борющимися против капитализма, они утрачивают классовый подход и обрекают себя на изоляцию, а следовательно, и на неудачи.

— Наша проблема совсем иная, нежели у белых рабочих,— горделиво сказал мне один из этих «радикалов»,— это колониальная проблема. Белые угнетают черных, как же мы можем сотрудничать с ними?..

Секретарь ЦК Коммунистической партии США товарищ Загарелл, ведущий работу среди молодежи, рассказывал мне:

— В Чикаго недавно проводилась конференция молодых рабочих. На нее пригласили представителя «Черных пантер». Пришел «министр труда» их местной организации, его сопровождали двое телохранителей. И что же? Он сказал, что сотрудничество с белыми немыслимо. Свою задачу «Черные пантеры», напротив, видят в том, чтобы расколоть смешанные профсоюзы, вывести из них рабочих-негров и создать свои собственные «черные» союзы. И еще он предупредил нас: «Берегитесь! Когда мы осуществим свою социальную революцию и покончим с капитализмом, мы рассчитаемся со всеми вами. Все белые — угнетатели!» Повернулся и ушел. За ним ушли и его телохранители...

В Лос-Анджелесе, в Нью-Мехико «черный радикализм» носит ярко выраженный антикоммунистический оттенок. В Нью-Мехико, например, «Черные пантеры» исключили из своей организации одного негра, узнав, что он член компартии. Справедливость требует, однако, отметить, что так обстоит дело далеко не везде. В ряде мест «Черные пантеры», напротив, выражают желание встречаться с коммунистами, сотрудничать с ними. Все зависит от того, какие настроения у местных «вождей» «черных радикалов». «Радикалы», ссылаясь на «африканские корни» своего движения, часто стремятся воссоздать нравы племен Африки. Отсюда, между прочим, их стремление изучать язык суахили, носить африканскую одежду, отпускать длинные пышные волосы — это называется «прическа бушменов».

Я уже писал, что на первый взгляд все это может показаться чем-то вроде детской игры. Но вот, Рон Каренга из Лос-Анджелеса, присвоивший себе прозвище «Учитель», написал книгу «Черная идеология», в которой всерьез пытается доказать, что негры должны порвать с «белой» культурой колонизаторов и вернуться к обычаям своих африканских предков. Он создал собственную организацию, которая называется «Мы»; она конкурирует с «Черными пантерами».

В ущерб общему делу эта разрозненность — разрыв с белыми рабочими и студентами, бесчисленные расколы между самими «черными радикалами», непрекращающаяся борьба за власть в националистических организациях, конечно, еще больше ослабляют их. Тем более, что черные рабочие в своей массе пока с определенным недоверием относятся к «радикалам», и те опираются главным образом лишь на студенчество и люмпен-пролетариат гетто.

Раздоры и соперничество «радикалов» порой приобретают крайние формы. Когда я был в Лос-Анджелесе, там произошло событие, взволновавшее весь город: студенты-негры, принадлежащие к организации «Мы», застрелили двух «черных пантер». Убийство произошло в ультрасовременном здании гуманитарного факультета Калифорнийского университета, где черные студенты собирались на митинг,— в этом университете учится всего пятьдесят негров (450 на 28 000 студентов — не так уж много, между прочим!).

Представители соперничающих группировок нередко обвиняют друг друга в тайном сотрудничестве с полицией. Тот же Рон Каренга («Учитель») 7 февраля 1969 года в интервью, опубликованном в газете «Лос-Анджелес фри пресс», заявил: «Черные пантеры» называют полицейских свиньями. Но они имеют сношения с этими свиньями на разных уровнях. Я не понимаю этого».

Соперники «Черных пантер» обвинили в сотрудничестве с белыми властями самого их «государственного секретаря» Кливера. «Он недаром получил, еще находясь в

тюрьме, заказ на книгу «Душа на льду», которая принесла ему многие десятки тысяч долларов,— говорили они.— И потом,— разве только за красивые глаза тюремщики выпустили Кливера погулять на рождество, когда он вдруг скрылся? Тут дело нечисто!»

«Черные пантеры», не оставаясь в долгу, обвинили в сотрудничестве с полицией и властями руководителей группировки «Мы». Рон Каренга ответил на это обвинение довольно двусмысленно. «Важно не то,— сказал он корреспонденту той же «Лос-Анджелес фри пресс»,— откуда вы берете деньги. Важно то, что вы с ними делаете...»

Трудно, конечно, судить, кто тут прав и кто виноват. Ясно одно: американские власти, конечно, не зевают и при каждом удобном случае, используя соперничество и раздоры в любых оппозиционных группировках, спешат начинить их платными провокаторами,— в США имеется богатый опыт по этой части. Но при всем том было бы большой ошибкой отнестись с пренебрежением ко всем бунтарям из гетто, хотя в их сознании стихийные чувства пока преобладают над рассудком. И, по-моему, глубоко была права газета французских коммунистов «Юманите», когда, приглядываясь к деятельности «черных радикалов» Америки, она написала еще 13 ноября 1968 года:

«Перед лицом белой Америки, которая на протяжении столетий твердила им, что они — неполноценные существа, недоумки, трусы, эти люди хотят доказать, что они способны взять свою судьбу в собственные руки... И они не хотят больше получать ударов, не расплачиваясь с обидчиками той же монетой...»

Где же выход? Что могут сделать американцы для того, чтобы покончить с позорящей их страну системой непрерывного и жестокого угнетения «цветных» меньшинств, и прежде всего негров, которое длится уже триста пятьдесят лет? Наиболее четкий и разумный ответ на эти вопросы дают в своих документах американские коммунисты, которые рассматривают борьбу против расизма как центральную часть классовой борьбы в США. Они справедливо подчеркивают, что расизм — это одна из важнейших опор капитализма в их стране. С этой позиции американские коммунисты и подходят к сотрудничеству с негритянскими националистами.

— Справедливость требует отметить,— сказал мне один из руководящих деятелей Американской компартии,—что среди наших «черных радикалов» немало таких, которые сохраняют классовый подход к организации своей борьбы. Их лозунг совершенно справедлив: «Черная власть — в гетто; рабочая власть — на заводах и фабриках; народная власть — в стране». Это разумная платформа, и на ней, конечно, мы можем строить свое сотрудничество с ними.

Таким образом, американские коммунисты полагают, что «черный национализм» может и должен сыграть позитивную роль в борьбе против капитализма, угнетающего всех трудящихся. В этой связи они считают справедливыми в современных условиях требования о том, чтобы в кварталах, где живут негры, именно им было бы предоставлено руководство школами, чтобы там была черная, а не белая полиция; чтобы неграм принадлежала решающая роль в осуществлении планов коммунального жилищного строительства в гетто, экономического развития и социального обслуживания негритянских районов и так далее. Коммунисты поддерживают также требование негров о том, чтобы внутри профсоюзных и иных организаций, борющихся за улучшение доли трудящихся в США, создавались негритянские группы, цель которых — борьба за разрешение специфических, присущих жителям гетто проблем.

— Однако поддерживая все эти формы,— заявляют американские коммунисты,— мы отбрасываем утверждения, будто борьба негров за свободу может увенчаться успехом без поддержки со стороны их белых союзников. В промышленности у черных рабочих общие интересы с белыми в борьбе против капиталистической эксплуатации. Единство рабочего класса имеет важнейшее значение в битве против господства монополий. Необходимыми условиями для обеспечения такого единства являются завоевание профсоюзной демократии и полноправное участие членов профсоюзов в руководстве деятельностью профсоюзов на всех уровнях.

Коммунисты безоговорочно поддерживают активные формы борьбы негров за свои жизненные интересы и признают их право на самооборону. «Мы, коммунисты,— говорится в одном из партийных документов,—поддерживаем и ненасильственный метод борьбы, как тактику, применимую в некоторых случаях, но мы не приемлем этот метод как принцип или как философию. Пока расисты — в форме или без нее — безнаказанно избивают и убивают, негры не только вправе, но и должны защищаться. Белые должны стоять плечом к плечу со своими черными братьями в этой самообороне, давая отпор насилию, причем решение вопроса о самообороне надо сочетать с массовым развертыванием воспитательной и организационной деятельности среди белого населения, разъясняя ему существо полицейских насилий и репрессий в негритянских кварталах».

— Монополистический капитал делает все, что в его силах, чтобы расколоть белых и черных рабочих,— сказал мне один из руководящих деятелей Коммунистической партии США, негр Джеймс Джексон.— Мы, коммунисты, отвечаем на это усилением борьбы за единство черных и белых...

...Так обстоит дело с тем, что лживый журнальчик «Америка» именует «негритянской агрессивностью». Как видит читатель, в действительности сегодня, как и вчера, и позавчера, триста лет тому назад, в Америке речь идет об агрессивности белых расистов, против которой борются негры и их белые друзья.

И уж, во всяком случае, смешно и нелепо утверждать, как это делает «Америка», будто «беспорядки» в гетто, как выражается с поистине расистским презрением к жителям обездоленных негритянских кварталов сей журнал, вызываются некими, якобы врожденными, «инстинктивными проявлениями» раздражения чернокожих людей, подавляющегося ими в глубине души на протяжении веков и вылившегося наружу только нынче, когда негров юридически уравняли в правах с белыми.

Я рассказал, как мог, все то, что видел и слышал в негритянских кварталах Соединенных Штатов, и читатель имеет теперь полную возможность объективно сравнить залихватские бредни «Америки» с неумолимой правдой Уоттса и десятков других, таких же страшных негритянских гетто. Выводы сделает он сам!

К. ЧЕРЕВКОВ

Слушайте, товарищи потомки!

Город ждал премьеры. Говорили о ней много. Еще бы! Не просто вечер отдыха и не просто спектакль, а массовое театрализованное представление — «Слушайте, товарищи потомки!», представление, которым Дом культуры начинает серию вечеров Ленинианы. Обычных билетов не будет. Будут мандаты с правом решающего голоса. Предъявив у входа матросу такой мандат, каждый окажется в гуще событий и сам по желанию, по способностям выберет себе роль — танцора, певца, участника митинга...

Премьера, о которой пойдет речь, должна была состояться в Доме культуры города Выборга. Ленин несколько раз приезжал сюда, работал тут в подполье. Последний раз Владимир Ильич перебрался из Гельсингфорса в этот город, раскинувшийся в 130 километрах от Петрограда, чтобы быть ближе к революционной столице.

В домике на Рубежной, где Владимир Ильич работал,— мемориальный музей, посвященный последнему подполью вождя.

...Из дома в дом, от улицы к улице идут вести о предстоящем необычном ленинском вечере. О нем говорят сами участники. А в представлении занято несколько сот человек, все самодеятельные ансамбли — драматический, танцевальный, вокальный коллективы, сводный хор, два духовых оркестра и симфонический, отряды солдат, матросов... Разве утаишь такое? Не было фабрики или завода, которые не мобилизовали бы своих самодеятельных актеров, певцов, танцоров. В музеях, книгохранилищах, кинопрокате отбирали фото, кинокадры из фильмов о Ленине, просматривали сцены из пьес, прослушивали музыкальные произведения... Сценарий, написанный самими работниками Дома культуры, охватывал события от Октября до наших дней.

Формировались боевые отряды для массовок, велись поиски реквизита. На первый взгляд, казалось, что не так уж трудно вооружить три-четыре взвода матросов и солдат. На деле это оказалось проблемой. Во всем Выборге с трудом отыскали только одну трехлинейную винтовку тех лет. Пришлось создать специальную мастерскую. Офицер в отставке Николай Кириллович Скрябин мастерил винтовки, а ребята из драмкружка красили их.

Узнав, что готовится большой ленинский вечер, ветераны приносили старые кожанки, рубашки-косоворотки, шапки, картузы, тельняшки, воинские знаки отличия. Однако многое пришлось готовить самим — нашлись закройщики, швеи, художники. А сколько хлопот выпало на долю костюмерши М. Василенко и завхоза А. Жилкиной! Это они раздобыли телеграфные аппараты Морзе, старые пишущие машинки, листовки в массовых тиражах.

Итак, город ждал премьеры. И вот она назначена. У входа в Дом культуры встал матрос. Проверяя мандаты, он накалывал их на трехгранный штык винтовки. Девушки вручали пришедшим на вечер красные банты, косынки. Залы превратились как бы в одну огромную площадь с горящими кострами, наполненную многоликой, возбужденной толпой. Красочное массовое представление захватывало с первых минут.

Вся обстановка напоминала предгрозовые дни Октября. В фойе постукивали телеграфные аппараты, выбрасывая вьющиеся ленты. Печатая шаг, проходили вооруженные отряды балтийских матросов. Комиссары в кожанках диктовали машинисткам воззвания, обращения. Сотни людей, военных и штатских, собирались у костров, пели песни, слушали ораторов у трибун. Ораторы разные: большевики, эсеры, меньшевики...

— А ну, которые тут временные — слазь! — Матрос, перепоясанный пулеметными лентами, тащит с трибуны эсера.

Гремят трубы духовых оркестров. С балкона в зал летят листовки. Гаснет свет. На экране — кадры из фильма. Питерская рабочая гвардия штурмует Зимний. В ее рядах отряд красногвардейцев Выборга.

Революция победила, но враг не сдается, хочет задушить республику. Гражданская война. Разруха. Трудное время. О нем рассказывают кинокадры, песни.

На экране — широкий Амур. На его берега высаживаются первые строители города Комсомольска. Война. Великий подвиг советского народа. Послевоенное восстановление — Выборг был одним из многих сотен разрушенных городов. Но это в прошлом. Сегодня он красив, чист, молод.

«Премьеру — на бис! Покажите еще раз, покажите!» — просят те, кому не довелось увидеть ее. Пришлось повторить снова. Окрыленные удачей, работники Дома культуры не менее интересно провели и последующие вечера. Семь вечеров подряд длился праздник: «Товарищ Ленин, мы вам докладываем!» Каждый из семи вечеров был подчинен одной теме, но не один из них не походил на другой.

Седьмой вечер был завершен Праздником Проспекта Ленина — центральной магистрали Выборга. Весь город вышел на улицу, чтобы принять участие в этом волнующем событии.

О Выборгских вечерах Ленинианы стало известно в других городах. Познакомиться с новой оригинальной формой культурно-массовой работы приезжали в далекий пограничный Выборг работники Домов культуры из Тюмени, Саратова, Рязани...

Ваш мандат!

У костра завязывались беседы.

С правом решающего голоса.

Фото Н. Ананьева.

Как живой шагнул со сцены

Стихийно возникали митинги.

Ленин.

Выступает агитбригада.

Слушают товарищи потомки.

На боевое задание.

ОТ СЕРДЦА К СЕРДЦУ

В. ПОНОМАРЕВ

...Непослушные ноги тонут в буйной росной траве. Глухо, как тюремный засов, звякнула железка задвижки, и решетчатые ворота распахнули широкий вход. Несколько шагов — и еще пахнущая краской ограда, еще белая, со следами рубанка скамья, свежие отпечатки подошв на желтом песке... Еще не прижившиеся как следует цветы, и временная пирамидка со звездой и маленькой, в пол-открытки фотографией... И временная же табличка со словами: «ОРЛОВСКИЙ КИРИЛЛ ПРОКОФЬЕВИЧ 1895 январь —1968 январь».

Если бы еще несколько дней, если бы дожил до 30 января, ему было бы ровно семьдесят три...

Если б еще несколько месяцев, то, как он и предполагал, «Рассвету» было бы отдано ровно двадцать четыре года. Столько же, сколько он прослужил в армии...

Если бы...

Рядом медноствольные сосны, в тени которых последний приют мышковичских односельчан.

Рядом братская могила жертв войны.

Рядом то самое место, где лежал белый камень, под которым Орловский завещал похоронить себя и который из-за нехватки строительного материала сам же велел расколоть и уложить в фундамент школы.

На кладбище тихо. Бежит холодок по спине. А на сердце тяжесть. Пора уходить, но ноги не идут, и трудно прервать до слез дорогие воспоминания... Кажется, я и сейчас слышу его голос...

Пресса сообщила, что правительство Франко бросило Хусто Лопеса в тюремный застенок.

— Я знал, что он опять подался на родину.— Кирилл Прокофьевич отложил газету.— Прекрасно понимал, на что идет, но жить иначе ему не дано... Всякому свое: одному — крестьянство, другому — завод, третьему — наука. Каждому свое... Хусто — это рыцарь борьбы за народную волю... Есть особая жилка у этих людей большой, сильной, неукротимой страсти... Сейчас начали писать о разведчиках. Все больше скользят по детективной дорожке, щекочут душу острыми ситуациями. А суть-то не в этом. Суть — в романтической чистоте чекистского сердца, в духовном богатстве этих замечательных натур, в святости идей и целей, которым всецело отдали себя великие труженики и герои. Разведчик — это человек значительный, избавленный от скверны мелочного восприятия жизни. Он лишен эгоизма и честолюбия, над ним не властвует тяга к наградам, почестям и карьере. Чаще всего он до конца своих дней, да и после смерти, остается в безвестности. Это необычайно цельные, жизнестойкие, несгибаемые и в то же время очень простые, добрые, милые люди... Хусто из таких. Командир интернациональной бригады, он, как нянька, как мать, выхаживал меня в партизанском лесу: брил, мыл, одевал, кормил с ложки... Я обязан ему жизнью. Говорят о собачьей преданности — нет в природе верности надежней и прочней человеческой... Лопес знал, что его ждет в Испании, но жить без борьбы ему не дано...

Спустя несколько дней Кирилл Прокофьевич выступил в «Правде» с гневным протестом против произвола франкистских тюремщиков.

Спустя несколько месяцев пришла весть о кончине Хусто.

— Коммуниста можно убить, физически уничтожить,— сказал тогда Орловский,— но его идеи неистребимы и вечны, как жизнь!

Василий Захарович Корж уже несколько лет жил на пенсионерских хлебах в Минске. Сердце подводило его все чаще и чаще, но однажды он все же решился и двинулся к своему бывшему командиру и старому другу, чтобы повидаться и поговорить... Может, в последний раз.

Настоящая дружба, тем паче мужская, да еще солдатская, скупа на слово. Ни Корж, ни Орловский, наверное, никогда не говорили о своей особой тяге друг к другу, а вот встретились, и сразу видно, как хорошо им вместе.

Оно и понятно: считай полвека их ратные и гражданские пути шли рядом, преодолевая самые крутые и бурные волны в море жизни...

Познакомились еще в начале двадцатых годов, на заре своей партизанской деятельности... После знаменитого налета отряда Орловского на поезд воеводы Довнаровича белопольские жандармы отправили отца и брата Коржа на вечную каторгу... По зову интернациональных чувств Орловский и Корж сражались с фашизмом в Испании. Когда Орловский был в Китае, боевая группа Коржа дала первый в истории Великой Отечественной войны партизанский бой оккупантам... В партизанском соединении Василия Захаровича лечился и набирался сил Орловский после рокового ранения и контузии... Отсюда Кирилла Прокофьевича перебросили на Большую землю... После войны заместитель министра, генерал, Герой Советского Союза Корж по примеру Орловского поехал к себе на родину, в полесскую деревню Хоростово, и возглавил там крупный колхоз...

С огненной, боевой юности мужала и крепла эта взаимообогащающая дружба народных героев.

И вот два дня вместе.

Каким предусмотрительным, внимательным и нежным был тогда Орловский! Не было ни умиленных воспоминаний былой удали, ни легковесных полуискренних заверений в том, что все, мол, хорошо, а будет еще лучше, ни снисходительного заискивания перед больным человеком. Наоборот, все честно и мужественно. Кирилл Прокофьевич даже как бы подшучивал над поддавшимся недугу героем. Однако вроде бы незаметная, но постоянно ощутимая мужская забота о товарище, учет его привычек, вкусов и даже маленьких слабостей создали ту простую и душевную атмосферу отношений, в которой Василий Захарович час от часу становился все бодрее и мажорнее и очень скоро, кажись, вовсе забыл о своих хворях. Дошло до того, что, вопреки наистрожайшим предписаниям врачей и, главное, жены, Василий Захарович за ужином решился на рюмку шампанского с коньяком, а затем уж и коньяка с шампанским. И потом не жалел.

С утра до ночи Кирилл Прокофьевич сыпал и сыпал свои шутки и прибаутки, на которые был великий мастак, картинно рассказывал забавные житейские истории, возил Коржа и в лес, и на водохранилище, и в клуб — посмотреть, как танцует молодежь.

Василий Захарович видел, что все это не «делалось», а вырывалось из души Орловского само собой, как у студента на каникулах, и, словно облученный жизнелюбием своего неутомимого друга, помолодел и засветился:

— Ну, Кирилл, спасибо: давно уж не было мне так легко и весело. Хохотом ты мне расправил не только легкие, но и самую душу!

Снимали документальный фильм, связанный с самым маленьким и вместе с тем самым большим домом на Круглой площади в Минске — с Домом-музеем I съезда РСДРП. Среди других на съемку был приглашен директор Института экологии в Варшаве академик Казимир Казимирович Петрусевич. Его отец, Казимир Адамович, был делегатом I съезда от Екатеринославского Союза борьбы за освобождение рабочего класса. Сын в отца — такой же неутомимый революционер. Боролся в подполье вместе с известным белорусским поэтом Максимом Танком. В народной Польше был вице-министром, министром, работал в ЦК ПОРП, а теперь академик-секретарь отделения биологических наук Польской академии.

Слово за слово, и неожиданно выяснилось, что в годы минувшей войны Казимир Казимирович был бойцом отряда Орловского. Само собой разумеется, на другой же день Петрусевич был в «Рассвете».

— Если бы невзначай увидел, я вас сразу бы узнал,— начал Кирилл Прокофьевич.— Вы почти не изменились: такой же подвижной, худощавый и стройный, только седина... А вот имя и отчество, простите, забыл.

— Я для вас, товарищ командир, по-прежнему Казик.

— Министр! Директор! Академик! И вдруг — Казик. Нет, так дело не пойдет: былое былым, а нынешнее по-сегодняшнему!

— Я о вас, Кирилл Прокофьевич, слыхал еще в двадцатые годы, когда вы работали под именем Михальского. Но никак не предполагал, что буду бойцом вашего отряда.

— Менялись имена, конспиративные квартиры... Давно все это было. А как, Казимир Казимирович, сложилась после войны ваша личная жизнь?

— Жена, две дочери: старшая — студентка университета, будет экономистом. Младшая еще в школе.

— Так что вы в активном женском окружении... А супруга чем занимается?

— Профессор медицины...

До самой темноты они ходили и ездили по полям и фермам колхоза.

— Не спрашиваете,— не удержался Петрусевич,— так я сам напрошусь: знаете, что самое замечательное у вас в колхозе?.. Леса, сады, дороги — все это хорошо, но не ново. Урожаи могут быть и побольше. Доходы — дело тоже наживное. А вот то, что вы обхо-

дитесь без замков и запоров, без сторожей,— это великая победа! Такое богатство — и ни одного.

Я присутствовал при его последней беседе с корреспондентом одной газеты.

Деловая часть разговора, собственно, уже закончилась, но журналист продолжал спрашивать, руководствуясь своим чисто личным, человеческим интересом:

— У вас, Кирилл Прокофьевич, большая и громкая слава. Что она дает человеку?

— Есть две стороны славы. Пока она питается действительными достоинствами человека, слава помогает человеку, окрыляет и вдохновляет его, ибо человек видит, что его деятельность находит народное признание. Это приятная и полезная сторона славы. Но есть у нее и другая, коварная сторона... Если слава как бы обгоняет реальные возможности человека, тогда бедняге может показаться, что он и в самом деле такой, как о нем глаголет убежавшая вперед слава. Тогда человек пропал... Испытание славой — самое тяжкое испытание человека. Это как космонавт в невесомости. Кажется легко — на самом деле трудно. Но так же легко потерять разумное соотношение своих желаний, возможностей и нужд — и пошла голова кругом!

— Вы, кажется, рождены быть председателем колхоза. Как найти свое место в жизни?

— Тут опять же все зависит от умения человека правильно определять и оценивать свои собственные желания и возможности. Почти все девочки мечтают быть балеринами, а мальчишки — летчиками. Это игра в жизнь. Так и должно быть в детстве. Тот же, кто и в зрелые годы все еще играет в жизнь и не имеет четкого представления о пределах возможностей своего тела, ума и сердца,— тот вечно будет тяготиться тем, чем занят, и тянуться в балерины и летчики... Буду конкретным. Один умный власть имущий человек мне внушал, что я перерос колхоз и что мне пора перебираться в кресло председателя райисполкома. Человек, повторяю, умный, желавший мне добра. Однако, слава богу, у меня хватило разума отказаться от этого на первый взгляд заманчивого предложения: я вовремя сообразил, что не обладаю теми качествами, какие необходимы для председателя райисполкома. Жизнь показала, что я не ошибся... Помните Чапаева? Василий Иванович тоже понимал, что не смог бы командовать всемирной армией: языков не знал.

— Еще один вопрос, Кирилл Прокофьевич: допустим, у вас был бы семнадцатилетний сын, который спросил бы вас, как ему жить, чтобы быть счастливым. Что бы вы ему сказали?

— Я бы ему ответил замечательной поговоркой: «Не жди от людей большего, чем ты даешь им сам».

— А в чем все же заключено существо радости, счастья, смысл жизни?

— Радость радости рознь. Допустим, дед подарил внуку мяч. Внук рад, ликует. Дед тоже счастлив, но радость его более деликатная, более человеческая — радость дающего. Есть радости примитивные, и есть радости возвышенные. И вот самую высшую человеческую радость каждый из нас испытывает лишь тогда, когда любовь к человеку захватит твой ум, сердце и душу так сильно и властно, что возможность доставлять людям радость станет твоей главной потребностью и стремлением, смыслом твоей жизни, твоим счастьем.

— Человек, видимо, так уж устроен, что время от времени у него появляется необходимость исповедаться, хотя бы перед самим собой... Слушал, слушал я это юбилейное златоустье — что ж: искренне хвалили и с тем же чистым сердцем перехваливали, смешивая в хмельной наивности желаемое с возможным... Оно, конечно, и после семидесяти хочется быть таким же расторопным, как прежде... Однако так уж нерасчетливо смастерил бог людину, что желания с годами не угасают, скорее, наоборот, делаются все значительнее, тоньше и деликатнее, а силенок-то — тю-тю! — все меньше и меньше... И, знаешь, именно в этом юбилейном медовом славословии, в этой праздной оторванности от привычных каждодневных дел мне вдруг с ясностью увиделось, что не тот, совсем не тот уж стал Кирилка!.. Мотор запущен на предельные обороты, однако сносился и дает перебои. И тут начинается мучение: «А не стал ли обузой? А не пора ли на покой? Не пришло ли время освободить место другому, более грамотному и, главное, молодому?» И самое страшное: уйти я не только не хочу, но просто не могу... Дело не в том, что нет видимой замены — мир богат на добрых людей. Да и свято место пусто не бывает. А в том дело, что без «Рассвета» я жить не смогу...

Кирилл Прокофьевич задыхался. Другой в такой момент тянется за сигаретой. За всю свою жизнь Орловский не выкурил ни одной папиросы. Вместо этого поднялся и нервно заходил по комнате...

— Я как старый любовник: все, что есть у него лучшее,— все отдает своей милой. Верит, что никто уж не сможет любить ее так глубоко и нежно. Но понимает: однажды все-таки окажется он ненужным. Такова жизнь! И тогда лапки кверху: пропадет старикашка от разрыва сердца!..

Это было на следующий день после семидесятилетия Орловского, которое в колхозе отметили с рассветовским размахом: личное событие совпало с праздником зимы и оказалось торжеством всего окружного трудового люда.

Роковой недуг начал свое черное дело задолго до того, как это приметили врачи. Оно и понятно: Кирилл Прокофьевич привык к физической боли. Не давал ей над собой власти. Голова, не переставая, ныла днем и ночью все годы после ранения и контузии в сорок третьем, да и культя то и дело так замозжит, что хоть волком вой. И если режет в желудке, тоже надо что-то списать на годы...

Силы заметно покидали Орловского.

В дни большого собрания в Минске в честь двадцатилетия Победы он пришел ко мне. Дверь открыл мой сын Димка.

— Ого, тянешься, как пожарная каланча!

— Выше папы!

— Не «выше» — «длиннее»! Согласен?

— А где Татьяна Васильевна?— спросил Димка, помогая своему кумиру раздеться.

— Сидит в гостинице и придумывает очередную задачу Золотой рыбке...

Кирилл Прокофьевич отказался от обеда, выпил лишь чашку кефира и прилег на диван. Димка укутал ему ноги пледом, хотел было выйти...

— Погоди, посиди со мной...— остановил Орловский.— Дима, а ты знаешь, что у меня тоже есть дети и что скоро я буду настоящим дедом?.. Смотри, какая она не простая — жизнь! Выросли и живут в Москве две девочки, теперь уже взрослые женщины. Плоть и кровь моя, а выросли без меня... Чем-то на меня похожи — и чертами и повадками. Однако только тем, что передается природой, а не тем, что воспринимается от сердца к сердцу и от ума к уму... Знаешь, Дима, горько это, когда так выходит. Однако мне иначе было нельзя. Знают ли они, что по ночам я вижу их во сне, чую их голоса?..

Наверное, не рассчитывал Кирилл Прокофьевич, что сын мой, Димка, поймет все это... Но, видать, так устроен человек, что время от времени у него появляется необходимость исповедаться. Хотя бы перед самим собой.

Это было за два года до...

...На цыпочках подошел к больничной койке. Он почувствовал взгляд — повернулся. Открыл полные боли глаза. Узнал — слабая улыбка тронула губы.

— Две ночи не спал. Дали наркотик. Может, забудусь... Приди, пожалуйста, через часок...

И опять к стене.

Боже, что стало с человеком! Неужели это в последний раз?! Неужели все?!

«Это может случиться в любую секунду. Может, и через полгода. Мы делаем все возможное...»

Только в беде осознаешь, как много люди еще ожидают от медицины.

Теперь все уже были единодушны в диагнозе и, стало быть, в неизбежном исходе.

Через два часа я не узнал Кирилла Прокофьевича: та же худоба, та же детская пижама, то же обтянутое кожей лицо. Но изнутри вновь светило человеческое солнце. И, ослепленный этим светом, я забыл о прогнозах медиков и дивился лишь жизнелюбивой жадности, с которой Орловский вытягивал из меня, рассчитывая на какую-то особую журналистскую осведомленность, о том, что делается в мире. Потом сам говорил о Китае, о Югославии, об Америке, о Вьетнаме...

Прощаясь, попросил раздобыть журнал со статьей маршала Жукова.

— Если не успеешь, не застанешь меня здесь, пришли в колхоз. Закончат обследование, вольют для бодрости кружку-другую крови от какой-нибудь молодой и красивой — и отпустят восвояси. А то тут и в самом деле загнешься. Коли умирать — не на больничной же койке!..

Это было примерно за год до...

Петр Миронович Машеров и Тихон Яковлевич Киселев предполагали застать Орловского в постели, но неожиданно встретились с ним у ворот — Кирилл Прокофьевич направлялся в правление колхоза.

Первый секретарь ЦК КПБ и глава правительства республики тут же были приглашены посмотреть только что возведенное зернохранилище с полностью механизированной обработкой зерна. Потом Орловский повел их на поле, где росла замечательная свекла: «500—600 центнеров с гектара возьмем. Не меньше!» Потом — на новую, высокопроизводительную мельницу, сконструированную и сделанную самими рассветовцами...

Потом завязался разговор о лучших сортах и породах, о путях развития общественного хозяйства, о структуре сельхозорганов, о новой технике... О стройматериалах, о закупках, о ценах — словом, обо всем том огромном круге забот и проблем, что объединяется необозримым понятием — сельское хозяйство.

Как всегда, Петр Миронович увлек Орловского в беседу масштабную, советовался с мудрым старцем и деликатно подсказывал Кириллу Прокофьевичу современный взгляд на вещи. Увлекательно было слушать этот проникнутый знанием жизни, народных чаяний, любовью к людям разговор.

Словом, все было так, как бывало всегда у Орловского.

Тихон Яковлевич не из тех, у кого чувства сильнее разума. Однако в заключение беседы председатель Совета Министров не выдержал и сам предложил выделить колхозу своей премьерской властью оборудование для освещения улиц лампами дневного света. Так «Рассвет» и в этом оказался первым в республике.

Это было примерно за полгода до...

Твердым, военным шагом Кирилл Прокофьевич вошел в комнату, где его поджидала группа иностранных студентов, занимавшихся в сельскохозяйственной академии.

— Извините, дорогие товарищи, если моя встреча с вами будет более короткой, чем мне хотелось бы. Меня одолевает одна из самых тяжелых форм (он знал, что у него рак) язвы желудка, которая высосала все мои силы. Я вынужден экономить каждую минуту, чтобы активнее участвовать в работе нашего колхоза. В то же время, когда я узнал, что среди вас есть представители героического Вьетнама, я не мог не прийти к вам. Я завидую вам, товарищи вьетнамцы. Не знаю, хорошо ли вы успели освоить русский язык, но мне хочется, чтобы вы точно поняли это слово. Именно завидую. Потому что по вашей земле проходит сейчас самая горячая линия борьбы с империализмом. По летам и нездоровью

я не способен принять личное участие в этой борьбе. Но я коммунист, и я не могу не завидовать тем, кто на переднем крае. Так меня воспитала партия. Так я привык жить...

Это было примерно за три месяца до...

...Разнарядку собирался вести заместитель председателя «Рассвета» Михаил Белявский.

Вдруг в дверях появился Орловский. Хмурый, как грозовая туча. Поздоровался — и к столу:

— Осенью, когда облагораживали торфяник, я заметил, что возле леса буйно цвели сорняки. Сказал заместителю запахать их. Или, еще лучше, скосить и сжечь. Иначе они засорили бы весь клин, словно для них его и обрабатывали. Михаил Белявский мог бы догадаться об этом и сам: штука немудреная. Но за последнее время он подраспустился, заважничал, зазнался. Головокружение от успехов! Приезжаю через два дня — сорняки на месте, и ветерок гонит семена на поле. Я заставил своего зама уничтожить сорняк и предупредил, что всякому терпению приходит конец и что это — последнее замечание... Вчера прихожу на ферму — мороженый картофель. Я к бурту — он заделан так, словно мы живем не в Белоруссии, а в Африке. Ищу своего заместителя. И где же, вы думаете, его нахожу? Среди трудового дня забрался в бобруйский ресторан и распивает шампанское в теплой компании! Это, товарищи, хуже предательства. Видит, что я превратился в председателя-надомника, и, вместо того, чтобы молодому да здоровому побольше поработать на благо колхоза, занялся гулянками, в ресторан потянуло... Ну уж нет! Нам такой горе-работничек не нужен. Предлагаю вечером собрать правление и снять с Михаила Белявского слишком обременительные для него обязанности заместителя председателя колхоза!

Рассветовский «совмин» поддержал Орловского.

— На очереди примазавшийся ко мне в родственнички Василь Белявский,— продолжал Кирилл Прокофьевич, тяжело опираясь на стол.— Спит и видит меня в гробу. Надеется, несчастный, что в наш демократически-вежливый век его никто уж не осмелится назвать собственником и стяжателем. Вот уж поистине — блаженны нищие духом!— Орловский вплотную подошел к здоровенному завгару, который даже сидя вровень с ним.— Ну что ты будешь делать со своими десятками тысяч? Отдал бы их на дворец культуры, да и зажил бы спокойнее и честнее. И сердце бы не болело!..

Это было примерно за месяц до...

...В тот раз мы гостили у Кирилла Прокофьевича вместе с белорусским драматургом Андреем Макаенком. Орловский по обыкновению был гостеприимен, добр и приветлив. Подробно расспросил писателя о нем самом, о его близких, о том, что пишет и чем увлекается. Посоветовал — тех, кто не любит сатиру, сатирой же и просветлять. Как всегда, Кирилл Прокофьевич был весь в будущем.

Макаенок был потрясен этим несгибаемым характером. Отвернешься — можно подумать, что с тобой говорит полный сил и здоровья, всем и вся довольный человек, у которого все главное впереди...

Мысли писателя не остались незамеченными — Орловский их разгадал.

— Я вашу литературную братию понимаю, сам люблю заглянуть в душу человека... Ну что ж, признаюсь: жить хочется даже такому... Другой раз боли так одолевают, что и новокаин не помогает, хотя я его по бутылке в сутки уничтожаю. Тогда хоть пулю в лоб. Однако ни в народе, ни в нашей партийной морали самоубийство не в чести. Не я себе жизнь дал, и не мне ее кончать... Да и жить-то хочется!.. В то же время понимаешь, что ничего нет на свете вечного — таков закон природы, и... Я прекрасно осознаю, что тело мое вконец сношено и что в этом году я обязательно умру. И смотрите, как примечательно получится: двадцать четыре календарных года в армии, двадцать четыре — председателем колхоза и полвека в партии... Ну, а вы слушайте да и закусывайте, пока в аппетит. Да еще по чарочке...

— Какой человечище! Какая сила — титан!— восхищался потом Андрей Егорович.

...Через неделю неожиданно приехала Светлана, младшая из дочерей. Как обрадовался Кирилл Прокофьевич!

Пока накрывали на стол, все расспрашивал о внуке, о Светланином муже... С удовольствием присел к столу, сказал свое непременное: «А соловья-то баснями не кормят!»,— чокнулся своей рюмкой с новокаином, закинулся, чтоб выпить удобнее, и не поднялся.

Это было в полдень 13 января 1968 года.

...Может, это не случайность и не чертовщина, может, потом умные люди найдут предчувствию научное объяснение, потому что все было в тот морозный веселый полдень так солнечно и радостно,— и вдруг сердце мое беспричинно застонало и заметалось, и душу охватила такая тревога, что мне пришлось остановить машину, вылезти из-за руля и походить по скрипучему снегу вдоль дороги.

Когда вернулся домой, узнал, что уже звонили из «Рассвета» и из Могилевского обкома и что именно этот полуденный час был последним часом Орловского.

Казалось бы, об Орловском знали всё и все, а когда составляли некролог, заново удивились, что он единственный белорус, удостоенный высочайших звезд ратного и трудового героизма, что он был пятикратным кавалером ордена Ленина, не считая многих других наград, что перечень его партийных, государственных и общественных званий и должностей так велик, что всего не упомянешь, и что простое перечисление важнейших этапов жизни великого гражданина является как бы символичным отображением всей советской истории белорусского народа. И заново подивились, до чего ж красивой может быть человеческая жизнь!

И вот осиротелые рассветовцы идут и идут, отдавая последний долг своему Кириллу Орловскому. Меняется почетный караул. Венков все больше, они не укладываются у гроба, и их ставят вдоль стен. Приходят из соседних деревень и колхозов, приезжают и приезжают из Кировска, из Бобруйска, из Могилева, из Минска, из Москвы...

Свежие шипы бронетранспортера с морозным скрипом приминают усыпанную еловыми лапками дорогу. Лафет с гробом и длинная-длинная вереница народа. Не мороз холодит лица, глаза и сердца. Народное горе. Народная любовь...

Кто-то что-то советует, о чем-то распоряжается... В одно из таких непременных на похоронах замешательств я глянул на лафет, и мне вдруг почудилось, что вот возьмет да и встанет председатель да распорядится, как всегда, разумно и властно, чтобы все шло гладко и хорошо...

...Я поправляю прикрывавшие фотографию цветы, тоже не могу сдержать глубокого вздоха и направляюсь к выходу с кладбища.

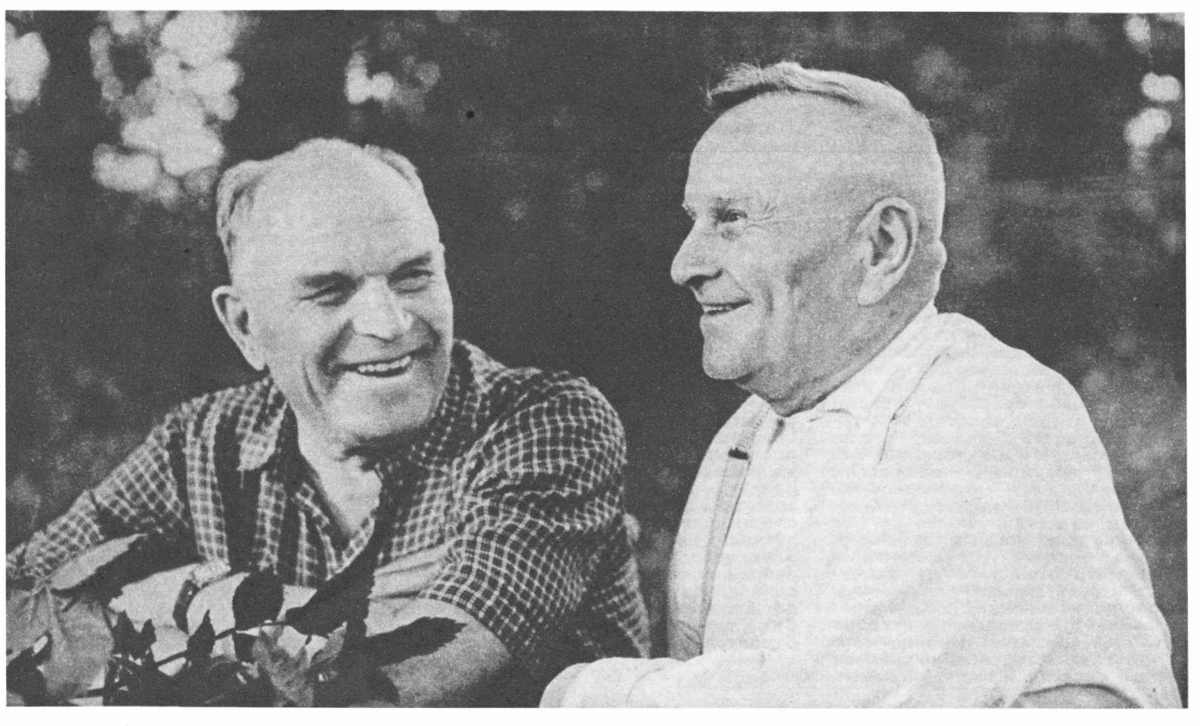
Кинооператор, снимающий фильм об Орловском, заждался меня у вертолета. Мое появление прервало его беседу с новым председателем «Рассвета» Василием Константиновичем Старовойтовым.

— Работать здесь и трудно и легко,— наскоро закругляет свой рассказ Василий Константинович.— Люди привыкли к порядку и организованности, обладают высокоразвитым чувством коллективизма, от всего сердца любят свое хозяйство, ревниво берегут его, заботятся о его процветании... Да и материальная база отменная: кроме огромного неделимого фонда, после Кирилла Прокофьевича в банке осталось около двух миллионов рублей резерва...

Летчик запустил мотор. Наша стрекоза качнулась, подалась вперед, поплыла вверх.

Внизу — добротные рассветовские поселки, фермы, асфальтированные дороги, ровные поля, сотни гектаров уже набравших силу лесов и сады, сады, сады — особая привязанность Кирилла Прокофьевича еще с юношеских лет...

И все это—лучший памятник ему.

К. П. Орловский (справа) **и В. З. Корж в саду колхоза «Рассвет».**

ГЕОГРАФИЯ ОТДЫХА

На приеме у врача заведующей профилакторием А. И. Сущиной.

Фото А. Награлььяна.

ГРАФИК ЗДОРОВЬЯ

В завкоме «Электростали» летняя страда. Разговор идет о турбазах и походах, санаториях и пионерских лагерях. И, как всегда, обнаруживается, что кому-то не хватило путевки, кого-то надо отправить на юг обязательно с семьей, а это не так просто, кому-то надо выколачивать место в Байрам-Али — самом дефицитном курорте.

А порой бывает и так, как в четвертом сталеплавильном цехе. Марии Александровне Борисовой — старшей табельщице этого цеха — предложили путевку в Сочи: для лечения ей нужна Мацеста. Табельщицей она совсем недавно, до этого была наждачницей. Труд этот нелегкий и небезвредный. В Сочи, в санатории «Металлург», ей как раз и можно подлечиться. И тут произошло совершенно непонятное. Борисова стала отказываться от путевки. «По курортам, дескать, не ездила, да еще одна, без мужа. Как семью оставлю?» И все прочее. Цехкому пришлось с ней повозиться. Призвали даже на помощь мужа, который работает подручным сталевара в том же цехе. Уговорили наконец. Согласилась Мария Александровна и поехала.

Не такое это простое дело: правильно спланировать отдых людей, работающих на таком заводе, как «Электросталь». Да что там завод, даже в масштабе одного цеха не так-то легко все предусмотреть. Взять хотя бы тот же цех, откуда уехала в Сочи табельщица Борисова. Председатель цехового комитета Юрий Флегонтович Головин раскрывает свой гроссбух. График отдыха на второй квартал 1969 года. Шестнадцать человек: сталевары, канавщики, шихтовщики, машинисты — ведущие профессии металлургического производства. Составлялся этот график не на неделю и не на месяц.

Цеховой врач Лариса Ивановна Тарасова провела профилактический осмотр всех рабочих и служащих и свои рекомендации — кому и куда необходимо поехать — направила в комиссию соцстраха завкома. А комиссии к концу марта уже известно, сколько завком получит путевок на летний сезон. Начинаются консультации с врачами, кому надо дать путевку в первую очередь. Так создается график здоровья. Его утверждают в цехкоме и вывешивают на доске приказов, как список о наградах. Оператор Захаров направляется в Нальчик, крановщица Трушкова — в Ессентуки, техник-конструктор Лихачева — в Гагру, наждачник Малышев — в Кисловодск, старшая табельщица Борисова — в Сочи. К пяти завкомовским путевкам Головин вскоре приплюсовал еще две — в Карловы Вары, сталеварам.

Чем еще, кроме путевок в здравницы, располагает завод?

Собственным, прекрасно оборудованным профилакторием. Здесь лечатся и без отрыва от производства. Смену — в цехе, а остальные 18 часов в профилактории, на полном обеспечении. Каждая пятая путевка сюда выдается бесплатно. Остальные — всего за 53 рубля или даже 16 рублей, а питание и лечение — от кислородных палаток и кислородного коктейля до озокерита, массажей, сероводородных ванн. На санаторном уровне! Каждый год тут лечится 1 200 человек.

— Будем строить еще один профилакторий, в два раза больший. Под Ногинском, возле Лукового озера, где сейчас наш пионерлагерь,— рассказывает предзавкома Н. А. Недосекина.— Кроме того, у нас есть своя турбаза, на Кержаче, это во Владимирской области. Пока там палаточный городок. Но к следующему году возведем капитальные дома, так, чтобы и зимой можно было отдохнуть. Руководители одного из цехов за счет средств из фонда материального поощрения решили своими силами построить дом рыбака и охотника на реке Пре. Так понемногу и обрастаем своим собственным «хозяйством отдыха». Мера в какой-то степени вынужденная, потому что путевок нам никогда не хватает. Внес завод свой пай — 150 тысяч рублей — на строительство новых санаториев и корпусов в Трускавце, Ессентуках, Кисловодске, Сочи. Вот только когда они будут?.. Строятся уж очень медленно...

К. ГАЛИНА

КРАСНОРЕЧИЕ ФАКТОВ

*

Тысячи часов в год, дольше, чем на Рижском взморье, светит солнце в Приморском краю. А концентрация полезных солей в Японском море в несколько раз выше, чем на Балтике, Каспии, и даже больше, чем в Черном море. Кроме того, тут изобилие источников минеральных вод. Словом, природные условия для создания курортов великолепные, их тут тринадцать. И они все время растут. Под Владивостоком, в Сад-городе, в этом году вступит в строй новый большой спальный корпус.

*

«Кафирниган» — так будет называться здравница для строителей Таджикистана. Она раскинется на берегу горной реки вблизи Душанбе. К удовольствию рыболовов здесь будет озеро, для спортсменов сооружается бассейн. «Кафирниган» возводится на средства предприятий «Таджикстройиндустрии», перешедших на новую систему планирования и экономического стимулирования.

*

Первый на Чукотке профилакторий для оленеводов украсит село Марково. В нем разместятся врачебные кабинеты, библиотека, красный уголок и киноустановка.

*

Алтайская «Белокуриха» — один из лучших курортов страны. Именно так оценил ее работу ВЦСПС, наградив курорт дипломом. Лечат здесь многие болезни. Помогает этому горячая радоновая вода, горный воздух, напоенный ароматом сосен, и отличное медицинское обслуживание.

*

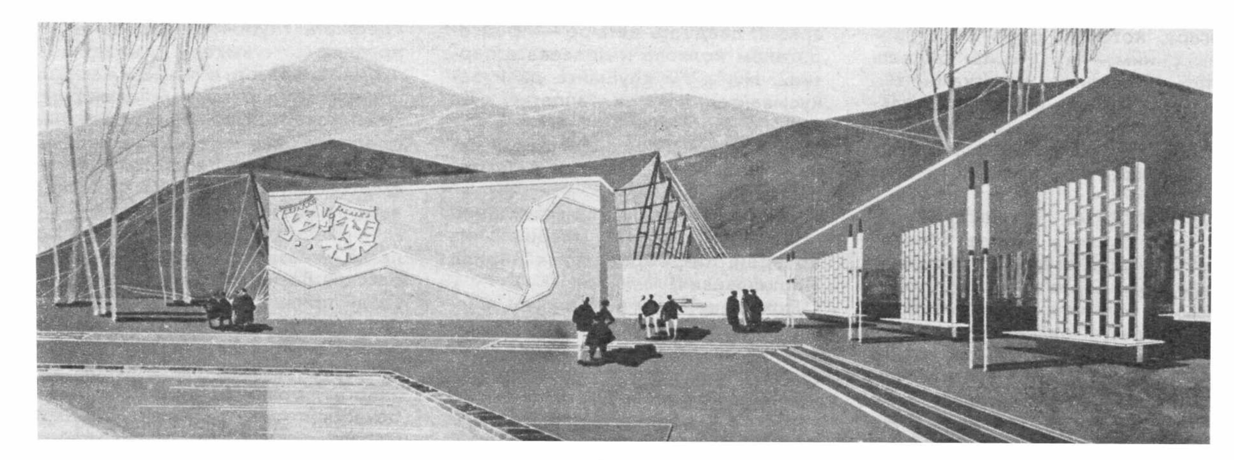
Свою собственную здравницу решили построить колхозники литовской артели «Ляудес ковотояс», Шяуляйского района. Мелиораторы запрудили небольшую речку, и образовалось живописное озеро с островом. На остров будет перекинут романтический мостик, на берегах появятся пляжи, домики. Десятки хозяйств республики обзаводятся подобными базами отдыха.

*

От реки Псоу до Батуми вдоль Черного моря протянется ожерелье курортов и туристических баз. В двухтысячном году здесь смогут отдыхать в 20—25 раз больше трудящихся, чем сейчас. Будет создан самый крупный океанарий, огромные парки, от мыса Скурча до Сочи протянется монорельсовая подвесная дорога. Таковы наметки проекта развития курортов Черноморского побережья Грузии, рассчитанного на 25—30 лет.

*

Водолечебницы, душевые, кабинеты физиотерапии и зал отдыха вырастут вблизи горняцкого поселка Гаурдак в Туркмении. Здесь на склоне горы Кугитангтау геологи обнаружили целебные воды, близкие по своему составу к мацестинским. Уже этой осенью сюда приедут первые отдыхающие.

Проект летнего кинотеатра курорта Чимион.
Фото М. Мирмухамедова.

ЧИМИОН

Белыми, похожими на сугробы снега корпусами встает Чимион — курорт Узбекистана.

Сероводородная минеральная вода Чимиона по своему химическому составу и температурному режиму — полный аналог знаменитой Мацесты. А минеральные грязи близлежащих озер Султан-Санджар и Аксыкон позволяют говорить даже о бальнеологических преимуществах Чимиона. Геологи-москвичи из института курортологии уже начали бурение скважин. Тем временем архитектор Элеонора Ивановна Гусарова из «Узгоспроекта», автор Чимионского комплекса, вместе со своими коллегами готовит чертежи для строителей.

Всего сорок километров от города Ферганы до владений нового курорта, но здесь уже свой микроклимат: летом в лощине дует прохладный, горный ветер, а зимой горы защищают ее от северных ветров. Санаторий круглогодичный. Проектом предусмотрены курзал и летний кинотеатр, плавательный бассейн и теннисный корт, площадки для баскетбола и волейбола, для городков и крокета, танцплощадка, кегельбан. И везде — дорожки терренкура.

Одновременно в Чимионе смогут лечиться 1 200 человек. Это будет крупнейшая здравница в Средней Азии.

Вяч. КОСТЫРЯ

ПОЧЕМУ ЛЮБЯТ КАПИТАНОВ

Н. ХРАБРОВА

Столик со стопой чистой бумаги, зеленая лампа, широкое окно в сад, привычный мир обжитой комнаты. Негромкий стук машинки за стеной — там работает жена. Тишина, изредка нарушаемая чуть слышными голосами птиц, ветра, моря, деревьев, первого дождя. Тишина, в которой теперь, кажется, можно спокойно писать спокойные книги. Но за этим маленьким столиком под зеленой лампой не было написано спокойных книг. Таков хозяин комнаты...

...Я шла с ним по городу и потихоньку расспрашивала. Жан Грива рассказывал охотно, без позерства, без напыщенных и громких фраз. Всячески избегал рассказов о героическом, старался отделаться шуткой. Остановился в центре Риги, показал на причудливый дом: на крыше три атланта поддерживают земной шар. И стал рассказывать:

— Тут вот в тридцатых годах один безработный помогал другому на работу устроиться. Подымись, говорит, на крышу, подержи шарик за одного из этих парней, а то, по слухам, его Ульманис в армию забирает.

Ну что ж, теперь можно и улыбнуться невеселой шутке латышского безработного. С тех пор прошло много лет, и даже сами бывшие безработные забыли о безработице. Теперь разные гости часто приезжают из-за рубежа смотреть на новую жизнь в Латвии. Одни придираются, другие радуются. Жан Грива, председатель республиканского Комитета защиты мира, часто сопровождает их в поездках. Однажды гости чем-то растрогали его, и, проезжая по Курземе, он сказал им:

— Между прочим, недалеко отсюда, в имении Айзупе, я родился.

Улыбнулся и уточнил:

— Только, как в одной русской песне поется, не сынком у маменьки в помещичьем дому. А в каменном бараке, где батраки жили. Отец мой был батраком у барона, бунтовал в 1905 году, потом в Тукумской тюрьме отсиживал. Я помню 1919 год, революцию, помню первых комиссаров. Один на митинге выступал. Попались мы ему на глаза — босые на холодной земле стояли, слушали комиссара. Он взмахнул рукой в нашу сторону и крикнул: «Вот полуголые дети ваши стоят. Разве так они должны жить?» Навсегда врезался в память этот комиссар... А вообще-то места там красивые, две реки, парк. Колхоз там теперь...

Гости приняли приглашение Жана Гривы и поехали в Айзупе, где столько примет ушедшего детства. Вот поворотный круг от старой пушки времен первой мировой войны — играли в детстве на этом круге. А тут барак из валуна, стоит, как стоял, только малость в землю осел. Подъехали. И пришлось бывшему обитателю этого сооружения сконфузиться: оказывается, колхоз устроил там свинарник. Смутился сначала, потом отшутился:

— Ишь как председатель колхоза щедр к свиньям!..

Позднее из-за этого же каменного барака пришлось ему еще раз сконфузиться. Решил показать новым гостям, какой в Айзупе, в колхозе, крепкий свинарник. Приехали, а там пусто. Оказывается, зоокетврач шумел до тех пор, пока колхоз не построил новый свинарник...

...Жан Грива в ранней юности покинул Айзупе. Удалось парню, работая в Риге, окончить гимназию, а потом полиграфическое училище. Стал печатником. И, как сказано в одном из его юмористических и автобиографических рассказов, «...моя жизнь все теснее сплеталась с этой простой и в то же время таинственной типографской буквой, по чьей милости мне не раз случалось попадать в разные переделки».

Это уж точно, были разные переделки, потому что стал он и наборщиком, и журналистом, и распространителем подпольной прогрессивной печати. В 1931 году был принят в подпольный комсомол. В 1932-м руководил забастовкой печатников, за что и был уволен с работы, да, слава богу, угодил в ульманисовскую армию: хоть и мытарили, а кормили. В 1934 году стал членом подпольной Компартии Латвии, еще крепче подружился с буквой. Прокламации, мопровские листовки, нелегальные журналы. В них были напечатаны его первые стихи и рассказы.

Из друзей его журналистской и писательской юности немногие остались в живых. В тюрьмах и концлагерях погибли революционные писатели Латвии. Остались народу их книги.

После службы в армии Жану Гриве удалось поступить в большую типографию. Хозяином ее был немец — напыщенный, не желавший видеть никаких перемен в Латвии. Жану Гриве работа в этой типографии нравилась: можно использовать ее для нелегальных изданий.

...Наборный цех. Буква ложится к букве: «Скоро победит генерал Франко, и в Испании тоже будет установлен новый порядок». Это набор для государственных газет. Но когда уйдут они с почтовыми машинами, в часы, близкие к рассвету, будут сложены новые слова — это уже для подпольной прессы: «Пролетарии всего мира поднимаются на помощь революционной Испании».

Испания, Испания, красный костер революции в далеких городах, надежда и тревога! Пытаются уходить на испанский фронт и латышские пролетарии. Трудно пробираться туда. То одного арестовали на границе, то другого сняли с корабля. А тут подоспела Международная выставка в Париже. Пошел Жан Грива к хозяину типографии:

— Говорят, хозяин, отличные печатные машины выставлены в Париже и самые высокие образцы печатного дела показаны. Посмотреть бы все это да ввести у нас в Латвии.

— О, да-да,— говорит хозяин,— почему бы и не в моей типографии?

— Помогли бы вы мне документы оформить, я бы все сделал для нашей типографии.

— О, о, о,— говорит хозяин,— отпуск даю, документы помогаю оформить, прошу хорошо смотреть полиграфию. А деньги вам нужны? — Это он спрашивает уже куда с меньшим энтузиазмом.

— Ну, ничего, друзья помогут.

Рискованный был вопрос с деньгами. Взять нельзя: потом будет немец среди рабочих грабителем обзывать. И не взять опасно: вдруг сообразит, куда собрался ехать его наборщик? Скупость в нем пересилила.

И вот 6 июня 1937 года в Риге на вокзале появились двое туристов. Осталась в память о том дне фотография, сделанная одной приятельницей-подпольщицей: Ян Беникис и Жан Грива уезжают в Париж.

Вспоминается та парижская улочка, где назначен сбор будущих бойцов интернациональных бригад. Вот он, тот альпийский луг, где автобус остановился, высадил примолкших своих пассажиров. Изредка встречавшиеся пастухи что-то тихо говорили проводнику. Сова кричала в тишине — позднее узнали, что означал этот крик: путь, мол, свободен. Они шли и шли тайными тропами контрабандистов в горных ущельях, и луна холодно светила над ледяными вершинами Пиренеев. Совсем неожиданно прозвучало сообщение проводника: «Вы в Испании!» И шестьдесят человек на разных языках в холоде горной лунной ночи запели «Интернационал». И прожгла латышского наборщика-писателя та искра, после которой он на всю жизнь стал интернационалистом. Он несет эту искру, живую и незатухающую, всем, кто готов принять ее.

«Это непросто — быть интернационалистом»,— иногда говорят ему. «Непросто,— соглашается он,— если вам кажется, что только ваш народ самый талантливый, самый сильный, самый трудолюбивый. Но если вы умеете по-доброму относиться к другому народу и видеть, что он тоже талантлив и трудолюбив, если вы отчетливо понимаете, что крестьянам и рабочим, писателям и ученым любого народа нужен мир, чтобы работать, тогда очень просто быть интернационалистом. Мысль об «избранности» твоего народа лестна и приятна на первых порах. Но мы, пережившие тридцатые и сороковые годы, обязаны помнить, как за этой мыслью идут мысли о рациональном устройстве концлагерей и крематориев, где легче было бы уничтожать людей только за то, что они другой расы. Интернационалист никогда не забудет об этом».

...Они две недели обучались, как вести войну, затем в составе батальона имени Василя Коларова артиллеристами ушли под Мадрид.

Бои, бои, бои... Бесстрашие и дружба, рожденные в боях. И радости побед, и горечь поражений, отход с оборонительными боями к Пиренеям. Утром 9 февраля 1939 года на последнем рубеже испанской земли стояли Пасионария, Хосе Диас... Строем, вскинув к виску крепко стиснутый кулак, прошли мимо них бойцы интернациональных бригад. Жандармы на французской границе потребовали сдать оружие. Бойцы швыряли винтовки к сапогам жандармов, да так, что замки разлетались вдребезги.

На пляжах французского Средиземноморья их ждали концлагеря, в которых приходилось есть траву. Французские рабочие и крестьяне не дали погибнуть — кормили, рискуя жизнью.

Выжили. А в марте 1941 года, когда они уже знали, что на их родине победила Советская власть, за прибалтийскими интербригадистами приехал советский посол. В начале мая Ян Беникис и Жан Грива прибыли в советскую Ригу, встретившую их музыкой и цветами. И совсем немного успел поработать Жан Грива в легальном «Юном Коммунаре» легальным советским журналистом, как началась вторая мировая война. Он ушел воевать.

Однажды бежал Жан Грива в атаку — и вдруг что-то хлестнуло по пальцу. Сразу некогда было взглянуть, а когда взглянул — увидел: висит полпальца на каком-то крохотном мускуле. Выхватил на бегу из кармана складной нож, резанул, отбросил, мелкие косточки отломал, перевязал. А в марте 1943-го под Старой Руссой получил такое тяжелое ранение в ногу, что уже больше не вернулся в армию. Однажды в госпитале хирург, осматривая остатки пальца, рассердился:

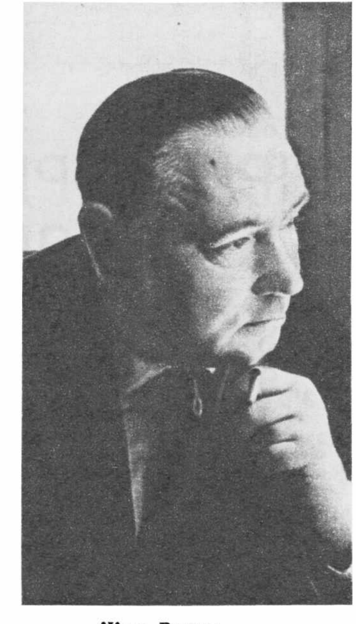
— И какой это дурак отнял вам палец не по фаланге?

— Так ведь я не медик,— обиделся Жан Грива,— да и дело было на бегу.

В дальнейшем выяснилось, что человек может прекрасно и девятью пальцами обойтись, а случай этот Грива рассказал мне из-за комического разговора с хирургом. И в этом весь он. О том, что ранение в ногу все годы постоянной болью напоминает о войне, рассказала жена его, Вия. После войны он вернулся с ней в Ригу, и она все еще сохраняет облик медсестрички из госпиталя.

Когда появились первые книги, первые деньги, Жан Грива ринулся в поездки — сначала по Советскому Союзу, потом и за рубеж. Туристом. Ветераном войны. Борцом за мир. Он много пишет о людях, с которыми встречался, о странах, в которых побывал. И книги эти стреляют, разят врагов его. А их у него немало. Столько, сколько на земле фашистов, предателей. Ох, не тих и не прост этот маленький столик под зеленой лампой, умещаются на нем поля сражений и форумы мира.

— Я люблю капитанов,— рассказал он в последний вечер наших разговоров в Булдури.— У меня много друзей среди них. Храбрый народ. Интернационалисты, потому что много плавают, видят и понимают жизнь разных народов. Некоторым из них я особенно благодарен за то, что, проходя мимо Испании, они стараются как можно ближе подойти к ее берегам. В саму Испанию меня франкисты не пускают. Много стран перевидел. Только вот на Испанию гляжу и гляжу с палуб кораблей. Но надеюсь, что строится такой корабль и подрастает такой капитан, который однажды все же отвезет меня в Испанию. Ведь настанет же такой день, когда больше никогда и никуда не пройдет фашизм!

Жан Грива.

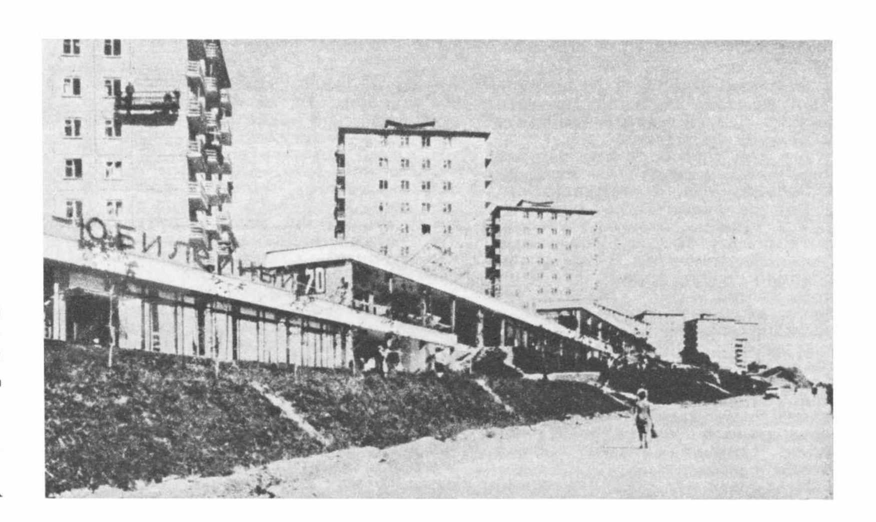
Фото В. Сальмре.

Ян Беникис и Жан Грива. Легально—на Международную выставку в Париже. Нелегально — в Испанию, защищать революцию... Июнь 1937 года.

«ОГОНЬКУ» СООБЩАЮТ

ПРИМОРЬЕ МЕНЯЕТ ОБЛИК

Можно ли, не выезжая из Москвы, побывать в новом жилом районе Владивостока? Тех, кому такая возможность не представляется вероятной, мы приглашаем в мастерскую № 1 ЦНИИП Градостроительства... У входа тут висит генеральный план Северного района Владивостока, в коридорах, вдоль стен,— проекты микрорайонов, фотографии уже построенных зданий, а в светлой комнате, на столе,— словно игрушечный, городок, в котором от серебристой ленты реки разбегаются белоснежные кубики зданий. Это макет нового жилого массива Владивостока — района Второй Речки, выросшего на северной окраине города. Главный архитектор проекта заслуженный архитектор РСФСР Татьяна Николаевна Дружинина рассказывает:

— В 1960 году Владивостоку исполнилось сто лет. В том же году было принято решение о реконструкции и благоустройстве города. Проектирование района, расположенного на берегу Амурского залива, было поручено специально созданной мастерской. Я руководила этой мастерской, и вместе с группой сотрудников мы выехали во Владивосток. Место, где должен был вырасти новый район, нам понравилось. Долина небольшой реки, подступающие к ней синефиолетовые сопки, причудливо изрезанная линия Амурского залива. Тогда же зародилась идея искать такие архитектурно-пространственные решения, которые не заслоняли бы, а, наоборот, подчеркивали живописность ландшафта.

Нам пришлось немало поработать, приспосабливая типовые проекты к конкретным условиям района. Надо было считаться с капризным климатом дальневосточного Приморья. С ноября до середины марта тут стоят морозы, дуют суровые штормовые ветры, а летом, особенно во второй половине, часты ливни и тайфуны. Поэтому мы старались ставить дома по меридиану, глухими торцами на север. В тех же случаях, когда это было невозможно, возводились такие дома, в которых на север выходит только одна комната в квартире, а балконы обращены на юг. Много хлопот доставил нам рельеф. Строительство велось на сопках. В связи с этим в мастерской были разработаны дома ступенчатого типа и дома с дополнительным этажом, который образуется из-за перепада рельефа.

Своеобразно решалась проблема создания торгового и общественного центра для микрорайонов. Так как улицы здесь словно вбегают в гору, мы старались по возможности сокращать путь жителей от дома до магазина или остановки транспорта.

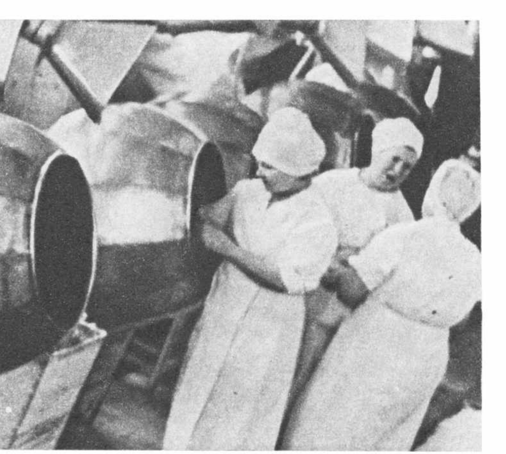
Чтобы застройка не выглядела однообразно, архитекторы стремились сочетать здания разной этажности и протяженности, широко применять различные типы балконов, входов. Вместе с главным архитектором Владивостока Ю. А. Траутманом и местными художниками были созданы декоративные панно на торцах жилых и общественных зданий.

Проект застройки района Второй Речки экспонировался на ВДНХ, где ему были присуждены золотая, серебряная и четыре бронзовых медали.

Л. ГОРОВА

На снимке: проспект Столетия Владивостока.

В СОТНИ АДРЕСОВ

Опять телеграмма. Откуда только люди узнают? Ну да, снова несчастье. «Сын. Единственный. Институт окончил. Первый день на работе. Тяжелые ожоги. Только ваше чудесное масло может ему помочь».

Это из Душанбе. Пишут отовсюду. «И отказать нельзя,— думает директор витаминного завода Мария Михайловна Жильцова.— Что ж, надо спасать парня...» Вот пишут — чудесное облепиховое масло. Оно и впрямь чудодейственно. Незаменимо при язвенных болезнях желудка, при обморожениях, сильных ожогах. Причем сфера его применения исследована еще далеко не полностью...

...Страда начинается в сентябре. Тогда сотни людей идут в заросли кустарника на берегах Катуни, собирают желтоватую ягоду, плотно облепившую веточки (за что, вероятно, и получила свое имя). С прошлого года кустарник культивируется в специальном совхозе «Сибирский». Собранная ягода идет на витаминный завод, где из нее добывается облепиховое масло. Кроме этого, завод ежегодно выпускает 900 тонн широко известных поливитаминов. Но славится он все же маслом, которое спасло уже не одну сотню жизней. Единственный в своем роде завод отправляет свою продукцию в сотни адресов.

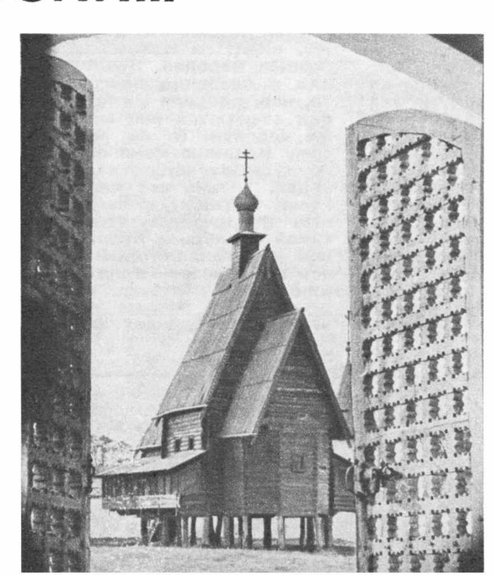
Ю. ЛУШИН

Алтайский край.

На снимке: витаминный завод. Цех витаминов.

Фото автора.

ЗВОНКАЯ ПАМЯТЬ РОССИИ...

Небольшой катерок отходит от костромской пристани едва ли не каждые полчаса. Весь его рейс— поперек реки — к бывшему Ипатьевскому монастырю, к нынешнему костромскому заповеднику. Тут создается музей русских деревянных построек. Обширная территория отведена изумительным произведениям русских мастеров, которые с помощью одного лишь топора возводили хоромы, редкие по красоте и самобытности. Сюда, напротив Костромы, уже привезен дом крестьянина Ершова — он жил когда-то в Межевском районе. Две деревянные мельницы — ветряную и водяную — историки и краеведы нашли за много километров от Костромы, а мастерски срàботанный овин обнаружился буквально под боком.

Среди экспонатов музея древнерусского деревянного зодчества — три церкви шестнадцатого, семнадцатого и восемнадцатого веков. И хотя до завершения комплектации архитектурно-этнографического музея еще не менее трех-четырех лет, уже сейчас сюда приезжают туристы со всех концов страны — полюбоваться стариной, посмотреть на постройки, равных которым, может, нет нигде. Тут уже побывали тысячи посетителей.

К. БАРЫКИН

На снимке: в музее деревянного зодчества.

Фото автора.

Н. ПРОЖОГИН

Где-то в просторах Атлантики плывет необычное судно из папируса, названное по имени древнеегипетского бога солнца «Ра». Быть может, в этот миг над ним пролетает спутник, запущенный в небо с помощью двигателей, открывающих людям путь в космос. А «Ра» плывет, повинуясь ветрам и океанским течениям, как могло бы плыть пять тысячелетий назад одно из тех судов, послуживших ему прообразом, изображения которых высечены на стенах храмов в долине Нила. Могло бы? Проверить, доказать это решил отважный норвежец — путешественник, исследователь, писатель Тур Хейердал.

Мне посчастливилось побывать у Тура Хейердала дома накануне его путешествия. О том, что Тур Хейердал живет в Италии, на Лигурийском побережье, неподалеку от маленького курортного местечка Лайгуэлья, я узнал еще в прошлом году.

На пороге старинного двухэтажного дома, увитого чайными розами, меня встретил хозяин. Высокого роста, худощавый. Тонкие губы, чуть прищуренные глаза, высокий лоб, серьезное выражение лица. Никаких признаков предотъездной спешки и вообще никаких внешних проявлений чувств, что в этой стране экспансивных людей сразу выдавало в нем северянина. Говорит Тур Хейердал медленно и серьезно. Но прямые, без обиняков фразы звучат так естественно, что за ними сразу узнается человек открытой души.

— Мои дочери еще не вернулись из школы. Посмотрите до обеда нашу деревню. Она того стоит.

Тур Хейердал выходит со мной за ворота. Вместе с членами семьи Хейердала население деревни насчитывает всего 27 душ. Бродя по узеньким, застроенным средневековыми домиками улочкам, которые то и дело переходят в ступени лестниц, я встретил лишь двух старичков.

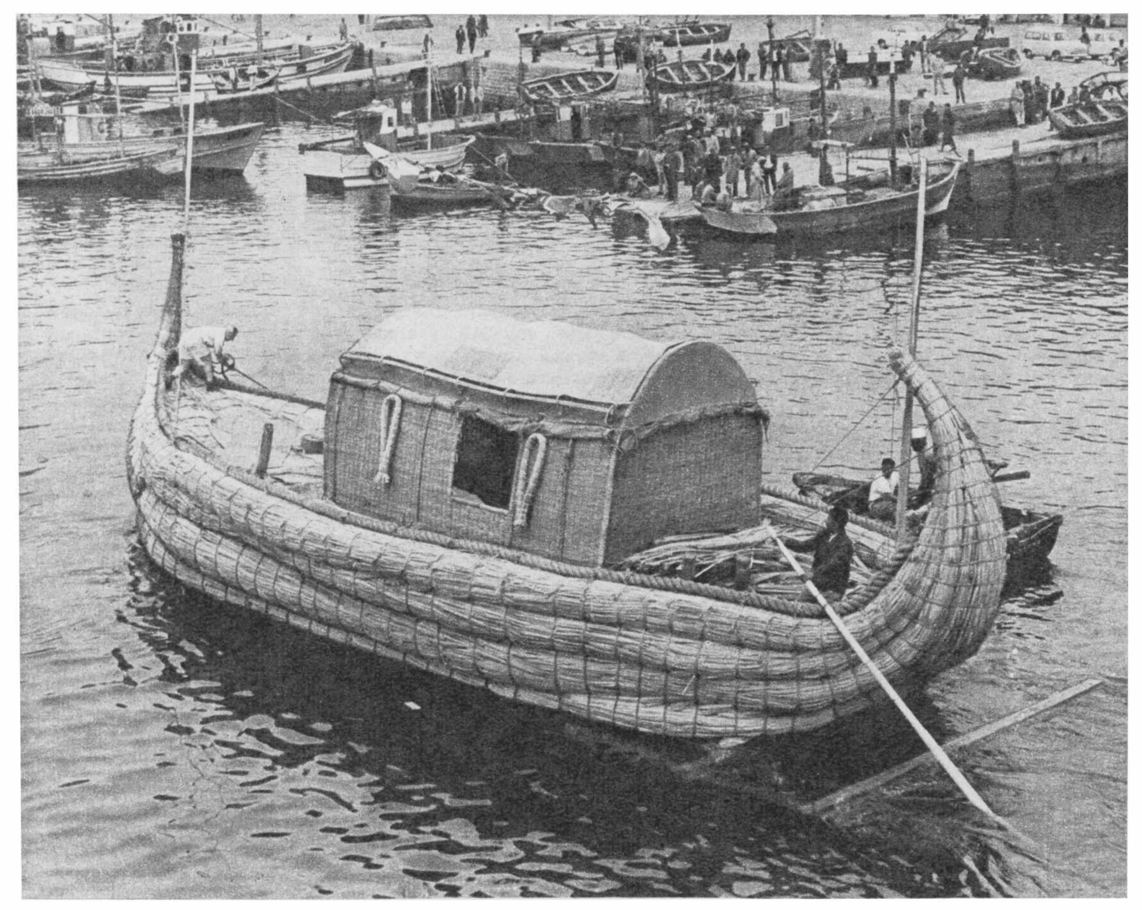
Тишина. Только ветер со скрипом раскачивает зонтики средиземноморских сосен — пиний, разнося аромат хвои. И вот в этом-то пустынном уголке поселился такой неугомонный путешественник!

— Незадолго до второй мировой войны,— говорит Тур Хейердал,— я отправился с моей первой женой на один из самых отдаленных островов Тихого океана. Он называется Фату-Хива и входит в состав Маркизского архипелага. В то время в глазах всех своих друзей я был не больше, чем занятным фантазером.

До войны в научном мире никто не сомневался в том, что заселение Полинезии произошло с запада, из Азии. И вот, просиживая долгие часы на пляже Фату-Хива, я убедился, что течения и ветры постоянно приходят туда с востока, и тогда же подумал, что древним народам, если бы они шли с противоположной стороны, было бы невозможно преодолеть эти встречные препятствия. Значит, они пришли с востока, из Перу? Но тогда каким образом им удалось перемахнуть расстояние в 60° долготы, отделяющее американский континент от Полинезии?

На эти и многие другие возникавшие вопросы я тогда не имел никакого ответа. И обо всем этом я вспоминаю сейчас лишь для того, чтобы сказать, что моя первая поездка на Тихий океан не была капризом. Это был первый этап долгого пути наблюдений, рассуждений, выкладок, которые легли в основу всей моей последующей работы, ставшей для меня смыслом жизни.

Первые свои заметки я опуб-

«Ра» выходит в море.

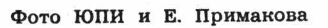
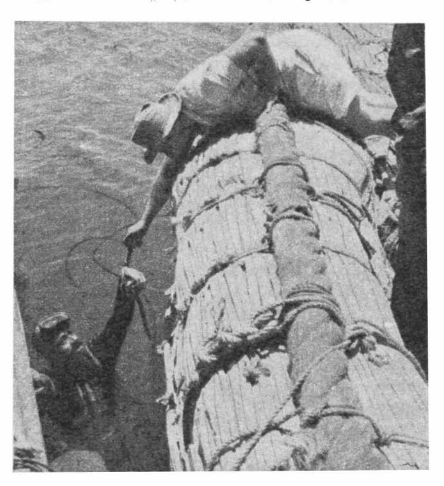

Фото ЮПИ и Е. Примакова

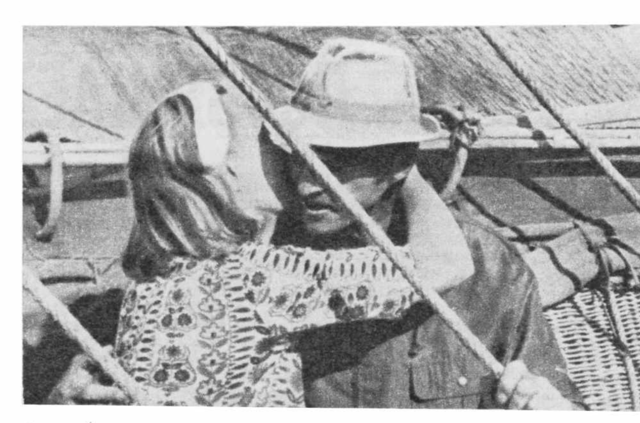
Первый отрезок пути, от египетских пирамид до морских вод, «Ра» проделал по суше.

Последняя проверка перед дальней дорогой.

В Марокко, по обычаю, «Ра» крестили молоком.

Тур Хейердал прощается с женой.

„РА" плывет за солнцем

ликовал накануне войны. Затем в работе наступил вынужденный перерыв. На четыре года я отложил в сторону занятия археологией и этнографией, чтобы принять участие в движении Сопротивления. Но ни война, ни гитлеровская оккупация не могли заставить меня забыть о науке.

После окончания войны я завершил работу, которая называлась «Полинезия и Америка. Очерк связей в доисторическую эпоху». Экспедиция, которая потом получила название «Кон-Тики», была для меня предрешена. Но это было только начало...

Точно так же мне всегда,— продолжает Тур Хейердал,— казалось странным, что индийские цивилизации в Америке достигли своего наивысшего расцвета не на Юге и не на Севере, а в центральной части континента, где условия для этого, казалось бы, наименее благоприятны. Но именно сюда ведут от берегов Северной Африки океанские течения и господствующие направления ветров. Этот путь мы и хотим теперь испытать теми навигационными средствами, которыми обладали древние египтяне.

Я понимаю, что само по себе плавание «Ра» еще ничего не докажет. Но, знаете, мне давно хотелось бросить камень в застойное болото предрассудков,— неожиданно загорается Тур Хейердал.— По состоянию науки на сегодня аргументы сторонников и противников доколумбовых связей между Старым и Новым светом кажутся в равной степени вескими. Беда, однако, заключается в том, что никто этими проблемами серьезно не занимался. Ученые стали слишком узкими специалистами. Египтологи превосходно знают Древний Египет, а специалисты по индейским цивилизациям — доколумбову Америку. Если плавание «Ра» покажет возможность пересечения Атлантического океана папирусным судном, подобным тому, какие строили древние египтяне, я надеюсь, что это подтолкнет и тех и других по-новому взглянуть на вопрос о происхождении доколумбовых цивилизаций в Америке. За несколько месяцев плавания вопрос этот, конечно, не решишь. Работы впереди непочатый край...

Я уже начинаю беспокоиться за то, что по моей вине обед затянулся. Но тут Тур Хейердал отвлекается от целиком, казалось, поглотившей его темы.

— А вы знаете,— говорит он,— что это легкое красное вино, которое мы пьем, русского происхождения, хотя виноград и созрел в Италии. Несколько лет назад один винодел из-под Ростова прислал мне три черенка. Они отлично здесь прижились.

И снова о «Ра»:

— Самыми большими скептиками в отношении мореходных качеств судна из папируса вначале оказались два специалиста: шведский историк и теоретик судостроения и египтянин — знаток древнего мира. Учитывая мнение последнего, в ОАР даже не хотели давать разрешения на строительство «Ра» у подножия пирамид. «Что же, потом нас будут считать соучастниками вашего самоубийства»,— полушутя, полусерьезно говорили мне. Но в конечном счете все благополучно разрешилось. И даже скептики, увидев технику, примененную тремя африканцами с озера Чад при строительстве «Ра», изменили свое первоначальное мнение.

С большой теплотой отзывался Тур Хейердал о членах своего интернационального экипажа.

— Я считаю,— сказал Тур Хейердал,— что интернациональный состав нашего экипажа полностью соответствует целям и идеям этой экспедиции, которая должна служить одновременно и науке и делу мира на земле. Слишком долго людям внушали, что народы и расы разъединены, разобщены, даже непримиримо враждебны друг другу. Думаю, что и в далеком прошлом человечество объединяло гораздо большее, чем мы предполагаем...

Лайгуэлья — Рим. Май.

УВАЖЕНИЕ К СТАРИНЕ

М. АЛПАТОВ,
действительный член Академии художеств СССР

Сейчас, когда советские люди все с большим интересом относятся к памятникам нашей старины, появление картин молодого художника Виктора Астальцева особенно своевременно. Я помню его еще на студенческой скамье Суриковского института, жадно ловившего каждое слово об искусстве Древней Руси. По окончании института на протяжении ряда лет он, верный своей первой любви и привязанности, написал серию этюдов и картин на тему архитектурные памятники Древней Руси.

В работах В. Астальцева можно всегда уловить портретное сходство этих древних зданий: мы узнаем силуэт Василия Блаженного, коломенские постройки, Даниловский монастырь в Переславле и ряд других. Но, как художник-живописец, он не стремится к фотографической, чертежной точности передачи архитектуры. Его цель — дать почувствовать, как живут эти памятники среди русского пейзажа, показать зрителю, что они составляют неотделимую часть нашей родной страны. Вот самый убедительный способ внушить зрителям уважение к драгоценным остаткам старины, пробудить любовь к ней, дать почувствовать нашу ответственность перед созданиями предков.

В. Астальцев любит широкое живописное письмо, сдержанный колорит, наиболее пригодный для передачи серебристой русской зимки. В манере его письма угадывается художник, способный в искусстве театральной декорации (недаром он окончил декоративный факультет Художественного института).

Живописец не только любуется и восхищается красотой старины. Он и размышляет по поводу нее. Надвратный шатер древнего Карельского монастыря, занесенный судьбой в заповедник в Коломенском, наводит Астальцева на мысль изобразить крепостной ансамбль, в который входил шатер, как он сливался с крепостными деревянными стенами. В пейзаже «Ели. Южный Урал», особенно тонком в красочном отношении, В. Астальцев так остро почувствовал красоту стройных, вытянутых к небу деревьев, будто хотел нам внушить, что там, где русский человек не успел возвести своих шатровых башен, сама природа произвела на свет нечто столь же прекрасное, как наша архитектура.

Выставка картин В. Астальцева в Историческом музее впервые познакомила общественность Москвы с творчеством этого художника. Множество зрителей с разных концов нашей страны, а также из-за рубежа побывали на ней и с благодарностью отозвались о его работах.

ЛЕНИНУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Кто знает, сколько советских музыкальных произведений различного жанра посвящено В. И. Ленину? Даже самые эрудированные музыковеды вряд ли возьмут на себя смелость ответить на этот вопрос. В самой большой библиотеке вы не найдете исчерпывающего каталога. Тем более неожиданно увидеть такой систематизированный список. Составитель его — преподаватель военно-дирижерского факультета при Московской консерватории полковник Христофор Михайлович Хаханян. Справочник не является рекомендательным, а лишь примерным, ни в коем случае не претендующим на полноту охвата огромного фонда музыкальной Ленинианы.

Перелистаем страницы... Первый раздел самый большой: сборники песен и отдельные вокальные произведения — семьдесят пять песен различного исполнения. Расположены они строго по алфавиту — от киргизского композитора Мукаша Абдраева до эстонского композитора Густава Эрнесакса. Тут же популярные в народе песни Анатолия Новикова «Застава Ильича», «Спускается солнце на волжский откос» Б. А. Александрова, песни Серафима Туликова, Александра Долуханяна.

Во втором разделе собраны кантаты, оратории, поэмы, былины... Всем известная кантата «Ленинцы» Дмитрия Кабалевского, «Патетическая оратория» Георгия Свиридова, «Дума про Ильича» К. И. Массалитинова, симфоническая поэма для басакантанте, мужского хора и оркестра «Былина про Ленина» Г. Н. Попова — всего тридцать сочинений.

В третьем разделе — «Оперы и симфонии». Тут и Д. Шостакович, и Д. Гаджиев, и В. Мурадели...

— Около ста пятидесяти произведений, посвященных Владимиру Ильичу, включает наш справочник,— говорит Хаханян.— Сначала мы подбирали музыку только для духового оркестра. Оказалось, что ее не так уж много. Тогда стали включать и другие произведения. Пришлось покопаться в разных библиотеках, изучить десятки сборников, какие только выпускались в нашей стране Музгизом, издательствами «Музыка», «Советский композитор», Воениздатом, республиканскими издательствами и журналами. В наш список не включены сокровища народного искусства, а они поистине неисчерпаемы.

На факультете систематизированы и произведения, которые любил слушать В. И. Ленин.

Г. ВЛАДИМИРОВА

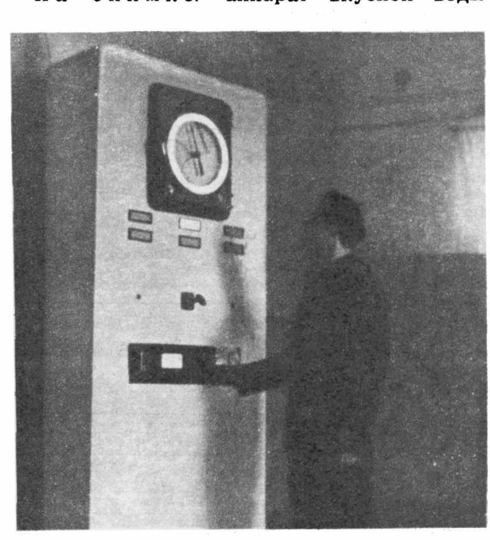
ВОДА БУДЕТ ВКУСНЕЕ

Все мы пьем воду. Но далеко не всегда нас удовлетворяют вкусовые качества напитка жизни. Дело тут в хлоре. Он верно служит нам, обезвреживая воду. А дозировать его нелегко. Каждые 15 минут специальная служба хлорирования производит анализы. И все же в зависимости от температуры, состава воды и других причин содержание хлора в системе водоснабжения колеблется. Потому и появляется порой едва ощутимый привкус или запах. Не страшно, но не каждому приятно.

Теперь этого не будет. О том, чтобы сделать воду вкуснее, заботится установка, которую придумали и сконструировали сотрудники отдела автоматики и телемеханики киевского института коммунального хозяйства кандидат технических наук Игорь Еремеев и инженер Стефан Караяннис. Транзисторные элементы и магниты с большой точностью регулируют процесс хлорирования, определяют, сколько нужно подать хлора, чтобы вода и обезвредилась и сохранила свой естественный букет. Такой аппарат подключен к водопроводу в Севастополе и работает отлично. Ему предсказывают большое будущее: от вкусной воды не откажется ни один город.

А. СТАСЬ,
корреспондент «Огонька»

На снимке: аппарат вкусной воды

ВЕЧНОЗЕЛЕНЫЕ. ОЛИВКОВЫЕ

Край нефти издавна славился и другим богатством — маслинами. Обширные масличные плантации Азербайджана много-много лет назад, задолго до установления Советской власти в республике, были сожжены иноземными захватчиками. Но и сегодня встретишь тут оливковое дерево в возрасте свыше 200 лет. Сейчас республика стала основной масличной базой Советского Союза.

Маслиноводством у нас занимаются четыре совхоза, под масличными насаждениями занято более 733 гектаров, а в перспективном плане предусмотрено засадить 3 тысячи гектаров.

Улицы, скверы и парки города Баку украшают около 200 тысяч вечнозеленых оливковых деревьев. Они дают урожай. Подсчитано, что доход от этого урожая целиком окупает все расходы на озеленение столицы республики.

Как известно, оливки богаты белками, пектином, витаминами В, С, провитамином А. Во многих странах экстракт оливковых листьев рекомендуется врачами как мочегонное средство, при радикулитах, ревматизме. Оливковое масло усваивается организмом человека лучше всех растительных масел (до 99,3%), оно благоприятно действует на пищеварительные органы, применяется при гипертонии и желудочных заболеваниях. Его используют и для приготовления высококачественных рыбных консервов.

Питательные консервы из маслин сухого посола, в рассоле со специями, оливок, начиненных миндалем, чесноком, красным сладким перцем, лимоном, вырабатываются нашим заводом. Продукция из Баку отправляется в 44 крупных города Советского Союза и в некоторые социалистические страны.

В ближайшее время завод будет реконструирован, тут построят цеха с новейшим оборудованием.

Мансур РАСУЛОВ,
директор Маштагинского консервного завода

В. **Астальцев.** ДАНИЛОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ В ПЕРЕСЛАВЛЕ-ЗАЛЕССКОМ.

ПРОЕЗДНАЯ БАШНЯ.
XVII век.

Государственный исторический музей.

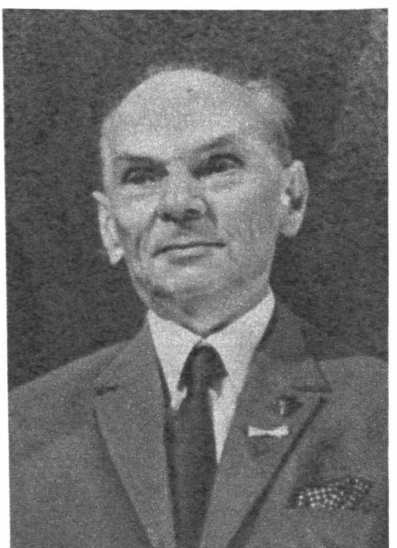
В. Астальцев. НИКОЛО-КАРЕЛЬСКИЙ МОНАСТЫРЬ. КРЕПОСТЬ XVII века.

ЮЖНЫЙ УРАЛ. ЕЛИ.

Мы печатаем одно из последних выступлений замечательного режиссера и художника Николая Павловича Акимова. В нем, приветствуя поиски истинного новаторства, необходимые для движения искусства вперед, Акимов резко осуждает режиссеров, которые, не разбираясь в средствах, стремятся к дешевой сенсации. Яркий, очень своеобразный художник, Акимов и в своей театральной и в педагогической практике приходит к бесспорному выводу: «Именно реализм... дает питательные соки».

Выступление это — доклад Н. П. Акимова на секции театральных художников Ленинградского отделения Всероссийского театрального общества весной 1968 года. Мы перепечатываем его из журнала «Театральная жизнь» (№ 11 1969 год), где он дан с незначительными сокращениями.

Я — закоренелый реалист

Сегодня интересно было бы поговорить об общей принципиальной тенденции развития нашего искусства оформления спектакля, тем более, что в этой области сейчас есть о чем поговорить.

Лет пятнадцать назад... опасение формализма загнало всякую работу в сфере оформления спектакля в документальный натурализм, что привело к большой скуке, унынию, однообразию в этом виде искусства. Мы могли заметить на обзорных выставках за 50 лет, что за 20—30-е годы есть очень много хороших материалов. Потом... работ много, а выставлять, по сути, нечего, все они похожи друг на друга, все одинаковы.

Примерно после XX съезда партии и в декорационном искусстве началось оживление. Но на сегодня, мне кажется, существуют две опасности. Одна опасность старая — это возвращение к унылому документализму, когда режиссер и художник оформляют спектакль так: есть пьеса, в пьесе ремарки, эпоха известна, и начинается вялое сочинение чего-то на основании этих авторских указаний. И другая, противоположная опасность — это то абстрагирование декораций от эпохи, от автора, от всего на свете, которое наблюдается у ряда молодых режиссеров. В некоторых московских спектаклях такие опыты можно наблюдать.

Мне кажется, что в самых сложных и запутанных эстетических вопросах... время от времени необходимо возвращаться к первоистокам рассуждений.

Я видел как-то в Москве, в Театре имени Ленинского комсомола, когда там работал молодой театральный режиссер Эфрос, «Снимается кино...» Э. Радзинского... Если в пьесе не все до конца ясно, то все-таки достаточно много понятно и можно с интересом следить за развитием действия. Вместе с тем решение спектакля чем только может мешает этому интересу.

В этой пьесе по ходу действия события происходят на квартире у кинорежиссера, на киностудии и в доме у девушки, в которую этот режиссер влюбился. Может быть, это и не замысловатые для оформления места действия. Но все же чрезвычайно важно точно понять, где происходит та или иная сцена спектакля.

Помню такой эпизод. Вся сцена заставлена старыми, амортизированными на киностудии прожекторами, имеется железная лестница, почти вертикальная, направленная в артистическую ложу. Занавеса нет (элементарное требование «хорошего тона», чтобы занавеса не было). И постоянно выходят люди, что-то говорят. У меня лично половина внимания в начале каждой сцены уходила на то, чтобы догадаться, где это происходит: на киностудии, дома у режиссера... Скажем, когда перед этими осветительными приборами, которыми завалена сцена, ставилась кровать и на ней лежал режиссер, я думал, что действие происходит, наверное, у него дома. Когда выставлялись перед теми же осветительными приборами четыре стула, то было трудно догадаться, что это обозначало дом девушки, в которую влюблен кинорежиссер. Я глубоко убежден, что если бы зрителю каждый раз сразу было понятно, где происходит действие, то спектакль воспринимался бы с бо́льшим вниманием.

Но отсутствие возможности привлечь внимание к ходу действия компенсировалось другим — какими-то резкими переходами на всеобщую истерику на сцене, на выхватывание прожекторами то одного персонажа, то другого. Таким образом, нельзя сказать, чтобы на сцене было скучно. Это было тревожное и малопонятное событие.

В наше время, может быть, как реакция против прошлых уж слишком скучных и монотонных лет в искусстве, в широкой театральной публике, в частности у молодежи, развилось одно характерное свойство, а именно: огульное приветствие всего непонятного, если оно кажется свежим, и абсолютная невозможность признаться, что ты ничего не понимаешь. Между прочим, явление это общечеловеческое. Я лично наблюдал его очень давно. Застал я его еще на заре своей деятельности во Втором МХАТе, в котором царили мистики и теософы. Причем это засилье теософов во главе с замечательным актером и главным теософом М. А. Чеховым устанавливало внутри театра некий стиль поведения, из которого выпасть было боязно и опасно. Для молодого актера взять и сказать честно: «Я ничего не понимаю, о чем говорят»,— значило подписать себе увольнение. Во всяком случае, люди, которые там руководили и царили, внедряли этот стиль, который заключался в том, что «мы с вами понимаем что-то, что другим непонятно, поэтому нам доступны такие нюансы, которые простым смертным не постичь...».

Почему я об этом вспоминаю? Потому, что сейчас в некоторых театрах, немного, правда, на другой основе, но происходит чрезвычайно много похожего.

В Ленинграде недавно умерла одна очень старая актриса и режиссер Н. Н. Бромлей, которая была одной из основоположниц этого теософского течения во Втором МХАТе. Мне было двадцать четыре года, когда меня пригласили оформить спектакль на основе иллюстраций, которые я помещал в издательстве Academia.

Надо отдать справедливость, что в те годы театры жадно выискивали художественные индивидуальности на основе впечатлений от рисунков, живописи и т. д. Не было ремесленнического подхода: числишься в штате театра — давай делай спектакль. Старались для каждого спектакля найти подходящего художника, заказывали оформление, декорации спектакля то Кардовскому, то Петрову-Водкину, то есть даже не театральным художникам.

Руководству Второго МХАТа понравились мои иллюстрации. Я приехал туда, познакомился с труппой. Ко мне подошла очень величественная дама. «Бромлей!» — назвалась и императивным тоном задала вопрос:

— Вы сатанист?

Сказать «да» как-то немного обидно, сказать «нет» — грубо. И я после небольшой паузы сказал:

— В известной мере...

...Об этом я вспомнил в прошлом и позапрошлом годах в Париже, когда бывал в буржуазных домах (а я там бывал и в буржуазных домах) и видел абстрактную живопись на стенах. Знакомясь с хозяйкой, я понимал, что она по своему художественному развитию не только до абстрактной живописи, но и до домика с трубой не доросла. Но мода есть мода. И вместе с модой на мебель, на то, на се, на окраску стен должна присутствовать в современном доме и абстрактная живопись. И хозяйка с гордостью водила меня по комнатам и показывала картины, которых она просто не могла понять, потому что для меня, всю жизнь посвятившего этой области, они были абсолютно недоступными. Но все делали вид, и она и гости, что это замечательно интересно. Была среди других и такая новаторская абстрактная картина — в нее были вклеены настоящие медные монеты. Никто раньше этого не делал. Монеты вклеены, торчат... На черный день можно отколупать.

Когда я смотрел спектакль «Снимается кино...», на котором тратил много времени и усилий для того, чтобы понять, о чем идет речь, что и как происходит и кто кому тетя, я видел, как молодые соседи мои восторженно хлопали. Даю голову на отсечение, что этот восторг не сопровождался никаким пониманием. Просто происходящее на сцене казалось им странным, удивительным, следовательно, смелым, следовательно, замечательным.

Этот способ художественного шантажа (а я бы так его назвал), то есть когда шантажируют боязнью — человек, объявляющий себя непонимающим, значит, отсталый,— достаточно мощное средство, с которым приходится встречаться довольно часто за последнее время.

Тот же режиссер Эфрос поставил два чеховских спектакля «Три сестры» и «Чайку», в которых огромное количество странностей заменяет такие примитивные достоинства, как логика, убежденность, образное решение, художественность. И вместе с тем у этих спектаклей находятся мощные защитники.

...Я видел много подобных спектаклей на Западе. И мне кажется, что если одной опасностью в наше время является унылый натурализм, то другой опасностью является этот обедненный схематизм, когда художнику и режиссеру ничего не надо. Делается от этого очень тоскливо...

Есть такой вид искусства — эстрада. С точки зрения театральной технологии, техники эстрада ничего не позволяет. Дай бог, чтобы на эстраде был приличный фон и твердый пол, а остальное актеры должны делать с тем, что они принесли в своих чемоданчиках. Платочек вынул, нос наклеил... Все остальное предоставляется зрительской фантазии. Но когда имеется такой сложный и большой механизм, как театр, где есть подъемы, люки, колосники, рабочие сцены, осветители, и когда в этих театральных помещениях ставятся спектакли эстрадного типа и вся машина театральной техники стоит неиспользованной, мне такое положение кажется неверным. Я по крайней мере свято верю в то, что театр — искусство синтетическое и в этот синтез входит и изобразительное искусство. У нас есть полная свобода пользоваться этим изобразительным искусством по своему желанию, любым его видом — живописью, графикой, скульптурой, архитектур, но пользоваться так, чтобы в итоге зрелищные впечатления входили в тот комплекс, который называется спектаклем.

Можно, конечно (все можно!), и без изобразительного искусства. Но мне кажется это очень обидным. Меня такая постановка вопроса абсолютно выключает как художника, как участника создания спектакля из общего дела.

Я преподаю в нашем Театральном институте, веду курс и заведую факультетом. И всячески борюсь с теми хитрыми студентами, которые для заданий выбирают произведения сцены, в которых им ничего не надо. Чрезвычайно удобен для этого Брехт. Я просто запретил его как тему работ, потому что драматургия Брехта в зерне своем содержит ту степень условности, которая помогает студентам вместо того, чтобы мучиться с перспективой, построением, с эпохой, просто взять красный кубик, поставить его на черный фон и сказать: мне больше ничего не надо, я так думаю, я так решаю и т. д. Причем в таком крайнем виде это явление довольно широко распространилось. И от этого в театре можно наблюдать общее обеднение зрительских впечатлений.

Я взял недавно одну работу — оформление спектакля, который делается в Театре имени Вахтангова,— «На всякого мудреца довольно простоты». Причем предупредил театр, что буду делать эту работу под лозунгом «Довольно простоты». Действительно, заготовили очень сложные декорации, достаточно хлопотливые для постановочной части.

Когда режиссер и художник берут для постановки классическую пьесу, то при правильном подходе к ней у них возникает масса интересных проблем: надо изучить эпоху, в которую пьеса создавалась и о которой она рассказывает, отобрать все, что нужно для этой пьесы, решить, а как именно сегодня этот исторический материал надо применить. Потому что для разных эпох театра одни и те же исторические источники могут быть по-разному применены. Причем открытие, казалось бы, известной уже нам эпохи всегда чрезвычайно волнующе и интересно...

Новый взгляд на старые источники необходим. Например, как интересно найти сегодня свежие, сегодняшние формы для отражения чеховского быта. Мне кажется, что оформить «Трех сестер» — тоже чрезвычайно интересная задача. Каким сегодня должно быть ви́дение художником этой пьесы? Последние постановки «Трех сестер» никак не удовлетворяют требования художника. Художники, оформлявшие их, как бы говорят: а мне наплевать на эпоху, на историю и географию. Это не Россия, это не XIX век, а это мое индивидуальное представление о том, как... одеть эту актрису. В московской постановке на сцене царят три березы с медными листьями. То есть режиссеру совершенно неинтересно проникнуть в исторический быт, историческую обстановку. Ему просто это не надо. Ему нужно какое-то новое мерило, иная эмоциональная трактовка действующих лиц. И костюмы и декорации никак не свидетельствуют о чеховской эпохе, никакого аромата эпохи нет.

Надо сказать, что это явление замечается не только в нашем театре. Движение за оскудение наблюдается в мировом театре...

На Западе сейчас существует довольно много странных течений. Но у меня есть такое подозрение, что их успех у зрителей основывается на этой самой боязни признаться, что ты не понимаешь разницы между резедой и левкоем. Зрители подобного рода держатся за то, что «мы тоже интеллигентные, мы тоже понимаем».

Мне пришлось на Западе много видеть спектаклей, в которых эта абстрактность, оторванность от всяких реалистических основ компенсируется обычно тем, что раньше называлось порнографией (сейчас это называется новаторством), то есть большой дозой какого-то совершенно необъяснимого похабства, на которое тоже не принято обижаться. Говорят, что это тоже очень интересно.

...Надо сказать, что этот экскурс на Запад и наблюдение некоторых спектаклей у нас както неожиданно укрепили мои симпатии к реализму. Меня много лет считали формалистом, космополитом, но теперь я понимаю, что я закоренелый реалист.

Недавно я имел счастье видеть один спектакль — это «Мистерия-Буфф» в Театре имени Ленсовета, который как доказательство от противного хорошо бы показать зрителю для укрепления позиций реалистического театра.

Надо сказать, что «Мистерию-Буфф» Маяковского... я ни за что не взялся бы ставить... Спектакль Театра имени Ленсовета поставлен очень сложными средствами. Он рассчитан режиссерски, как часы. Сложнейший спектакль с музыкой, танцами. Я даже удивлялся, как актеры могут запомнить, когда им надо выходить на сцену. Обычно этому содействует логика сцен: если меня застрелили, я не хожу, если меня зовут, я выхожу. А в этом сложном калейдоскопе бреда, который происходил на сцене, запомнить, что сейчас именно мой выход, а не чей-то другой, трудно. Но на сцене царила железная дисциплина. Причем в чем-то этот спектакль, очевидно, перекликался с мировой модой. В нем были применены вещи, мягко сказать, удивительные по вкусу. (Ставил этот спектакль очень модный московский режиссер Фоменко.)

Например, в этом спектакле в самом начале те действующие лица, которые у Маяковского называются нечистыми и являются представителями пролетариата, одеты в черное трико до шеи, клетчатые кепи, у них парики из мочалок, являются слугами просцениума и выносят все, что требуется по ходу действия.

В самом начале они выносят просто-таки странный предмет — деревянный щит, толстый, метров 5 шириной и 6—7 длиной. Это доска, в которой прорезаны круглые дырки на некотором расстоянии друг от друга. Щит с круглыми дырками — это уже рождает какие-то тревожные ассоциации. Они кладут его на два невысоких станочка, после чего лица, которые у Маяковского называются чистыми, взбираются на этот щит, и каждый садится на корточки на дыру...

Я понимаю, что классовая ненависть к богачам и угнетателям — чувство святое. Но такое средство ее выражения как-то мне не очень понравилось.

В спектакле много музыки: все время поют, танцуют. Одна музыка, другая... За роялем сидит человек — один из нечистых — в кепи, который одновременно и играет, и танцует, и все, что хотите.

На этом спектакле я раскрыл секрет, которым могу поделиться, как прослыть одаренным. Правда, я его не совсем перевел на профессию художника, но для режиссера и драматурга он с гарантией.

Надо сказать, что самое трудное в режиссерской работе и работе драматурга не начать спектакль, а завершить его и свести концы с концами. Бывает, что по ходу действия является тебе какая-то интересная фантазия, но потом говоришь: ну да — это хорошо, а что я с этим сделаю, потом это никак не оправдаешь, никак не объяснишь... Существует необходимость, чтобы в конце все сходилось к какому-то логическому результату.

Если вы себя раскрепощаете от обязанности, чтобы все было зрителям понятно, чтобы было ясно, что к чему и зачем, что это или то значит, и если вы поддаетесь в ходе работы каждому импульсу (вдруг вспомнили почему-то древних греков —гекзаметром заговорили, потом «яблочко» вспомнили — пропели «яблочко»...), можете прослыть одаренным. Спектакль «Мистерия-Буфф» в Театре имени Ленсовета весь был сделан именно так. К концу ничего нельзя было понять, что к чему, почему, зачем... Если высиживаешь первый акт не без труда, тем более в пустом зале (потому что нас, членов приемной комиссии, смотрящих его, было только 12 человек), где не было никаких реакций, изредка только раздавался раскатистый хохот (это режиссер хохотал), то во втором акте, сделанном в том же ключе, выясняешь, что смотреть все это дико скучно, несмотря на то, что люди от усердия кишки из себя вырывают. Это результат отсутствия логического стержня.

По-видимому, восприятие реалистического искусства (его никто научно не анализировал) состоит из многих вещей. Сначала идет со сцены информация, от всех цехов театра, и в первую очередь от драматурга и художника.

Допустим, вы пришли в театр и не успели купить программу спектакля — самое выгодное состояние свежего зрителя. Открывается занавес. Вы смотрите на сцену, и вам понятно: это, по-видимому, Россия, вот городовой стоит... Ясно. И всякий рисует для себя конкретные обстоятельства.

Дальше происходит следующее. В сюжетной пьесе, которую вы смотрите, вы успеваете не только воспринять то, что вам сообщают со сцены, но и делаете предположения о том, что будет дальше. Сравниваете свои предположения с тем, что происходит на самом деле, то есть идет очень сложная обменная информация между сценой и зрительным залом.

Все, о чем я так сложно говорю, называется в быту просто: меня это заинтересовало. Что это значит? Это значит, что я понял экспозицию, делаю свои прогнозы, радуюсь, если мои прогнозы оказались менее талантливыми, чем авторские; думал, что происходящее на сцене кончится так, а вон как придумано... Если никакой информации не поступило, если вы не понимаете, что происходит, то начинает клонить ко сну со страшной силой.

Все сказанное выше не снимает вопроса истинного новаторства. Наряду с этой шантаж-

ной мурой, с одной стороны, и старым хламом, с другой стороны, должно быть живое искусство, которое будет двигаться вперед, открывая новое.

Я, например, установил для себя внутренний железный закон, очень скромный — надо делать открытия по первому разу. Наша театральная деятельность переполнена открытиями по второму разу. Если взять Театр на Таганке в Москве, то он весь живет по этому принципу. Великий режиссер Мейерхольд оставил столько открытий, по-настоящему не подмеченных, не развитых, не обыгранных, что на несколько поколений вперед хватит для такой умеренной, тихой торговли этими открытиями. А эта торговля идет очень бойко, очень хорошо. И вот что получается: те, кто не видел спектаклей Мейерхольда, воспринимают эти «открытия» по первому разу. На хорошей памяти основаны многие режиссерские карьеры. Фантазия заменяется памятью. Выгодная вещь.

Вместе с тем надо все время помнить, что открытия по первому разу возможны. Никто их не отменял. Правда, делать их труднее. Иногда эти открытия бывают не так хлестки, не так звонки. Но все-таки желательнее всегда заниматься такими настоящими открытиями, чем оживлением воспоминаний.

Я думаю, что генеральная линия передового советского театра должна заключаться именно в том, чтобы не отрываться от реализма. Именно реализм и даже историзм дают питательные соки.

...Глубоко убежден, что у нас есть нетронутая целина в решении классики. Тот же Островский при настоящем изучении русского народного искусства и русского быта, купеческий Островский, может засверкать гораздо более трагично, чем мы видели. Фантазия театрального художника, если она правильно устремлена, должна обязательно подогреваться и питаться живыми источниками фактических материалов.

...Лично я никогда не брался за задачу заново сочинить какую-нибудь великую культуру. По-моему, это совершенно непосильная задача. Попробуйте изобрести свой древний Египет. Не выйдет. Он создавался миллионами людей и многими поколениями. Поэтому нет ничего зазорного в изучении материалов, в напитанности этими материалами. И надо приносить этот материал в театр и на потребу театру.

...Сейчас я приступил к одной большой работе: ставлю комедию Шекспира «Все хорошо, что хорошо кончается». Тут несколько другая сложность и трудность. Шекспир, как известно, допускает все. Ремарок в его пьесах или вообще нет, или самые краткие: в русильонском зале, зало в русильонском замке, зало в королевском дворце, в Париже. И вместе с тем, по-моему, постановка Шекспира, как никого другого, выявляет сегодня вкус театра, его одаренность и т. д. Во многих пьесах других авторов многое невольно вынуждает к тому, чтобы на сцене были скучные декорации. Надо показать итальянскую тюрьму. Ну что тут сделать? Или комната завхоза. Что вы хотите, чтобы тут было? А Шекспир, не предъявляя вроде бы никаких требований, ставит требования гигантские, то есть «я молчу, а вы проявите свой вкус».

Я глубоко убежден, что художник не может возобновить в точности шекспировскую постановку через много лет, ибо меняется вкус. Я дважды в одном и том же театре ставил «Двенадцатую ночь» Шекспира. Для спектакля, поставленного в 1963 году, я ничего не взял из своего первого спектакля. И очень рад этому, потому что второй спектакль получился совершенно другим, вплоть до костюмов. Просто за эти 20 лет многое изменилось и вкусы стали другими.

И сейчас, когда я стою перед фактом, что Шекспир ничего не требует (хоть выноси палку с надписью «Париж»), мне бы хотелось сегодня видеть спектакль, в котором соблюдался бы колорит эпохи и страны. Потому что если действие происходит во Франции, то для элементарно интеллигентного художника не все равно, Франция это, Англия или Италия. Но что из задуманного получится, сказать трудно. Потому что начинать работу всегда страшно, трудно и волнуешься, получится она или нет.

ОДИН ШАНС ИЗ ТЫСЯЧИ

Не такое простое дело — приключенческий фильм. И поэтому не станем требовать с пристрастием от сценаристов Л. Кочаряна, А. Макарова и А. Тарковского подлинных документов о том, что аналогичные события происходили в Крыму во времена фашистского нашествия. С головокружительной быстротой несутся по шоссе участники импровизированной велогонки — эсэсовцы. А наши замаскированные солдаты в это время с акробатической ловкостью сбрасывают в пропасть немецкий патруль. И вот уже кортеж гонщиков летит в морскую пучину, увлекаемый туда велочемпионом, переодетым советским партизаном.

Сюжет фильма «Один шанс из тысячи» весь в самом названии. И этот единственный шанс группой бесстрашных десантников, попавших в самое логово врага, выигран. Выиграл свой шанс и режиссер Леон Кочарян, которому удается полтора часа продержать зрителей в постоянном, ни на минуту не спадающем напряженном внимании к происходящему на экране. А главное, удается вызвать редкий эффект соучастия зрителей во всех замыслах героев, искреннее волнение от острейших столкновений с врагом.

В фильме снимались вместе с профессиональными артистами А. Солоницыным, Жанной Прохоренко, Н. Гринько, Ю. Прокоповичем и другими отличные наши спортсмены; особенно запоминается О. Савосин — ученый и мастер спорта, который создал интересный образ немецкого офицера.

Фильм создан на Одесской киностудии; в нем хорошо использованы морские пейзажи, показаны удаль и бесстрашие моряков, их находчивость и непоколебимая вера в победу.

Н. ЗЫБИНА

На снимке: кадр из фильма.

ПЛЕНИТЕЛЬНАЯ АКТРИСА

Громадные цифры «60» и «40» висели над сценой. Зал аплодировал. А юбилярша, стройная, элегантная, поистине молодая, стояла среди цветов, и невозможно было представить, что цифры эти счет годам жизни и творчества Ольги Николаевны Власовой.

При этом имени знатоки и любители оперетты начинают улыбаться:

— Да это же пленительная актриса! Каскад веселья! Она и постоянный ее партнер Игнатий Гедройц в течение многих лет были так популярны, что по Москве ходила шутка:

«Ни один концерт не строится
Без Власовой и Гедройца».

Дебютировала Власова в Московском театре оперетты в «Черном амулете» Б. Стрельникова.

— Я дублировала Клавдию Михайловну Новикову. Со второй репетиции меня зачислили в труппу. С тех пор мне посчастливилось играть с необычайно талантливыми мастерами — Володиным, Яроном, Хенкиным, Бравиным; имена эти — эпоха в советской оперетте.

Любимые мои роли — Парася в «Сорочинской ярмарке» Рябова, мадам Этуаль в «Воздушном замке» Фельцмана. Люблю играть женщин Востока. С наслаждением исполняла роль тетушки Кэто в «Золотой долине» И. Дунаевского. Переиграла весь классический репертуар, а теперь заново вживаюсь в него; когда-то в «Фиалке Монмартра» Кальмана пела Нинон, сейчас готовлю роль консьержки — мадам Арну. Это в театре.

А с моими учениками в ГИТИСе работаю над классикой в ином амплуа: ставлю оперетту Оффенбаха «Синяя борода». Этот спектакль мы посвящаем 150-летию со дня рождения композитора.

Г. СМЕТАНИНА

Аркадий ВАЙНЕР,

Георгий ВАЙНЕР

РОМАН В ДОКУМЕНТАХ

Рисунки В. КАРАСЕВА.

ЛИСТ ДЕЛА 73.

Я сразу же позвонил в центральную билетную кассу:

— Скажите, на железнодорожной станции Олайне останавливаются поезда дальнего следования, идущие во Львов?

В трубке на мгновение раздался шорох и сухое потрескивание, затем девушка там, далеко, на другом конце провода, почему-то вздохнув, сказала:

— Да. По вторникам, четвергам и субботам в 21-15 останавливается поезд № 12, идущий во Львов.

Я заглянул в календарь: 18 сентября был четверг. Сегодня — суббота. Надо ехать в Олайне, а оттуда, по-видимому, во Львов. В Риге мне больше делать нечего. Здесь я опоздал. Надо успеть хотя бы во Львов.

Я отправил телеграмму начальству — попросил выслать деньги во Львов, у меня уже почти ничего не осталось. Следователя Круминя я попросил пересылать мою почту в Львовскую милицию.

— Может быть, придет письмо из Гагры. Не потеряйте, пожалуйста,— сказал я ему.

— Как можно! Если будет, сразу отправлю авиапочтой...

Я заехал в гостиницу, собрал вещи, заплатил по счету, поднялся в номер и присел на свой маленький чемоданчик — на дорогу. Мне нужна была удача. Вроде бы все.

Я встал, подошел к двери, но все-таки вернулся и быстро набрал номер.

— Элга? Здравствуйте, это я. Д-да. И до свидания. Я уезжаю во Львов. Пока ничего. Ну, ладно. Спасибо вам за все. Я буду вас очень долго помнить.— И, не дожидаясь ответа, аккуратно положил трубку на рычаг.

Я вышел из комнаты, бегом спустился по лестнице и сказал себе: «Это тоже этап жизни. И он пройден навсегда».

У подъезда гостиницы разбитная старушонка, лихо покрутив вертушку с лотерейными билетами, предложила:

— Купите билетик. Поставите 30 копеек, а выиграть можете «Волгу» за шесть тысяч...

— Я в азартные игры не играю.— Сел в машину и помчался в Олайне.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
Ядвиги СТАСЮНЕНЕ

...По существу заданных мне вопросов могу показать следующее:

Я работаю старшим билетным кассиром станции Олайне по 12 часов в смену через день. В частности, я работала с 20 часов 18 сентября сего года до 8 часов утра 19 сентября. В 21 час 15 мин. по четным дням на нашей станции останавливается на две минуты пассажирский поезд № 12, следующий на Львов.

Осмотрев кассовую ведомость по продаже билетов на поезда дальнего следования, могу заявить, что 18 сентября на поезд № 12 были проданы 5 билетов до Львова: один — в мягкий вагон, один — в плацкартный и к нему три детских.

Теперь я вспомнила обстоятельства продажи этих билетов. Станция у нас маленькая, пассажиров дальнего следования бывает немного. Незадолго до прихода поезда к кассе подошел мужчина и спросил билет до Львова. Я уже взяла билетную книжку, но в этот момент к окошку кассы приблизилась женщина с тремя детьми и стала просить мужчину пропустить ее без очереди, так как она боится опоздать с детьми на поезд. Мужчина сердито сказал, что до прихода поезда еще 15 минут, она, мол, вполне успеет, а он и сам торопится. Мне пришлось оформить билет ему, а уж потом женщине с детьми. Вот он-то и взял билет в мягкий вагон, а женщина — в плацкартный.

Вопрос. Не помните ли вы, как выглядел этот мужчина, какие у него были вещи?

Ответ. Я запомнила, что он взял билет одной рукой, а когда протянул в окошечко другую руку за сдачей, то я увидела: у него нет двух пальцев. Каких-либо вещей у него я не видела...

ЛЬВОВ

ЛИСТ ДЕЛА 74.

В эти последние дни во мне будто что-то умерло. Я носился по городу, разговаривал с разными людьми, распоряжался, получал от начальства указания, исполнял их, иногда нарушал, что-то организовывал, но все это происходило будто с кем-то другим, а я просто сопровождал этого другого человека. Я устал. Я устал даже ненавидеть Бандита, и он существовал для меня как изначальная данность: его надо взять — и точка.

Биология точно выяснила размеры допустимых для человека физических перегрузок. А кто посчитал допустимые для человека моральные перегрузки? И вообще сколько может выдержать следователь?..

Я утратил даже свое шестое чувство — чувство правды, и когда разговаривал с людьми, то, смотря им в глаза, меланхолично раздумывал: врет или нет? А чувство правды молчало. И еще — я с удивлением заметил, что меня не радует, если человек явно говорил правду. Может быть, потому, что за последние дни я видел слишком много хитростей и горя, правда казалась мне слишком примитивно придуманной легендой. И от этого я был противен самому себе и, закрыв глаза, подолгу бормотал: «Это пройдет, обязательно пройдет. Ведь и водолазов поднимают со дна не сразу».

И, может быть, именно поэтому, не желая доверять своему пошатнувшемуся чувству правды, я решил встретить львовского абонента Бандита—Петра Березко особенно подготовленным. Слишком ответственный разговор нам предстоял. Мне надо было хорошо познакомиться с ним — пока заочно. Во время допроса знакомиться с ним будет поздно...

РАПОРТ

Докладываю, что по сообщению Львовского телефонного узла абонентом № 37-54 является гр-н Березко Петр Моисеевич, проживающий по улице Костюшко, дом № 26, квартира 5.

В результате тщательной проверки личности Березко установлено:

Березко П. М., 1929 г. р., уроженец гор. Рахова, живет во Львове с 1948 года, женат, имеет двоих малолетних детей, работает начальником караула отдела военизированной охраны Львовского железнодорожного узла. По службе характеризуется очень хорошо. Имеет ряд наград за высокие показатели в работе и за смелые, инициативные действия при охране государственного имущества. По месту жительства пользуется авторитетом, как человек серьезный, положительный. Общителен, дружелюбен, живет открыто, скромно, в пределах средств получаемой зарплаты. В связях с подозрительными лицами не замечен. Каких-либо компрометирующих данных о нем не имеется.

По роду службы имеет свободный доступ к огнестрельному оружию и боеприпасам. В частности, в распоряжении Березко находятся патроны к револьверу «Наган», пистолету «ТТ», трехлинейной винтовке, малокалиберные патроны. Согласно учетным данным, ни излишков, ни недостач патронов, вверенных Березко, при ревизиях не обнаруживалось.

Лейтенант ГОЛОБОРОДЬКО.

ЛИСТ ДЕЛА 75.

Я сидел в маленькой комнате Березко за столом, накрытым вышитым рушником, и дожидался хозяина. Я складывал домиком рассыпанные спички, но пальцы дрожали, и домик каждый раз разваливался, и я с тупым упорством начинал складывать его вновь. Потом подумал: «Если успею сложить, то поймаю. А если...»

За тонкой дощатой стенкой, у соседей, кто-то лениво переругивался. Мужской жирный голос вползал в щели, как замазка:

— Ляля, ты не стоишь тех денег, которых ты мне стоишь...

Ляля бранчливо отвечала:

— Помолчал бы! Сам хорош больно! Хоть бы букет цветов когда принес! Семьянин называется! От тебя, кроме едкого лука, ничего не дождешься...

Мужчина удивился:

— А что? Зеленый лук — это, может быть, мои самые любимые цветы. Терпеть не могу закусывать тюльпанами...

Жена Березко сказала за спиной:

— А вон и Петро.

Я посмотрел в окно. Коренастый, невысокий мужчина в вохровской форме шел через дорогу к дому.

Я аккуратно взял две последние спички, положил на домик одну, потом стал укладывать другую. Хлопнула дверь, и пальцы в последний момент дрогнули. Домик снова развалился...

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
Петра БЕРЕЗКО

...Вопрос: — Вечером семнадцатого сентября вы говорили по телефону с Ригой. Расскажите об этом максимально подробно.

Ответ: — Примерно неделю назад, возможно, что это было семнадцатого сентября, мне позвонил из Риги знакомый — Прохоров Василий. Мы с ним давно не виделись, и он сказал, что собирается побывать во Львове, поохотиться. Разговор, в общем, был недолгий. А четыре дня назад он приехал ко мне, как и собирался. Мы с ним посидели, поговорили, жена собрала нам ужин. Часов в двенадцать Прохоров ушел, договорились, что мы с ним созвонимся.

Вопрос: — Полное имя Прохорова, отчество, год и место рождения, нынешнее место жительства и работы?

Ответ: — Василий Иванович. Год рождения — 1934. Родился он и живет в Киеве, там же он и работает—разъездным механиком Киевской дальнорейсовой автобазы. Все это мне известно с его слов. А точного адреса я не знаю, мы не переписывались, и в Киев я не собирался.

Вопрос: — Расскажите о вашем знакомстве с Прохоровым...

Окончание. См. «Огонек» №№ 14—20, 22—23.

...Березко задумался. Он не выглядел ни испуганным, ни встревоженным, а только очень удивленным. И вообще он выглядел очень простым, очень честным человеком. Васильковой синевы глаза на красном, обветренном лице смотрели на меня доверчиво-недоуменно — «чего это о глупостях каких-то расспрашивают?». Но ведь именно ему звонил Бандит, именно у него просил «маслят»! Что их в принципе-то может связывать, таких разных, совсем непохожих?..

Березко кашлянул.

— Так вот. Было это года четыре назад, в осень. Женка моя была тяжелая тогда и жила у матери в деревне Голованевке, километрах в сорока от Львова. Ну, зная, что у нее скоро роды будут, я взял отпуск на три дня и приехал в Голованевку за нею. Только приехал, часу не прошло — начались у ней преждевременные схватки. А в это время голованевский зоотехник, «Москвич» у него собственный, собирается в город. Вот мы и поехали с ним. До Львова уже оставалось километров двадцать — мотор у машины испортился. Вот и сели мы куковать — на шоссе души живой не видно. Водитель наш, видать, только по коровам техник — никак таратайку свою починить не может. А жене уж совсем некуда стало. Тутто, на наше счастье, и является Прохоров — на мотоциклетке под дождем чешет. Ну, естественное дело, голосую я ему, остановился. Упрашиваю его посмотреть машину. Нет, говорит, спешу я, давай, говорит, из ближнего села позвоню тебе на работу, чтобы машину прислали. Я ему объясняю, что работаю, мол, в охране и сроду у нас машин никогда не было. Черт с тобой, говорит Прохоров, посмотрю. Посмотрел. Лопнула, говорит, пружина молоточка. Потом задумался ненадолго, но глубоко так задумался, бормотнул, что долг, мол, платежом красен, а потом снял со своей мотоциклетки какую-то штуку, достал инструменты и за несколько минут починил нашу колымагу. А жена уже в крик заходится. Я ему пятерку протягиваю, а он смеется: не надо, мол, дружбой сочтемся, в гости к крестнику приду. Так вот и познакомились...

...Вопрос: — Просил ли он у вас что-нибудь во время разговора по телефону из Риги, а затем когда приехал во Львов?

Ответ: — Единственное, что Прохоров у меня спросил, это не могу ли я дать ему «маслят», так он называет патроны. Они ему были нужны для охоты, у него есть нарезное ружье. Я сказал, что подумаю. Когда Василий приехал ко мне, он вернулся к этому разговору. Правда, у меня дома было только шесть или семь патронов, я ему их и отдал.

Вопрос: — Каких патронов?

Ответ: — Автоматных.

Вопрос: — О чем вы разговаривали при последней встрече? Постарайтесь припомнить вопросы, которые задавал вам Прохоров.

Ответ: — Трудно ответить на этот вопрос, разговор у нас был обычный, приятельский, о том о сем, о жизни. Вспоминали разные интересные случаи. Потом зашел разговор об автомобилях, и Василий сказал, что хочет купить в львовском автомагазине «Волгу». В связи с этим он попросил, чтобы я сказал ему, когда на товарную станцию поступят машины для автомагазина, поскольку там у него есть блат и он сможет заблаговременно договориться о покупке машины без очереди. Я согласился. Вчера на станцию пришло тридцать пять «Волг», и вечером, когда Василий звонил, я ему сказал об этом.

Вопрос: — Где остановился Прохоров во Львове?

Ответ: — К себе я его пригласить не мог, так как у нас одна комната, но Василий сказал, что для него это не проблема, ему есть где устроиться. А я, честно говоря, впоследствии даже забыл его спросить об этом...

ЛИСТ ДЕЛА 76.

— Ваш приятель Прохоров — бандит и убийца. В Риге, где он в последний раз убил человека, у него кончились патроны. А вы, Березко, вооружили его снова...

Березко растерялся. Он разводил руками и судорожно открывал рот, будто хотел сказать: «Не может этого быть!» Но так ничего не сказал.

— Я обязан поставить в известность ваше начальство о том, что вы безответственно распоряжаетесь боеприпасами. Ваши автоматные патроны подходят для его пистолета. Все.

— Правильно, так мне, дураку, и надо...— сказал Березко и с размаху ударил себя кулаком по голове.— Так тебе, дураку, и надо.

Я сгреб спички на скатерти в кучу и сказал:

— Петр Моисеевич, я уверен, что вы сделали это без умысла.

Березко горько пожал плечами.

— Я попрошу вас сообщить нам, если Прохоров появится...

...Снова ушел от меня Бандит. И где он сейчас, неизвестно. Адрес его киевский, безусловно, липа. Но не проверить его я не имею права...

КИЕВ

ГОРОДСКОЙ УГОЛОВНЫЙ РОЗЫСК.

ТЕЛЕГРАММА

СРОЧНО ТЕЛЕГРАФИРУИТЕ ФАКТ ПРОЖИВАНИЯ КИЕВЕ ПРОХОРОВА ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА зпт 1934 ГОДА РОЖДЕНИЯ зпт УРОЖЕНЦА КИЕВА зпт РАБОТАЮЩЕГО АВТОБАЗЕ МЕЖДУГОРОДНЫХ ПЕРЕВОЗОК тчк

ОТВЕТ НА ЛЬВОВСКУЮ ГОРМИЛИЦИЮ тчк

СЛЕДОВАТЕЛЬ.

ЛИСТ ДЕЛА 77.

Я был уверен, что никакого Прохорова в Киеве не окажется. То есть Прохоров окажется, и даже не один, но это будут люди, не имеющие никакого отношения к делу.

Я вспомнил слова попа, с которым мы ехали в Ригу: «В писании сказано, что змей был хитрее всех зверей полевых. И повелел ему за это господь ходить на чреве его». То есть, попросту говоря, ползать на пузе. Бандит тоже всю жизнь ползает на пузе за хитрость, за подлость, за жестокость свою. У него нет ничего, кроме краденых, награбленных денег. Даже имени нет, потому что если носишь много имен, значит, нет своего. Его имя можно установить только по дактилоскопической карте. Разве могла мать, нарекая его Сашей, Васей, Петей, подумать, что его имя люди будут узнавать по отпечаткам пальцев? Он сам вычеркнул себя из людей, стал просто номером в картотеке. Ничего у него нет. И не будет. Кроме пули...

ЛЬВОВ, ГОРМИЛИЦИЯ.
СЛЕДОВАТЕЛЮ.

ПРОХОРОВ ВАСИЛИИ ИВАНОВИЧ зпт 1934 ГОДА РОЖДЕНИЯ зпт УРОЖЕНЕЦ КИЕВА зпт ПРОЖИВАЮЩИМ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ КИЕВЕ НЕ ЗНАЧИТСЯ тчк НА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АВТОБАЗЕ МЕЖДУГОРОДНЫХ ПЕРЕВОЗОК РАБОТАЕТ ДИСПЕТЧЕРОМ ПРОХОРОВ ВАСИЛИИ ИВАНОВИЧ зпт 1898 ГОДА РОЖДЕНИЯ зпт УРОЖЕНЕЦ ХАБАРОВСКА зпт ПРОЖИВАЕТ УЛИЦА ПЕХОТНАЯ 6 зпт КВАРТИРА 1 тчк ЗАМНАЧ УГРОЗЫСКА

ПРИЛИПКО.

ЛИСТ ДЕЛА 78.

Впервые за все это время я знал, что Бандит рядом. Я разослал на него ориентировки со словесным портретом по всем близлежащим железнодорожным станциям, в аэропорт, автовокзал, всем участковым и оперуполномоченным уголовного розыска. Где-то в городе бродила смерть, ее надо было вовремя схватить, мне надо было прицелиться первым.

Этот Бандит наверняка травленый волк и попросту болтаться в городе не станет. Я даже допускал, что он и в самом-то городе не живет, а снимает где-либо поблизости в курортном местечке комнату. Хозяйки, чтобы не платить налог, иногда держат квартирантов без прописки.

Но что ему здесь надо? Я чувствовал, что он здесь не просто так, что он к чему-то готовился. А к чему, я так и не мог понять. Пока не пришло сообщение о судьбе машины Корецкого...

РИГА, ГОРМИЛИЦИЯ

СЛЕДОВАТЕЛЮ

Исх. № 611/СЛ.

ЗАПИСКА

Обнаружена «Волга» номер ЛЕВ 78-10, объявленная во всесоюзный розыск циркуляром за № 89. Обстоятельства дела:

В госавтоинспекцию гор. Тбилиси обратился гр-н Кохиани Леон Борисович с заявлением о том, что 6 сентября он купил у человека, назвавшегося Корецким, автомашину «Волга», горзнак ЛЕВ 78-10, комбинированного цвета (верх голубой, низ белый). При этом владелец машины передал покупателю вместе с «Волгой» техталон на нее, а технический паспорт обещал выслать по почте после снятия машины с учета в Ленинграде. Однако обещания своего он не выполнил, в связи с чем Кохиани и обратился в госавтоинспекцию.

Заявление Кохиани и техталон высылаем, автомашина принята на хранение до Вашего распоряжения.

ЛИСТ ДЕЛА 79.

Машина Корецкого, перекрашенная до половины, была продана Бандитом в Тбилиси. Последний кирпичик стал на место. Теперь понятно, где он был между Крымом и Ригой. Его маршрут, сверенный по датам, был очевиден: Тбилиси — Ленинград — Москва — Крым—Тбилиси — Рига — Львов. В каждом месте, где он побывал, Бандит убил, ограбил, обманул. Во Львове его надо остановить. Но для этого нужно угадать, что он собирается сделать. Вот она — война с Загадкой. Только сейчас это уже была не абстрактная академическая Загадка, а живой бешеный волк. Я столько думал о нем, столько раз слышал о нем и столько раз представлял его, что, встретив на улице, наверняка сразу же узнал бы.

Я позвонил дежурному по городу и попросил незамедлительно информировать меня о всех происшествиях.

В четверть девятого он сообщил, что угнали машину. Бандит пошел в атаку первым...

СВОДКА

о происшествиях по гор. Львову за 29 сентября.

...п. 1. УГОН АВТОМАШИНЫ.

В период от 18 час. 30 мин. до 20 час. от кинотеатра «Прогресс» угнана автомашина «Волга» коричневого цвета, государственный номерной знак ЛВА-09-74, принадлежащая второй колонне городского автотреста. На месте угона обнаружена вырубленная из дверного замка личинка. Розыск ведет 3 отделение милиции...

ЛИСТ ДЕЛА 80.

Я уперся лицом в ладони, боясь шевелить головой, чтобы не выплеснуть, как из переполненной чашки, самую главную мысль.

Так. Бандит убил Корецкого, чтобы надолго получить машину, которую много времени никто не будет искать. Но не успел спрятать труп и понял, что на машине ездить рискованно. Продал ее Кохиани. Это раз.

Пошли дальше. Во всех машинах, угнанных в Тбилиси, Риге и Львове, одинаковым способом вырублены замки. Я вспомнил слова Линнасте о том, что Бандит возил в портфеле какую-то тяжелую трубу. Наверное, это и было приспособление для вырубания замков.

Следующее — машины Рабаева, Дулицкого и Корецкого были перекрашены с целью маскировки, и на первых двух заменены номера. Скорее всего, «Волга», которую угнали сегодня, будет ночью перекрашена и номер на ней заменен. У Бандита есть номер с машины Дулицкого. Расчет ясный: сейчас во Львове проходит чемпионат страны по стрельбе, и сюда приехало множество спортсменов на машинах с иногородними номерами. Украденная сегодня «Волга» завтра, с рижским номером, перекрашенная, будет неузнаваема.

Угон машины в Риге предшествовал нападению на инкассатора. Что он хочет сделать сейчас? Почему он расспрашивал Березко об автомагазине?

Догадка пришла неожиданно. Я хлопнул себя ладонью по лбу. Как же сразу не сообразил! Я стал лихорадочно обзванивать все телефоны. Дежурный по городу невозмутимо сказал:

— Да вы не волнуйтесь. Я сейчас позвоню директору автомагазина домой и сразу же перезвоню вам...

Я бегал по комнате в ожидании его звонка и думал о словах учителя Коростылева, казалось, забытых навсегда и сейчас вдруг отчетливо всплывших в памяти: «Не понимая — нельзя отрицать. Ведь немые тоже рассказывают друг другу анекдоты — мимикой и жестами. И весело смеются при этом вслух, хотя нам от такого зрелища грустно».

Дежурный позвонил минут через пять. Директор сказал ему, что сегодня в магазине было вывешено объявление: двадцати пяти очередникам предлагалось завтра внести деньги за «Волги».

Все стало на свои места. Ясно. Завтра Бандит пойдет брать инкассаторов у автомагазина. Инкассаторы понесут сумку, в которой будет больше 100 тысяч рублей. По-старому — больше миллиона.

Все стало на свои места. Для меня. Теперь я должен поставить все на свои места для Закона...

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Я, СЛЕДОВАТЕЛЬ,

рассмотрев материалы уголовного дела № 4212,

УСТАНОВИЛ:

1. 22 августа с/г неизвестный преступник похитил в гор. Тбилиси автомашину «Волга», принадлежащую гр. Рабаеву (номер ГХ 34-52), которую 25 августа продал в Ленинграде гр-ну Косову.

2. В ночь с 3-го на 4 сентября с/г в районе поселка Солнечный Гай, Крымской области, неизвестным преступником был убит гр-н Корецкий Е. К.

С места убийства преступник угнал автомашину Корецкого и 6 сентября продал эту машину жителю г. Тбилиси Кохиани.

3. 18 сентября с/г в гор. Риге неизвестный преступник угнал автомашину «Волга», принадлежащую гр-ну Дулицкому, и в тот же день, используя машину, совершил разбойное нападение на инкассатора, тяжело ранив его при этом и убив из пистолета охранника.

4. 29 сентября с/г в гор. Львове неизвестным преступником угнана автомашина «Волга» номер ЛВА 09-74, принадлежащая горавтотресту.

С учетом показаний свидетелей и других материалов следствия (сходство примет преступника, характер способов совершения преступлений, тождественность боеприпасов) имеются основания полагать, что вышеуказанные преступления совершены одним и тем же лицом.

В силу изложенного и руководствуясь Законом,

ПОСТАНОВИЛ:

Уголовные дела о всех перечисленных в настоящем Постановлении преступлениях СОЕДИНИТЬ с уголовным делом № 4212, возбужденным по факту убийства гр. КОРЕЦКОГО Е. К.

СЛЕДОВАТЕЛЬ.

ЛИСТ ДЕЛА 81.

Совещание закончилось в четыре часа утра — отрабатывали план операции. Начальник уголовного розыска сказал мне:

— Я бы на вашем месте все-таки не рвался туда. Черт его знает, как там получится! А наши ребята его и сами возьмут.

Я усмехнулся:

— А я и не слишком рвусь. Но я его раньше всех узнаю.

— Ну, до завтра. Вернее, до сегодня...

Он довез меня на машине до гостиницы. Я поднялся в свой номер, не раздеваясь прилег на диван и мгновенно уснул. И почти сразу же приснился странный сон. А может быть, мне показалось, что сразу.

...Я сложил руки лодочкой, и в них плещется какая-то густая жидкость, протекая по каплям между пальцами. Рассматриваю эту жидкость и не могу понять, что это такое. И ужасно жалко мне видеть, как она стекает с рук, капает на пол и сразу исчезает. Только когда ее осталось совсем мало, я понял: в моих руках плещется Время. Когда вытечет последняя капля, я умру...

Я закричал, рванулся и понял, что это сон. Посмотрел на ладони — они были мокрые. Я провел ими по лицу и почувствовал, что щеки тоже мокрые. Впервые в жизни я плакал во сне.

...А телефонные провода и радиоволны милицейской связи несли дежурным спокойно-деловитые строчки циркуляра: «Всем... всем... всем...»

...ВСЕМ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМ ОПЕРАТИВНОЙ, НАРУЖНОЙ И ПАТРУЛЬНОЙ СЛУЖБЫ МИЛИЦИИ ГОРОДА ЛЬВОВА

ЦИРКУЛЯР

По имеющимся данным, в городе Львове находится особо опасный преступник, готовящийся совершить новое тяжкое преступление.

С целью обеспечения оперативно-следственных мероприятий по задержанию преступника —

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Принять все меры к обнаружению разыскиваемого по приметам словесного портрета.

2. Преступник может быть на автомашине — «Волге» коричневого либо комбинированного (коричневый с белым) цвета;

— дверной замок вырублен;

— номер машины — «ЛА-96-73».

3. В случае обнаружения преступника иметь в виду, что он вооружен пистолетом «ТТ», которым, безусловно, воспользуется при задержании. Поэтому задержание должно быть внезапным и обеспечивающим безопасность сотрудников милиции и окружающих граждан.

Если преступник будет в машине, немедленно, по радио или телефону, сообщить о его местопребывании и направлении движения дежурному по городу.

4. Все авто- и мотопатрульные машины несут службу на улицах города. Радиосвязь — по утвержденной схеме...

ЛИСТ ДЕЛА 82.

В десяти метрах от дверей автомагазина — подворотня. Она выходит в длинный, идущий зигзагами двор. В глубине двора сараи, с которых можно перепрыгнуть на старый брандмауэр. С него есть переход на крышу соседнего дома. Через чердачное окно попадаешь на лестничную клетку, спускаешься вниз и выходишь на соседнюю улицу Коперника.

Около этого подъезда и остановилась в четверть седьмого двухцветная коричнево-белая «Волга» с рижским номером ЛА 96-73.

Я этого не видел, потому что с трех часов торчал в самом магазине, напряженно вглядываясь в каждого входящего. Здесь же праздными зеваками и фанатиками-автолюбителями ходили несколько оперативников уголовного розыска.

В половине седьмого ко мне подошел оперативник Кандауров, которого я запомнил еще на ночном совещании, еле шевельнул губами:

— Вот он...— и стрельнул в сторону глазами.

Я посмотрел туда. Бандит стоял у прилавка и спокойно рассматривал какие-то запчасти. Да, это был он. Конечно, он. Я бы узнал его из тысячи тысяч людей.

Я старался не смотреть на него, но не мог. Голову, как магнитом, разворачивало. Я стоял, сжав в карманах кулаки, и чувствовал противную мучительную слабость. По спине текли теплые, липкие струйки пота. Я понял, что сил у меня больше не осталось.

— Берите его на улице, здесь он может кого-нибудь ранить,— сказал я Кандаурову и вышел из магазина. Перешел через дорогу, сел в машину, на заднее сиденье в угол, и меня охватил такой колотун, что я придерживал челюсть рукой, чтобы не стучали зубы.

Начальник уголовного розыска спокойно, негромким голосом говорил в микрофон:

— Замкнуть оцепление. Шестому переместиться на пункт два. Закрыть улицу Коперника. Вызываю к себе патрульную машину 12, вызываю к себе... Блокируйте выход...

Потом обернулся ко мне, достал из заднего кармана брюк плоскую фляжку и отвинтил пробку:

— Глотните. Вы сильно устали...

Все произошло мгновенно. Бандит вышел на улицу, огляделся и в это время от стены отделились двое. Сзади подъехала серая «Волга», и я лишь увидел, как Бандит присел и сразу же упал в распахнутую дверь машины, куда следом прыгнул оперативник. Машина, с ревом набирая скорость, пролетела мимо нас, и через окно я видел белые глаза Бандита с черными точками посередине...

Испуганные прохожие опомнились и загомонили:

— В чем дело? Хулиганство! Милицию надо вызвать! Зачем так?

Кандауров поднял с тротуара блеснувший вороненый «ТТ», улыбнулся и сказал:

— Так надо...

И пошел через дорогу к нашей машине...

ПРОТОКОЛ ЗАДЕРЖАНИЯ

Город Львов, 30 сентября, 19 час. 12 минут.

Я, дежурный городского отдела милиции Кучер, задержал по подозрению в совершении ряда тяжких преступлений (убийство, разбой и др.):

Фамилия

Имя

Отчество
Год рождения
Место рождения
Национальность
Судимость
Сообщить какие-либо данные о себе задержанный ОТКАЗАЛСЯ.
Место работы
Должность
Место жительства
Задержанный для установления его личности дактилоскопирован и водворен в камеру предварительного заключения.

Дежурный Львовского городского отдела милиции капитан милиции КУЧЕР.

ЛИСТ ДЕЛА 83.

— Ничего говорить не буду,— сказал Бандит.

— А я тебя ни о чем и не спрашиваю. Того, что я знаю о тебе, вполне достаточно. Смягчающие обстоятельства будешь искать сам...

Я сидел напротив и просто рассматривал его. Высокий, темноволосый, светлые, почти белые на свету глаза, с черными, длинными, как у кота, зрачками. Все-таки мне удалось материализовать фантом. Я прочитал книгу от начала до конца...

В ЦЕНТРАЛЬНУЮ ОПЕРАТИВНО-СПРАВОЧНУЮ КАРТОТЕКУ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР.

Направляя дактилоскопическую карту задержанного, отказавшегося дать сведения о себе, прошу проверить наличие у него дактилоскопической регистрации и в положительном случае сообщить демографические данные задержанного и наличие у него судимостей.

СЛЕДОВАТЕЛЬ.

ЛИСТ ДЕЛА 84.

— Бандита завтра этапируйте в Москву. Дальнейшее следствие будет вести Прокуратура Союза. А я поеду домой.

— Вас подвезти до гостиницы?

— Нет, спасибо, я лучше пройдусь перед сном...

Я вышел на улицу и увидел, что дождь кончился. Ветер совсем расшвырял облака. Над головой висели звезды, тяжелые, яркие, как неупавший град. А я уже совсем отвык от звезд. Шуршали под ногами подсохшие листья платанов, ветер подхватывал их и с треском гнал по мостовой. В костеле часы пробили три.

Я шел по длинной пустынной улице, полого спускавшейся вниз, и думал о том, что хорошо бы приехать сюда вновь. Не ловить Бандита, а просто гулять по этим тенистым улицам и возвращаться ночью в гостиницу не из тюрьмы, а из ресторана. Или из театра. Мне все равно. Только бы не из милиции и не из тюрьмы. И ходить по магазинам, чтобы покупать гуцульские безделицы, а не поджидать в них бандитов.

Я ведь совсем не герой, и приключения Джеймса Бонда не по мне. Наверное, беда в том, что у меня совсем нет честолюбия и следователем я стал случайно. Когда все мои приятели мечтали быть летчиками, пожарными и пограничниками, я мечтал стать дворником. Честное слово! Я мечтал стоять по утрам у дверей нашего дома в белом фартуке с красивой бляхой и первым, самым первым в этот день говорить всем жильцам: «Доброе утро!» Просто я хотел говорить всем людям «Доброе утро!». А получилось совсем наоборот. И когда я могу сказать людям: «Спокойной ночи!» — во мне тлеет глупая детская радость, что и я не зря живу на земле.

Завтра я уеду из этого города к себе домой, и, кто знает, попаду ли когда-нибудь сюда снова. Потом подумал, что, наверное, у меня уже и дома никакого нет. Не ответила Наташа. Не смог я ей сказать про настоящую нежность.

Я постоял около памятника Мицкевичу.

И тут вспомнил, что сегодня у меня день рождения. Да-да, день рождения — 1 октября! И я почему-то ужасно обрадовался, что у меня день рождения. Что сегодня мне исполнилось двадцать девять лет! Хорошо было бы выпить по этому поводу, да в три часа нигде не выпьешь. Прекрасно, что общепит так принципиально борется за мое здоровье и нравственность.

— Ура общепиту! — сказал я и пошел в гостиницу. А настроение у меня было великолепное.

Я бегом поднялся на второй этаж и вдруг увидел напротив своей двери фигуру. Инстинктивно бросив руку на карман, я спросил строго:

— Это кто тут ходит? — и сделал еще шаг.— Элга? Как вы сюда попали?

Она подошла ко мне вплотную и уткнулась лицом в грудь:

— Мне надо было хоть еще один раз вас увидеть...

Я обнял ее за плечи и почувствовал себя необычайно мужественным и сильным.

— А почему вы ждали в коридоре, а не в номере?

— Потому что посторонних людей в номер не пускают.

— Ну, уж это дудки! Я сам разберусь, кто мне посторонний...

И я понял, что жизнь замечательна, даже если за тобой никто не хочет стоять в очереди.

БАСКЕТБОЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СТАРЫЕ ЗАСЛУГИ НЕ В СЧЕТ

Играет сборная. У щита В. Андреев, М. Палаускас, З. Саканделидзе (в темных майках).

Фото Ю. Шаламова.

Вот и подошел к концу баскетбольный чемпионат страны, один из самых ярких и содержательных. Уже первые матчи показали, что безраздельному господству ЦСКА пришел конец. Московские армейцы и на сегодняшний день, бесспорно, остаются нашей сильнейшей клубной командой, что они доказали, став чемпионами страны, но разрыв в классе игры между ними и такими коллективами, как «Динамо» Тбилиси и Москвы, «Спартак» (Ленинград), «Жальгирис» (Каунас), «Калев» (Тарту), «Строитель» (Киев), сократился до минимума. Подтверждением тому семь поражений армейцев к началу второй половины чемпионата СССР. А ведь еще два-три года назад баскетболисты ЦСКА финишировали, имея в турнирной таблице всего один-два нуля, причем каждый раз неудачи лидера воспринимались как сенсация.

Сейчас каждая победа дается обладателям Кубка европейских чемпионов с небывалым трудом. И это в то время, когда в их распоряжении имеется такой центровой, как Владимир Андреев (его рост — 216 сантиметров), когда великолепно играют в ЦСКА Сергей Белов, Александр Кульков, Вадим Капронов.

Вот уже второй год подряд отлично выступают тбилисские динамовцы. С приходом к тренерскому рулю заслуженного мастера спорта Левона Ицкирвели южане заиграли свежо и интересно, хотя главная ударная сила грузин — по-прежнему ветераны. Мосешвили, Алтабаев, Угрехилидзе, видимо, переживают сейчас в спорте вторую молодость. В прошлом сезоне кое-кто пытался расценивать победу тбилисцев в чемпионате страны как случайность. Сейчас ясно, что тбилисское «Динамо» действительно одна из сильнейших команд страны.

Любители баскетбола часто спорят: сколько процентов «Жальгириса» составляет Паулаускас? В прошлом сезоне литовцы играли временами неплохо и без своего лидера, но, честное слово, это была другая команда, так же, как она иная и сегодня, когда на площадке нет Моди, как его ласково называют товарищи. Конечно, баскетбол — игра коллективная, и если бы рядом с Паулаускасом не находились хорошие партнеры, вряд ли бы он что-нибудь реальное мог сделать.

А вот его товарищ по сборной — центровой киевского «Строителя» Анатолий Поливода играет в нынешнем сезоне неровно. То принесет своей команде сорок очков, то четыре. Анатолию с его двухметровым ростом все труднее и труднее выполнять роль центрового. Ведь в современном баскетболе 2 метра не так уж много. Вообще «Строитель» — «вечно серебряная команда» — второй год переживает определенный кризис, вызванный назревшей необходимостью смены поколений.

К сожалению, и в нынешнем сезоне опять огорчили две рижские команды — ВЭФ и СКА. В Латвии в прошлые годы были воспитаны замечательные баскетболисты, неоднократно защищавшие цвета сборной страны. Баскетболисты СКА несколько раз становились чемпионами страны и стали первыми обладателями Кубка европейских чемпионов. Тем обиднее, что вот уже много сезонов подряд команды никак не могут стать на ноги. Мастерство таких игроков, как Круминьш, Мужниекс, Эглитис, Гулбис, поблекло, а подготовить своевременно достойную им замену в республике не позаботились.

Наблюдая жаркие, полные драматизма поединки в чемпионате страны и оценивая игру той или иной команды, нельзя забывать, что любые внутренние состязания — прелюдия к крупнейшим международным турнирам. Уже в сентябре сборная СССР будет вновь отстаивать в Италии звание сильнейшей команды Старого Света в очередном чемпионате Европы.

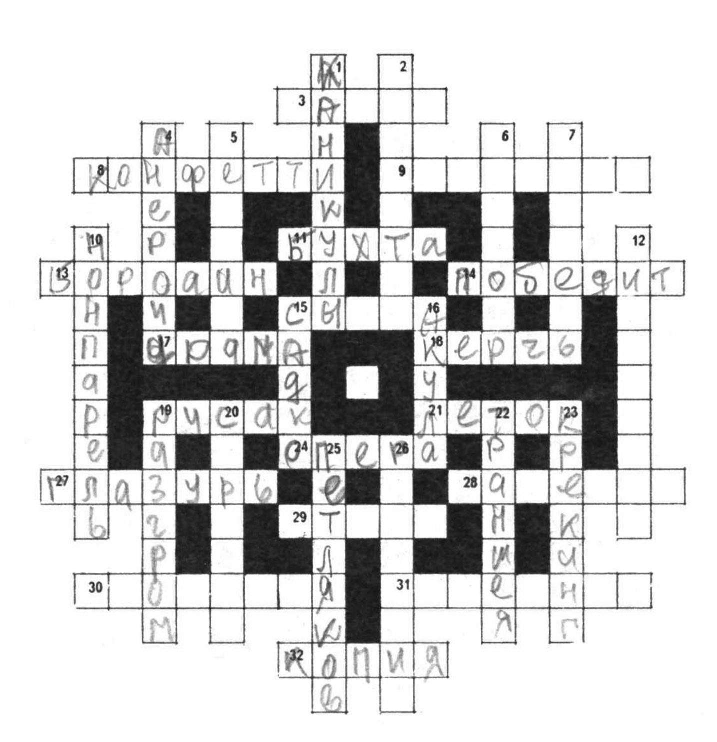
В нынешнем году команда начинает новый четырехлетний цикл подготовки к будущей Олимпиаде. Вехами на ее пути будет не только чемпионат Европы, но и первенство мира. Сборная, естественно, нуждается в пополнении.

Молодежь у нас есть. Вот два нападающих, два Александра — двадцатилетний москвич динамовец Болошев и ленинградец спартаковец восемнадцатилетний Белов. Парни ладно скроены, техничны, обладают отличными бросками и со средних и дальних дистанций, смело вступают в битву «на втором этаже», успешно борются за отскочивший от щита мяч. Думается, что при дальнейшем совершенствовании они могут вырасти в новых Вольновых.

Наибольшие трудности, как выяснилось, тренеры сборной испытывают при подборе защитников. В клубах появилось достаточное количество гулливеров, способных успешно действовать под щитом, и это очень осложняет действия игроков обороны.

Как будет выглядеть новая сборная страны? Кто войдет в ее ряды? Ответить на эти вопросы сейчас трудно: ведь вакансий всего двенадцать и прежние заслуги не в счет.

М. ПРОВОРНЕР

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Персонаж пьесы М. Горького «Дачники». 8. Разноцветные бумажные кружочки. 9. Растение семейства бобовых. 11. Небольшой залив для стоянки судов. 13. Русский композитор. 14. Твердый металл. 15. Приток Чусовой. 17. Род художественной литературы. 18. Город в Крымской области. 19. Заяц. 21. Отверстие в улье. 24. Музыкально-драматическое произведение. 27. Стеклообразный слой на керамике. 28. Цветок. 29. Стихотворение В. Маяковского. 30. Наука о методах определения фигуры и размеров Земли. 31. Река в Якутии. 32. Точное воспроизведение оригинала, подлинника.

По вертикали: 1. Перерыв в занятиях учебных заведений. 2. Областной центр в Целинном крае. 4. Металлический барометр. 5. Свидетельство о рождении. 6. Созвездие южного полушария неба. 7. Легкая хлопчатобумажная ткань. 10. Типографский шрифт. 12. Государство в Европе. 15. Герой новгородской былины, гусляр и певец. 16. Морская рыба. 19. Роман А. А. Фадеева. 20. Птица отряда дроф. 22. Длинная выемка для прокладки труб, кабеля. 23. Способ переработки нефти. 25. Советский авиаконструктор. 26. Украинский поэт.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23

По горизонтали: 7. Находка. 8. Палитра. 11. «Арлезианка». 12. Монолог. 13. Матрица. 14. Янтарь. 17. Иркутск. 18. Аксиома. 21. Рубрика. 23. Тампико. 26. Штанга. 29. Куросио. 30. Скрепер. 31. Орфография. 32. Полигон. 33. Сицилия.

По вертикали: 1. Балатон. 2. «Холстомер». 3. Экватор. 4. Каравай. 5. Килограмм. 6. Крыльцо. 9. Мельник. 10. Гагарка. 15. Штатив. 16. Эстамп. 19. «Дубровский». 20. Экспедиция. 22. Артишок. 23. Тегеран. 24. «Бурелом». 25. Пирогов. 27. Скрябин. 28. Негатив.

На первой и четвертой страницах обложки: рисунок К. Мистакиди и М. Ишмамедова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

А 00359. Сдано в набор 27/V-69 г. Подписано к печ. 10/VI-69 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1008. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 1477.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Александру Устинову 60 лет

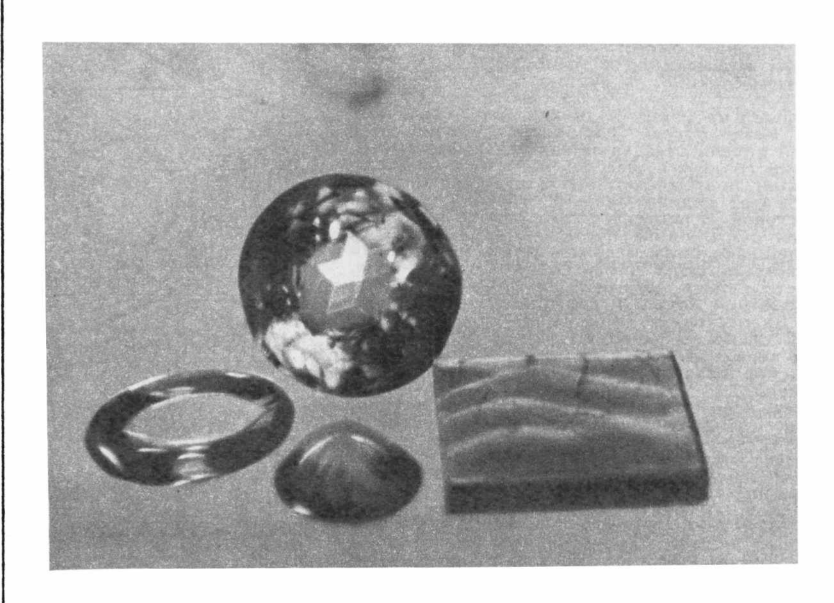

Александр Устинов принадлежит к числу талантливых советских фотомастеров, чье искусство развернулось в годы Великой Отечественной войны, когда к штыку и снаряду были приравнены и перо и фотоаппарат. Александр Устинов известен мне еще со времен финской кампании по совместной работе в газете «Героический поход». Было ему тогда 30 лет, отличался он смелостью, отвагой и умением работать хорошо и оперативно. Неоднократно перекрещивались наши пути и в Отечественную войну, и отчетливо было видно, как растет этот фотомастер, набирает сил, завоевывая себе признание и уважение.

Сейчас трудно представить какое-либо важное событие без участия Александра Устинова. Хоть ему уже 60 лет, а не 30, он по-прежнему оперативен, зорок, умеет передать на пленку не только факт, но и рождаемые этим фактом эмоции. Для него шестидесятилетие не рубеж старости, а возраст возмужания и творческой силы.

Поздравляем Александра Устинова, славного ветерана советского фотоискусства!

Н. КРУЖКОВ

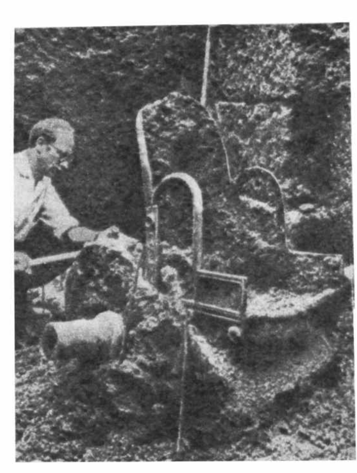

СИНТЕТИЧЕСКИЙ АМЕТИСТ

Стоит только лучам солнца заглянуть в окна павильона «Геология» ВДНХ СССР, как крупные камни аметиста, выставленные здесь, начинают играть всеми цветами радуги.

И каково же будет ваше удивление, когда вы узнаете, что этот аметист создан не природой, а руками людей из маленького городка на Владимирщине — Александрова, где находится институт синтеза минерального сырья. Сотрудники этого института Л. Ченцова и Л. Цинобер нашли способ получать из кварца синтетический аметист, который ничем не отличается от природного.

Г. ЛЕЩИНСКИЙ

ЭТРУССКАЯ КОЛЕСНИЦА

Группа бельгийских ученых откопала в ста километрах от Рима боевую колесницу этрусков. Археологи считают находку очень редкой и ценной.

Изочайнворд курортный

Этот изочайнворд придумал и нарисовал художник Ю. Черепанов.

Отгадайте подписи к рисункам и внесите их в клетки. Последняя буква первого слова должна быть первой буквой второго и т. д.

Фамилии читателей, первыми приславших правильные ответы на изочайнворд, будут опубликованы в журнале.

ОТВЕТЫ НА ИЗОЧАЙНВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18

1. Весна. 2. Анималист. 3. Тренер. 4. Регата. 5. Алгебра. 6. Арлекин. 7. Новосел. 8. Лектор. 9. Рыбоводство. 10. Объяснение.

* * *

Первыми правильные ответы прислали: М. В. Подъяпольский, Н. С. и И. Г. Сидоровы, И. В. Прошляков, И. А. Соколов, Р. И. Тверской, В. И. Денисенко, Г. Г. Кондратьев, Н. Храпунова, семья Соколовых, Л. И. Григо, семья Думчевых, В. И. Коржов, В. Н. Тершуков, Н. и А. Михайловы, Г. Е. Беляков, Л. Ф. Серебренников, Ф. Ф. Канев, А. С. Суворов, Н. Н. Чирков, Б. А. Туманов.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.